

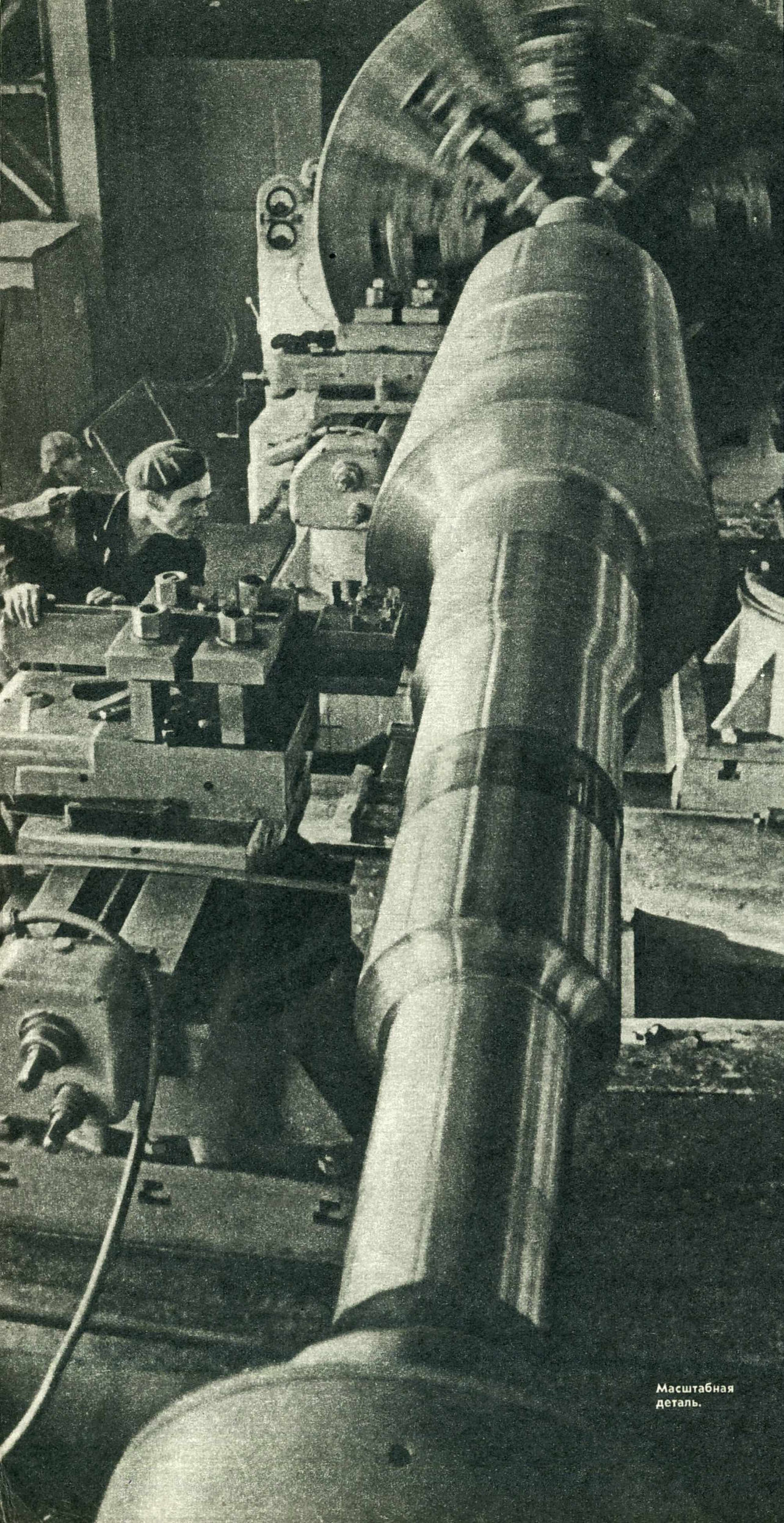

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 11 МАРТ 1977

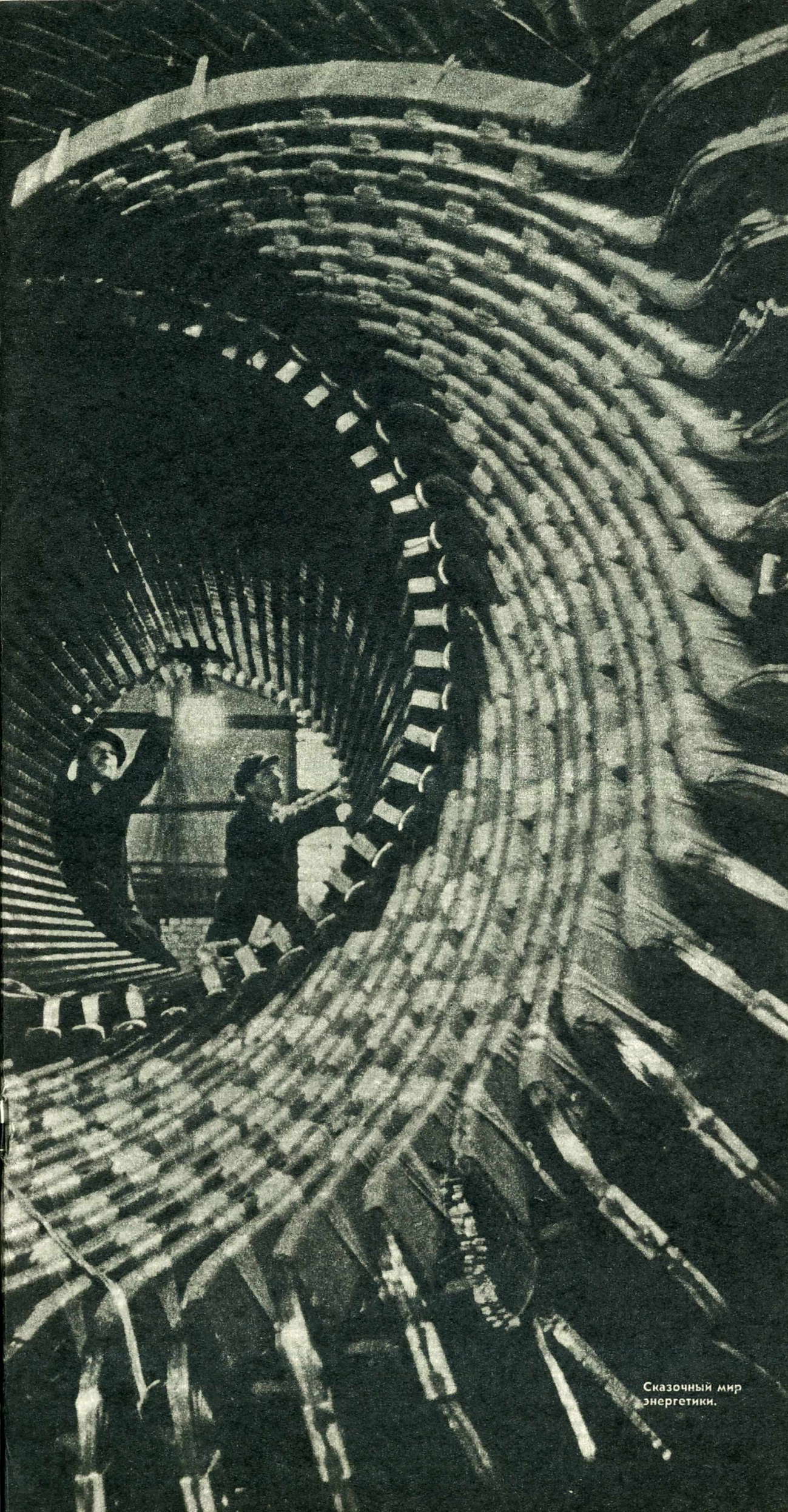

Масштабная
деталь.

РАБОЧАЯ ЭСТАФЕТА

Сказочный мир
энергетики.

адреса великих свершений

Ю. ЛУШИН,
фото автора

Гости из Грузии появились на заводе в среду. На берегах Оби трещал в эти дни мороз, редкий даже для здешних мест, а на далеких берегах Ингури уже веяло весной. Гости ходили по цехам «Сибэлектротяжмаша», знакомились с различными цехами, участками и постепенно отогревались. Им рассказывали о недолгой, но славной истории завода, им демонстрировали знаменитый турбогенератор — гордость заводских конструкторов, — охлаждавшийся водой. Они вежливо слушали объяснения, но всякий раз бригадир монтажников с ИнгуриГЭС Вячеслав Петухов задавал один и тот же вопрос: — Кто же тут у вас собирает

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан
1 апреля
1923 года

№ 11 (2592)

12 МАРТА 1977

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА». «Огонёк». 1977

Москва, Большой театр Союза ССР. Торжественное собрание, посвященное международному женскому дню.

Фото В. Великжанина и О. Иванова (ТАСС)

ИМ ПРИЗНАТЕЛЬНА СТРАНА

5 марта в Большом театре Союза ССР состоялось торжественное собрание, посвященное Международному женскому дню — 8 Марта.

Продолжительными аплодисментами встретили собравшиеся товарищи Ю. В. Андропова, В. В. Гришина, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгина, Ф. Д. Кулакова, Д. Ф. Устинова, П. Н. Демичева, Б. Н. Пономарева, М. С. Соломенцева, И. В. Капитонова, В. И. Долгих, К. Ф. Катушева, М. В. Зимянина, К. У. Черненко, Я. П. Рябова. Вместе с ними в президиуме — заместители Председателя Президиума Верховного Совета СССР, заместители Председателя Совета Министров СССР, руководители министерств и ведомств, передовые работницы московских предприятий, знатные труженицы полей, работники науки и культуры, видные общественные деятельницы.

Единодушно избирается почетный президиум собрания в составе Политбюро ЦК КПСС во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС товарищем Л. И. Брежневым.

Собрание открыла секретарь МКГ КПСС Р. Ф. Дементьева. Она огласила приветствие Центрального Комитета КПСС советским женщинам, которое было встречено присутствующими бурными, продолжительными аплодисментами.

Слово предоставляется председателю Комитета советских женщин Герою Советского Союза, летчику-космонавту СССР В. В. Николаевой-Терешковой. От имени участников собрания и всех советских женщин она сердечно поблагодарила ЦК КПСС за теплые слова приветствия, за высокую оценку роли женщин в коммунистическом строительстве, за ту большую заботу о благе народа, о женщинах, которую неустанно проявляют Центральный Комитет партии, Политбюро ЦК КПСС и лично товарищ Л. И. Брежнев.

С большим подъемом собравшиеся приняли приветственное письмо Центральному Комитету КПСС, Президиуму Верховного Совета СССР, Совету Министров СССР.

гидрогенераторы? — напирая на «гидро».

Ему говорили:

— Погодите немного, скоро увидите.

Наконец Петухов услышал долгожданное:

— Вот человек, который вам нужен, — Александр Николаевич Тимофеев. Его бригада будет собирать гидрогенераторы для вашей станции. Знакомьтесь...

— Генацвале, дорогой, — оживился Петухов, — давай расскажу тебе о нашей ГЭС. Это такая станция, такая, какой нигде больше нет. Представляешь — плотина высотой двести семьдесят один метр... Приедешь, сам все увидишь. Там, знаешь, будут стоять генераторы мощностью по двести шестьдесят тысяч киловатт...

— Ну, это я хорошо знаю, — засмеялся Тимофеев, — генераторы как раз наша забота.

— И наша тоже, — сказал Петухов.

— Мы бы хотели смонтировать первый агрегат к седьмому ноября, к шестидесятилетию Октября. Представляешь, какой будет подарок... если ваша бригада согласится быть его соавтором.

— Представляю, — посерьезнел Тимофеев.

Он понимал, что значат эти слова — быть соавтором. За двадцать лет работы на сборке генераторов Александр Николаевич объездил множество электростанций, на которые «Сибэлектротяжмаш» отправлял свои машины, и знал, что такое период монтажа и пуска. Теперь, размышляя над предложением своего товарища из Грузии, он пытался прикинуть: насколько его бригаде потребуется опередить график, чтобы монтажники успели к празднику. Выходило — почти на месяц. И выходило еще, что двухлетний план свой они завершат тогда к 7 ноября. Он знал, что бригаде это по силам. Но знал он и другое. Сборщики

находились как бы в конце огромного заводского конвейера или, скажем, на острие его (это уж как посмотреть). До них десятки и сотни людей — сварщики, токари, фрезеровщики, монтажники, изолировщики — работали над бесформенными сначала, безжизненными и безымянными кусками металла, чтобы они, сборщики, соединили эти куски в одно целое, дали ему форму, имя и будущее. Отсюда следовало, что слово бригадира Тимофеева должно быть словом всего завода. Вот о чем думал теперь бригадир, отчетливо сознавая, что совсем не случайно гостей долго водили по всему заводу, прежде чем привели на участок сборки одиннадцатого цеха.

— А что вам сказали в первом цехе? — спросил Тимофеев гостя из Грузии.

— Они обещали собрать корпус статора гидрогенератора для нашей станции уже через месяц...

— Прекрасно, — обрадовался Тимофеев. — Тогда, думаю, мы с вами найдем общий язык, тогда мы можем успеть...

— Найдем, Александр Николаевич, — ликовал Петухов, — обязательно должны успеть...

Тысячи километров отделяют завод от пусковой стройки десятой пятилетки — ИнгуриГЭС. Но заботы и планы грузинских гидростроителей стали близки и понятны сибирякам. В тот вечер два бригадира подписали договор под девизом «Рабочая эстафета» о социалистическом соревновании, посвященном 60-летию Великого Октября. Эстафета пройдет сложными этапами — от досрочного изготовления гидрогенераторов на заводе «Сибэлектротяжмаш» до досрочного пуска их на грузинской реке Ингури. Так было и раньше — на Вилкое и Токтогуле, на Волге и Ангаре, на Каме и в Капчагае. Она уже идет, эта славная рабочая эстафета...

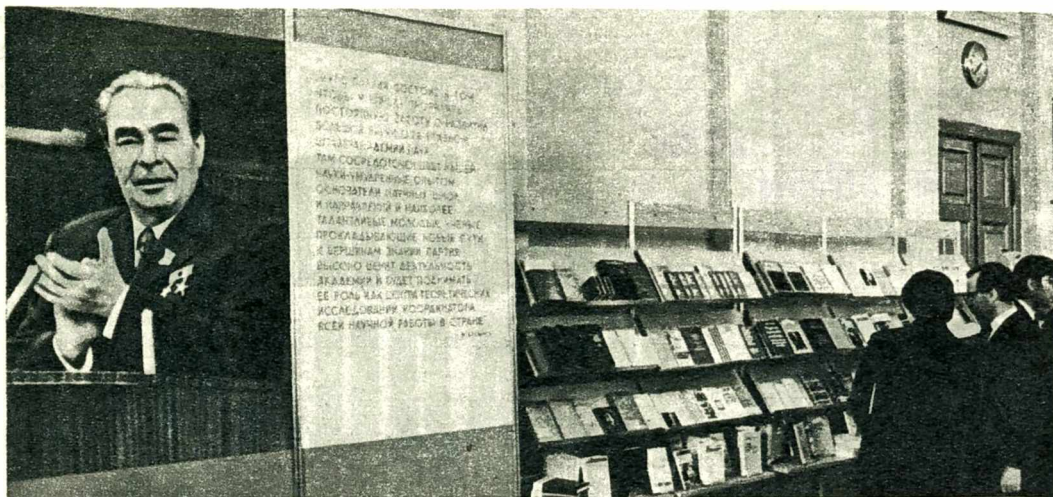
НАГРАДЫ АКАДЕМИИ НАУК

Второго и третьего марта в Московском Доме ученых проходило годовое общее собрание Академии наук СССР. Важнейшие результаты, полученные за отчетный период в области естественных и общественных наук, задачи повышения эффективности научных исследований, возрастание роли науки в решении задач коммунистического строительства — вот те вопросы, которые находились в центре внимания советских ученых, собравшихся на свою традиционную встречу.

Собрание открыл президент АН СССР академик А. П. Александров.

Он подробно остановился на основных направлениях фундаментальных исследований, проводимых учреждениями академии, охарактеризовал важные исследования в области общественных наук, в частности выполненные в институтах академии к 60-летию Великого Октября.

Участники собрания бурными аплодисментами встретили сообщение академика А. П. Александрова о присуждении верному марксисту-ленинцу Генеральному секретарю ЦК КПСС товарищу Л. И. Брежневу высшей награды Академии наук СССР в области общественных наук — золотой медали имени Карла Маркса.

Московский Дом ученых. У экспозиции трудов Л. И. Брежнева, изданных в нашей стране и за рубежом.
Фото Л. Шерстенникова

Этой награды товарищ Л. И. Брежнев удостоен за выдающийся вклад в развитие марксистско-ленинской теории, в разработку актуальных проблем развитого социализма, стратегии всемирно-исторической борьбы за коммунистические идеалы, за мир во всем мире.

На общем годовичном собрании Академии наук СССР высшие награды АН СССР в области естественных наук за 1976 год — золотые медали имени М. В. Ломоносова — были вручены академику С. И. Вольфовичу и академику Академии наук ГДР Герману Кларе.

КРЕПНЕТ СОТРУДНИЧЕСТВО

С 1 по 4 марта в Москве находился член Политбюро ЦК ПОРП, заместитель Председателя Совета Министров ПНР Я. Шидляк.

4 марта член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин принял в Кремле члена Политбюро ЦК ПОРП, заместителя Председателя Совета Министров ПНР Я. Шидляка. Состоялся обмен мнениями по вопросам развития всестороннего братского сотрудничества между Советским Союзом и Польской Народной Республикой.

В беседе, проходившей в сердечной, товарищеской обстановке, приняли участие первый заместитель Председателя Совета Министров СССР Н. А. Тихонов и посол ПНР в СССР З. Новак.

В тот же день Председатель Совета Союза Верховного Совета СССР, председатель Центрального управления Общества советско-польской дружбы А. П. Шитиков и член Политбюро ЦК ПОРП, заместитель Председателя Совета Министров ПНР, председатель Главного управления Общества польско-советской дружбы Я. Шидляк подписали протокол сотрудничества на 1977 год. Он предусматривает дальнейшее расширение братских связей между Союзом советских обществ дружбы, Обществом советско-польской дружбы и Обществом польско-советской дружбы.

На снимке: во время беседы в Кремле.
Фото А. Гостева

ГАЗЕТЕ «ИЗВЕСТИЯ» — 60 ЛЕТ

«Я хорошо помню первые моменты работы «Известий». Совет Рабочих Депутатов Петрограда в ночь с 27 на 28 февраля поручил мне организовать редакцию газеты «Известий», типография для которых была уже захвачена Вл. Бонч-Бруевичем... Все это делалось, конечно, без системы, в разгар продолжавшегося еще боя с самодержавием, в пороховом дыму, глубокой ночью, в общей суматохе...»

Так писал Ю. М. Стеклов, революционер, первый редактор газеты «Известия» Петроградского Совета рабочих депутатов.

«Редакция тогда занимала две комнаты на первом этаже Смольного... Часто, преимущественно ночью, заходил сюда Владимир Ильич, просматривал информационные сводки, стенограммы. Иногда присаживался за один из столиков, которые были расставлены вдоль стен, торопливо что-либо писал, задумчиво потирая рукой свой огромный лоб», — вспоминал сотрудник газеты большевик Б. Е. Этингер уже о днях Великой Октябрьской социалистической революции. Исторический 1917 год стал годом рождения одной из самых массовых, самых любимых читателей советских газет. Первые декреты о мире и о земле, работы В. И. Ленина, выступления М. И. Калинина, А. В. Луначарского, Г. И. Петровского, М. И. Ульяновой, Н. К. Крупской, М. В. Фрунзе, Г. К. Орджоникидзе, В. В. Куйбышева, Н. И. Подвойского, Н. А. Семашко — вот что формировало стиль и направленность «Известий» в годы создания и укрепления Советской власти. История газеты слилась с историей страны, и все важнейшие события, все этапы жизни нашего госу-

дарства отразились на страницах восемнадцати с половиной тысяч газетных выпусков, вышедших за 60 лет. День рождения газеты — 13 марта — стал важной и памятной вехой для советской печати.

Перелистаем сегодняшнюю подшивку «Известий Советов депутатов трудящихся СССР». Шестидесятилетие Великой Октябрьской социалистической революции газета отмечает яркими, запоминающимися материалами под традиционной для газеты рубрикой «Октябрьские страницы». Они рассказывают о героях новой пятилетки, о широком размахе социалистического соревнования в нашей стране, возвращают к славному трудовому прошлому и повествуют о самых насущных, требующих пристального внимания заботах сегодняшнего дня. Собственные и специальные корреспонденты «Известий», огромный авторский актив ведут ежедневную летопись свершений: из городов, сел, из центральных районов и самых отдаленных точек нашей страны поступает эта информация. Каждая строчка летописи — своеобразный рапорт о ходе выполнения задач, поставленных перед советским народом XXV съездом КПСС.

БЫЛО МНЕ ТОГДА ДВАДЦАТЬ...

А. ТРОИЦКИЙ,
член КПСС с 1926 года

В

**МЕШОК
КАРТОШКИ**

В мае 1924 года, когда мне было двадцать с половиною лет, на многолюдном сельском сходе в селе Мозолеевка, Градижского района, тогдашнего Кременчугского округа, я был избран председателем сельсовета. До этого возглавлял здесь комитет бедноты, был секретарем весьма многочисленной по тому времени комсомольской организации.

На другой день я принял от старого председателя круглую печать, поговорил с секретарем сельсовета об очередных делах и пошел в один из населенных пунктов решать спорный земельный вопрос. Провозились мы в поле почти до самого вечера. Договорились по-хорошему, без суда. Установили крепко-накрепко между там, где долго спорили, и я вернулся домой.

Жена говорит: «Ты знаешь, нам кто-то в коридорчике оставил кувшин молока и миску творогу. Я даже не знаю кто, не видела и не слышала. А вечером, перед твоим приходом, смотрю, человек промелькнул с мешком мимо окна. Открываю дверь — в коридорчике стоит мужчина. Я даже испугалась: «Что вам тут надо?» А он кланяется: «Да ничего. Мешок картошки принес вам... Знаю, живете бедно, а мне этот мешок ничего не стоит. Думаю, понесу новому председателю...»

— Кто? — вспыхнул я.

— Замикула.

— Тот кулак, что живет за кладбищем?

— Он. Я его пристыдила и выгнала. Ушел, а картошку оставил.

— Вот гад! А молоко чье, творог?

— Не знаю. Замикула, когда выходил, бормотал: «Черт те что за председательша! Злыдня с перцем».

— Я ему, паразиту, дам такого перцу...

С нетерпением дожидаясь воскресенья. В этот день состоялся сельский сход. Народу пришло много. Председательствующий сказал, обращаясь к народу:

— Товарищи! На повестке дня стоит один вопрос — о взятках. Слово имеет наш новый председатель.

Я решил, что называется, брать быка за рога.

— Так что же это вы, дорогие товарищи! Избрали меня своим председателем на посмешище, что ли? Что я вам, волостной старшина или какой-нибудь урядник Николая II, что вы мне начинаете взятки носить? Взятка — это есть позорнейшее наследие капитализма, буржуазии и всего бывшего строя монархии. Это ржавчина, которая разъедает здоровый организм, это самое темное явление в нашей новой жизни. И эту болячку надо каленым железом выжигать, потому что на здоровом теле молодого Советского государства не должно быть никаких болячек! Я прошу вас, дорогие товарищи, впредь не делать таких глупостей.

А кто еще позволит себе, прямо заявляю: буду оформлять дело в суд. Так что вы, Замикула, извольте сразу же после собрания прийти ко мне на крылечко и забрать свой мешок с картошкой. Ну, а тот, кто тайком принес молоко и творог, пусть придет за посудой. Вот и весь мой доклад по данному вопросу. А теперь прошу высказываться.

— Вопросы можно задавать?

— Можно, — ответил председательствующий.

— Это я к Андрею Семеновичу, — сказал сивобородый дед Митрофан Пушкеля. — Признайся по правде, куда ты дел молоко и творог, которые тебе принесли?

— По правде, съели с женой.

— Вот за это спасибо!

Участники схода расхохотались.

— Смеяться нечего, — сказал дедушка Митрофан. — Ведь это я послал со своей бабой тот гостинец. Иди, говорю, и отдай нашему новому председателю. Люди они молодые, живут бедно, надо помочь. Имей в-виду, Андрей Семенович, это я ото всей души и безо всякого злого умысла. Ты же знаешь меня с бабой. Кто мы есть? Сущая беднота. И корову нам дала Советская власть и земельку. Значит, что? Мы с тобою на равных правах. Я и послал бабу, как к сыну родному. А она, дура старая, возьми да и постесняйся прямо прийти и отдать. Взала да и поставила потихоньку в сенцах, на лавочке. Ты уж не обессуди! Вот и все мои вопросы.

— Дайте слово! — попросил Сидор Бокий, всеми уважаемый в селе середняк, активист. — Я люблю правду. Почему Замикула понес взятку? Потому, что прежний наш председатель брал их налево и направо. И взятки любил, и водкой его поили. Совсем распустился. Скинули мы его. Избрали нового председателя. Конечно, такому молодому человеку, как Андрей Семенович, очень большая честь оказана от народа, пусть он это всегда помнит. А вы, люди добрые, не искушайте его, не вводите в грех. Я поддерживаю нашего молодого председателя в его борьбе с позорнейшим пятном капитализма — взяточничеством. Пора забывать, товарищи, это наследие прошлого! Слава богу, Советской власти без мала семь лет. Я кончил.

— Правильно сказал Сидор Васильевич, — поддержали оратора присутствующие. — Пора наводить в сельсовете порядок!

Протокол собрания мы, конечно, направили в райисполком, оттуда он попал в райком партии. Из-за этого самого протокола через три года меня чуть было не утвердили народным судьей. Я отказывался. А секретарь райкома партии говорит: «Брось ты ссылаться на неопытность. Никто не рождается готовым судьей. У тебя же есть юридическая жилка. Помнишь свой доклад в Мозолеевке о взятках?»

Все же от судейской должности я тогда «отбоарился».

БАНДИТ

Работаю я председателем сельсовета месяц, другой, третий. Дела идут хорошо, но не дает мне покоя разгулявшийся уголовник, бандит Федор Фень. Несколько месяцев разбойничал он в окрестных селах, а сейчас перекочевал в Мозолеевку. Что ни ночь, то кража, что ни ночь — происшествие. Мы и заводы устраивали и дежурили вместе с работ-

никами районной милиции. Ни черта не получается! Кто-то вовремя предупреждает бандита, и он уходит каждый раз от нас, как хитрая лиса. Несколько раз я говорил о нем на общем сходе, призывал все село помочь поймать Федора, уверял, что от наших рук ему не уйти. Писал о нем в кременчугскую окружную газету.

В глаза я его никогда не видел, но все утверждали, что это огромнейшего роста детина, лет двадцати трех, немного сутулый, с не в меру длинными руками. Силища у него, как у буйвола. Всегда с оружием: тесак, наган.

Помню, это было в сентябре. Жил я тогда в поповском доме. Одну половину занимал отец Василий с попадьей, в другую сельсовет вселил меня. Пришел я обедать. Только сели за стол — запищала в спальне наша дочка, которой тогда было всего три недели. Жена выскочила из-за стола — и к ней. Я в этот момент уронил ложку. Нагнулся, а дверь из коридорчика в комнату — скр-и-ип! Поднимаю голову из-за стола, смотрю — на пороге стоит верзила и ехидно улыбается.

— Здорово, председатель! Все за мною охотиться? Давай-ка я лучше за тобою поохочусь.

И медленно потянулся своей ручищей в карман.

— Не шевелись, гад! — крикнул я, выхватив наган из кармана и целясь ему прямо в переносицу.

Бандит такого поворота не ожидал, предполагая застать меня врасплох. Держа палец на спусковом крючке, я скомандовал:

— Спиной ко мне!

Фень повернулся.

— Ты, что же, хочешь в квартире расстрелять меня?

— Расстреляют тебя именем народа, если найдут нужным. А сейчас выбрось оружие из кармана сюда, в комнату, на пол!

Револьвер полетел под стол.

— А теперь сам вперед, а руки назад! Направление к сельсовету. Вздумаешь бежать — уложу на месте! Я ведь чоновец...

— Знаю. Давно нужно было тебя убить... Поперек горла ты у меня, селькор!..

Начальник районной милиции Николенко вынес мне тогда благодарность прямо на общем сходе.

Бандита судили, и его постигла заслуженная кара.

КРИТИКА

Живем мы в Мозолеевке, работаем. Я председательствую, жена малышку растит. Только стала наша Неля прибаливать. В райцентр, к врачу, везти далековато — семнадцать километров. Тогда ведь автотранспорта и в помине не было. В нашем селе никакого медпункта. Вот жене и посоветовали сходить к бабке-травнице. Старые люди говорили, была она когда-то домашней фельдшерницей у какой-то барыни. Многие ходили к ней за медицинской помощью. Лечила она травами, мазями, настойками, но не шептала. Мы ее не трогали — ни сельсовет, ни милиция. Женщина бескорыстная, добрая, пусть лечит на здоровье!

Короче, моя жена тоже носила к ней дочку. А комсомольцы подметили. Вывешивают как-то очередной номер стенгазеты и... секретарь комсомольской организации, он же председатель сельсовета, в этой газете разрисован. Иду я вроде с портфелем, а из него высунулась детская головка. Смотрит она на меня и говорит: «Папа, мне не надо в сельсовет. Мне срочно к бабке Евдокии на консультацию!»

Народу возле стенгазеты полным-полно. Острые, зубоскалят. Увидели меня, расступились, умолкли. Ждут. Прочитал я заметку, посмотрел карикатуру, заскребло на душе. Вот черти! Неужто нельзя было сказать по-дружески? Зачем же в газету? Потом заглушил в себе обиду и говорю: «Вот и сам председатель попал на крючок. Здорово изобразили! Что ж, от правды не уйдешь. Молодцы ребята!»

Потом на комсомольском собрании ответ держал. Ну, и дома с женой тоже обстоятельный разговор состоялся. Запомнилась мне эта критика, большие и малые, всегда старался взвешивать, обдумывать, смотря на себя как бы со стороны.

И еще мне радостно вспоминать об этом потому, что члены редколлегии оказались действительно молодцами. С рекомендацией комсомола бывший батрак Савва Кучеренко поехал учиться в Киевский политехнический институт, блестяще окончил его, начав с рабфака, и стал крупным ученым в области железнодорожного транспорта. С нашей же путевкой окончил Харьковский институт механизации и электрификации сельского хозяйства Федор Роговой. Также после рабфака. Третий член редколлегии, художник-самоучка Александр Ненченко, впоследствии стал редактором республиканского сельскохозяйственного журнала.

ПАРАД

Осенью 1926 года приехал к нам демобилизованный из Красной Армии Михаил Славута, парень политически подкованный, активный. Вскоре его избрали председателем комбеда. А жил он за два километра — в Николаевке. Мы с ним здорово подружились. Все время нам приходило в голову какие-то идеи, иногда весьма замысловатые.

Помню, накануне Октябрьских торжеств мы долго обсуждали с ним, как бы нам блеснуть на праздник.

— А что, Михаил Прокопьевич, если нам устроить седьмого ноября парад?

— Парад — дело хорошее, но у нас же нет воинской части.

— А если будет парад гражданский?

— Это тоже хорошо. Давай проведем его на площади возле сельсовета...

— Нет, лучше у вас в Николаевке, — схитрил я. — Если хорошо получится, тогда и в Мозолевке повторим.

В 10 часов утра 7 ноября все население от мала до велика построилось колоннами на просторной площади. В каждой колонне — алый флаг. Все в праздничном, шутки, смех, веселье.

Командующий парадом Михаил Славута одет по-военному, на рукаве красная повязка. В который уж раз проверяет он правильность построения. В сопровождении ординарца я на рысях подъезжаю к условленному месту, и наши кони останавливаются как вкопанные.

— Па-ра-ад, сми-и-и-р-но! — командует Славута.

И когда все замерло, он взял под козырек. Я и ординарец — в новеньких костюмах с портупеями через плечо. На лошадях красивые попоны, медный набор на уздечках, начищенный до отказа, блестит на солнце. Михаил Прокопьевич рапортует:

— Товарищ председатель сельсовета! Парад трудящихся Николаевки в честь славной годовщины Великого Октября построен!

Вслушав рапорт, я соскочил с седла, поздоровался с командующим парадом и подошел к строю.

— Здравствуйте, дорогие товарищи! Поздравляю вас с праздником — девятой годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции!

— Ура! Ура! Ура! — дружно гремят ряды.

— Парад, во-о-льно! — скомандовал Славута.

Я в это время взобрался на импровизированную трибуну и, обратившись к присутствующим, сделал короткий доклад о международном и внутреннем положении. Заиграла гармошка. Подхватив знакомый мотив, все мы дружно спели «Смело, товарищи, в ногу». Началось общее веселье, пляски, полились украинские народные песни. Долго потом говорили односельчане, что никогда еще не было такого красивого и веселого праздника, как в тот год. Словом, все прошло хорошо.

Вскоре состоялся районный съезд Советов в Градижске, на котором меня избрали заведующим райземотделом и заместителем председателя райисполкома. Сельсовет в Мозолевке я сдал по единодушному желанию депутатов Михаилу Прокопьевичу Славуте.

...Время шло. Работал я в Кременчуге, Харькове, Полтаве, Магадане, Кемерове. А друзья мне еще долго напоминали об этом параде: «А помнишь?»

Как же не помнить! Один из самых светлых и радостных дней моей комсомольской юности.

БАНКРОТСТВО КЛЕВЕТНИКОВ

Юрий КОРНИЛОВ

Кризис, переживаемый буржуазной идеологией, как и всей системой капитализма, не означает ослабления идеологических усилий буржуазии. Напротив: именно сейчас, когда капитализм теряет в соревновании с социализмом одну позицию за другой, все больший упор делается на идеологические средства борьбы против социализма. Определенные западные круги, выражающие устремления реакционных империалистических сил, упорно стремятся развернуть идеологическое контрнаступление.

И к каким только пропагандистским вывертам, к какой только лжи и клевете не прибегают враги мира, недруги разрядки в своих попытках дискредитировать социализм! То они пускают в оборот вымыслы об «экономических провалах» СССР. То, убедившись, что эксплуатация этой лжи не приносит желаемых дивидендов, начинают раскручивать злонамеренную выдумку о мифической «советской угрозе», об «агрессивности Москвы». То, как это происходит сейчас, поднимают провокационную шумиху вокруг «прав человека» в СССР и других странах социализма, пытаются представить себя некими защитниками «демократии», хотя для этого у них нет никаких оснований.

Момент для развертывания нынешних массированных идеологических атак против СССР и других стран социализма выбран не случайно. Вопреки усилиям недругов разрядки тенденции к смягчению политического климата продолжают углубляться и крепнуть, идет поиск решения назревших международных проблем. Впереди важные контакты между Востоком и Западом, впереди белградская встреча представителей стран — участников общеевропейского совещания, призванная содействовать дальнейшему претворению в жизнь договоренностей, достигнутых на этом историческом форуме. Новый тур ожесточенной психологической войны против социализма рассчитан на то, чтобы сорвать эти позитивные тенденции, заблокировать путь к дальнейшей разрядке.

Социалистическая демократия, выражающая и защищающая интересы народа, распространяется на всю нашу общественную жизнь — экономическую, политическую, духовную. Рожденная шестьдесят лет назад в огне октябрьских битв, эта демократия впервые в истории приобрела реальный характер, ибо впервые власть не на словах, а на деле стали осуществлять самые широкие слои населения — трудящиеся массы. Именно социализм обеспечил людям труда свободу, подлинно демократические права, благосостояние, широчайший доступ к знаниям, прочную уверенность в будущем.

А что может противопоставить этому капитализм? Те, кто проливает крокодильевы слезы по поводу мнимых «нарушений прав человека» в СССР, почему-то не проявляют беспокойства о судьбе тысяч политических заключенных, томлящихся в застенках фашистской хунты в Чили. Они с удивительной легкостью закрывают глаза на такие позорные явления, как расизм в США, политика апартеида на оккупированных Израилем арабских территориях, в Родезии и ЮАР, расстрелы и пытки ирландцев в Ольстере. Какие же, спрашивается, достижения буржуазной «демократии» они хотели бы преподнести нам в качестве образца? Миллионные картотеки на «инакомыслящих» в США, реакционный запрет на профессии в ФРГ, дискриминация женщин, бесцеремонные махинации с избирательной системой, полицейский произвол против бастующих? Или тот факт, что ныне только в развитых капиталистических странах насчитывается 17 миллионов безработных?

Сама жизнь не оставляет камня на камне от попыток клеветников извратить действительность, изобразить белое черным и наоборот. Слабость своей идеологии определенные круги Запада пытаются компенсировать расширением масштабов идеологических наскоков на СССР, изощренностью форм и методов пропаганды. Одна за другой пускаются в оборот фальшивки, подлоги, заведомая ложь. Таковы методы западной пропаганды, таковы нравы «свободной» буржуазной прессы.

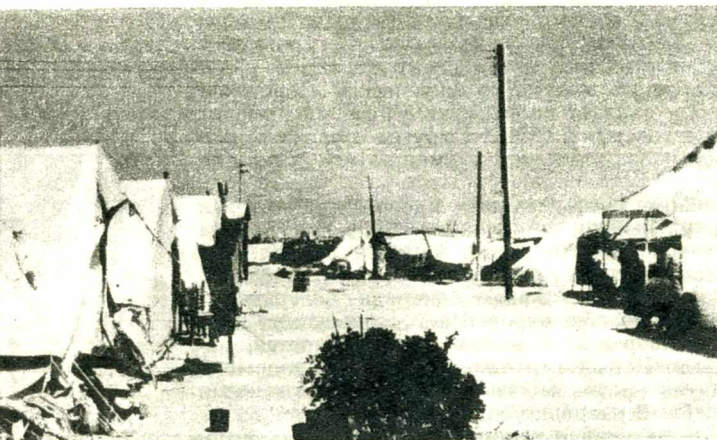
В последнее время в провокационную антисоветскую кампанию, развязанную теми, кто хотел бы расшатать социализм, забросить в идеологическую почву социалистического общества ядовитые семена, в некоторых странах Запада, прежде всего в США, стали все больше втягиваться официальные, причем подчас весьма высокопоставленные ведомства и лица. Что можно сказать по этому поводу? Те, кто под флагом лицемерной «заботы» о выполнении договоренностей, достигнутых в Хельсинки, пытается вмешиваться во внутренние дела СССР, оказывать нажим и давление на страны социализма, в действительности затрудняют работу по претворению в жизнь хельсинкских решений, нарушают их дух и букву. И не случайно ряд американских органов печати выражает растущую обеспокоенность по поводу того, что провокационная кампания в «защиту прав человека» не только не получает должного отпора в высших эшелонах власти в Вашингтоне, но, напротив, находит там благосклонный отклик.

Разоблачая маневры антикоммунистов, Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев говорил: «Вопросы демократии, как известно, находятся ныне в центре идеологической и политической борьбы между миром социализма и миром капитализма. Буржуазные идеологи, ревизионисты лицемерно сетуют по поводу того, будто у нас отсутствует демократия. Они преподносят нам всякого рода «советы» относительно «улучшения» социализма, его «демократизации». Но заботятся они, конечно, не о социализме. Они хотели бы вернуть нас к буржуазным порядкам и поэтому пытаются навязать свою буржуазную демократию, демократию для эксплуататоров, чуждую интересам народа».

Но тщетны расчеты диверсантов от идеологии! Шестьдесят лет, истекших со времени Великого Октября, убедительно продемонстрировали всему миру величайшие успехи и преимущества реального социализма. Советский народ преисполнен решимости идти и дальше вперед по избранному пути, бдительно охраняя социалистический общественный строй, который дал миллионам людей труда подлинное равноправие.

ГОДЫ БЕЗ ДОМА

Проблема беженцев остается одним из основных вопросов кипрского кризиса. Она возникла в 1974 году, когда после антигосударственного путча на острове высадились иностранные войска. В результате около сорока процентов территории Кипра оказалось оккупированной, а почти 200 тысяч человек — треть населения страны — были вынуждены покинуть свои родные места. Правительство республики сделало многое для улучшения положения беженцев и обеспечения их жильем. Однако, несмотря на принятые меры, многие тысячи беженцев по-прежнему живут в тяжелых условиях, лишённые элементарных человеческих прав.

Лагерь беженцев в пригороде Никозии.

Три долгих года не видела эта киприотка своего родного дома.

Фото Камера пресс — ТАСС

В МИРЕ «РАВНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ»

Эти юноши пришли на биржу труда и с надеждой смотрят на служащего: может, сегодня повезет — подвернется какая-нибудь работа. Но, увы, они приходят сюда уже не в первый раз, и сколько еще придется стоять в длинных очередях за получением работы, они не знают. Сразу же по окончании школы миллионы здоровых и молодых людей как в США, так и в капиталистической Европе не могут найти место, где бы они смогли быть полезными обществу. Это травмирует молодых, ведет к росту преступности, самоубийств, наркомании, проституции. Безработица в западных странах остается проблемой номер один, и от нее не застрахована ни одна страна капиталистического мира. Вместо первой полочки вчерашние школьники получают пособие по безработице, да и оно не вечно. Беда еще и в том, что безработица среди молодежи превратилась в хроническую болезнь. Статистика говорит: в Соединенных Штатах насчитывается 2,1 миллиона безработных моложе 25 лет, во Франции 38 процентов из более чем одного миллиона безработных французов — молодые люди, в Англии из 1,4 миллиона безработных — 44 процента лица моложе 25 лет, в Западной Германии 30 процентов молодых от одного миллиона безработных, в Италии — одна треть из 1,2 миллиона.

«Каждый день я ищу работу. Если я не найду ее, я не смогу существовать. Ночами я сплю под лестницами, это ужасно», — признался девятнадцатилетний безработный француз Сильвен корреспонденту американского журнала «Тайм». Так встречает мир «равных возможностей» вступающих в жизнь молодых людей.

В. ДУНАЕВ

Фото из журнала «Тайм».

ПАНОРАМА МЕЖДУНАРОДНАЯ ПАНОРАМА

Арт БУХВАЛЬД

КОММЕНТАРИИ ИЗЛИШНИ

ЗАРУБЕЖНЫЙ ФЕЛЬЕТОН

Бывший президент США Форд как-то выступил с твердой программой борьбы с преступностью в США. В своем обращении к конгрессу он проанализировал различные виды преступлений, совершаемых в стране, за исключением служебных. Тогда я подумал, что это было просто непреднамеренным упущением президента, но когда поговорил на эту тему кое с кем из Белого дома, то пришел к совершенно противоположному выводу.

— Администрация готова предпринять самые суровые меры относительно служебных преступлений, — ответили мне в Белом доме. — Что вы намерены конкретно делать?

— Так, например, любая ассоциация, которая нелегально будет поддерживать предвыборную кампанию одной из наших партий, непременно утратит все свои привилегии на целые две недели.

— Прекрасно. А если кто-нибудь из ответственных должностных лиц окажется виновным в чрезмерном увеличении расходов на вооружение?

— В таком случае мы проектируем самые суровые меры наказания. Если расходы на вооружение будут увеличены на пять миллио-

нов долларов, то виновный уплатит за это пятьдесят долларов штрафа.

— Ого! Теперь каждый дважды подумает, прежде чем решиться на увеличение расходов на вооружение. Ну, а если, например, какая-нибудь нефтяная компания умышленно фальсифицирует свои расчеты и надует своих потребителей на миллион долларов?

— Этого не может быть. Но если это и случится, то предприятие, потерпевшее убытки, получит разрешение в течение года рекламировать свою продукцию на футбольных матчах, транслируемых по телевидению.

— Предусматривается ли какое-нибудь наказание для тех государственных служащих, которые, используя свое должностное положение, допускают продажу за границу миллионов тонн пшеницы, непригодной для употребления?

— Безусловно. Виновные будут лишены пятидесяти процентов государственной налоговой скидки в течение года после совершенного преступления.

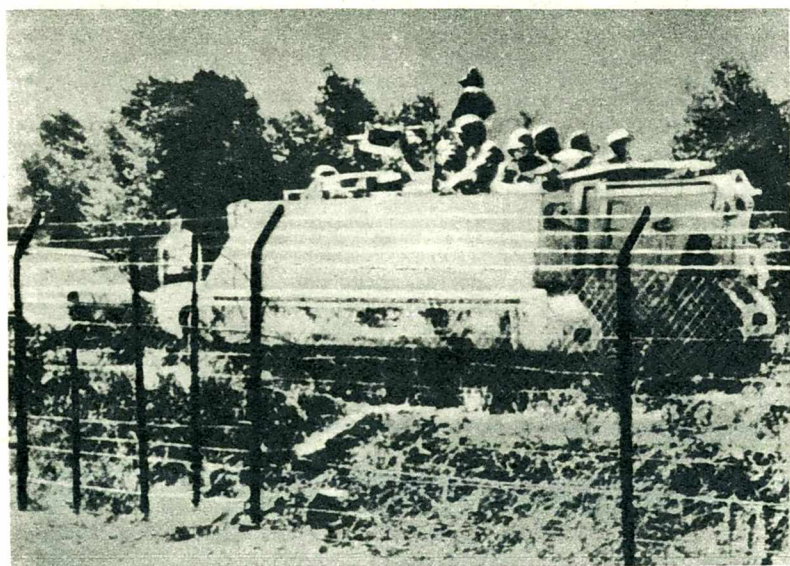
— А какие санкции будут применены к тем государственным чиновникам, которые, используя свое служебное положение, берут взят-

ПРОВОКАЦИИ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

Мир как будто возвратился на землю Ливана. После 19 месяцев кровопролитной гражданской войны сделаны первые шаги к нормализации положения. Ливан начал залечивать свои раны и в буквальном и в переносном смысле. Ремонтируются поврежденные здания, восстанавливается городское хозяйство. Однако правые силы всячески пытаются затормозить процесс восстановления мира в стране, прибегают к угрозам, подвергают яростным нападениям Палестинское движение сопротивления. В то же время напряженное положение сохраняется на юге Ливана. Пытаясь сорвать мирное урегулирование в Ливане, тель-авивские «ястребы» перешли к открытой агрессии. Правохристианские силы при поддержке Израиля начали наступление против Палестинского движения сопротивления и национально-патриотических сил на юге Ливана. Еще раньше было известно о том, что Израиль в союзе с ливанскими фалангистами готовится к созданию на границе «буферной зоны». Из последних сообщений печати явствует, что Израиль, по существу, оккупировал значительную часть территории южноливанских районов. Новые диверсии против мира в Ливане нацелены на подрыв усилий по справедливому и прочному урегулированию ближневосточного конфликта.

Ливано-израильская граница. Бронетранспортер американского производства, которым пользуются израильтяне, в распоряжении правоохранных отрядов Ливана.

Фото ТАСС

Один из раненых студентов.

Фото ЮПИ — ТАСС

Вылазка неонацистов

В Италии продолжают провокационные вылазки неонацистов, пытающихся создать в стране обстановку напряженности и насилия. Крупные беспорядки произошли в центре Рима во время демонстрации студентов, организованной в знак протеста против нападения банд чернорубашечников на местный университет. В ходе спровоцированного неонацистами столкновения вновь гремели выстрелы из пистолетов. Вмешавшаяся полиция применила слезоточивый газ. Несколько студентов доставлены в больницу с тяжелыми огнестрельными ранениями.

ки от предприимчивых компаний за размещение выгодных заказов? — Они утратят шансы быть избранными в состав Верховного суда. Президент не подписал бы такого назначения!

— Да, это, действительно, весьма серьезное наказание, — подтвердил я.

— Служебное преступление — это рак, который разъедает организм нашего государства. Президент потребовал принятия решительных мер против лиц, использующих свое служебное положение в корыстных целях. Он отдал распоряжение министерству юстиции строго наказывать всех, кто попирает государственное право и установленный порядок.

— Может быть, президент имел также в виду и фармацевтические картели, которые устанавливают по соглашению между собой единые завышенные цены на медикаменты?

— Конечно. Такое произвольное установление цен на медикаменты является одним из важных государственных преступлений, ибо это бьет простых американцев по самому больному месту — по карману, а картели чрезмерно обогащаются.

— Лица, ответственные за такие махинации, будут предаваться суду и наказываться вплоть до тюремного заключения?

— Да, если только они торжественно не пообещают, что больше не будут совершать таких преступлений.

— А что будет с финансистами, которые используют для личного обогащения доверенные им на хранение сбережения вдов и сирот?

— Думаем, что вдовы и сироты

должны быть взяты под судебный надзор.

— Я спрашиваю о том, что будет с теми, кто нагло обирает вдов и сирот?

— Полагаем, что эти дела могут быть улажены за пределами судебного разбирательства.

— В своем обращении к конгрессу президент, видимо, имел в виду и предпринимателей, занимающихся торговлей недвижимым имуществом, которые продают американским гражданам ветхие дома без должных коммунальных удобств и заведомо по высоким ценам?

— Да. Такие предприниматели будут также строго наказываться. Они в течение года будут лишены права на приобретение государственных облигаций.

— Да, теперь я понял, что наконец-то будет наведен настоящий порядок! Но еще один вопрос: какое наказание предусматривается для тех государственных служащих, которые нарушают тайну частной корреспонденции, телефонных разговоров, деклараций о доходах, а также попирают неприкосновенность личности и жилища, обыскивают и арестовывают американских граждан без суда и следствия?

— Нет, в этих вопросах не предполагается никаких санкций.

— Почему?

— Потому что эти преступления совершаются в состоянии аффекта!

Поконда Белый дом, я подумал,

что комментарии, как говорят, излишни. Американское право и порядок говорят сами за себя.

Перевел Вл. ГОЛОВЧАНСКИЙ.

ХУЛИГАНСТВО

НА СТАДИОНЕ

Во время футбольного матча между командами «Барселона» и «Малага» на барселонском стадионе толпа болельщиков, разозленная тем, что судья, по их мнению, неправильно засчитал гол в ворота местной команды, выбежала на футбольное поле и набросилась на рефери. Хулиганы били стекла, ломали ограждения и подожгли автобус телевизионной компании. В результате буйства хулиганов получили ранения 10 человек, в том числе и судья матча. Вообще за последнее время на стадионах Западной Европы участились случаи беспорядков.

Фото ЮПИ — ТАСС

ПО ПРАЖСКИМ АДРЕСАМ

Ванда БЕЛЕЦКАЯ
специальный корреспондент
«Огонька»

Эти адреса я получила в Москве, и тех, с кем мне предстояло встретиться в Праге, заранее считала своими добрыми друзьями. Они знали моих друзей, работали с ними. Их волновали общие проблемы, они были связаны с москвичами, сибиряками, ленинградцами узами совместного творчества, взаимопонимания, товарищества — словом, всеми теми понятиями, которые мы вкладываем в два емких слова «социалистическая интеграция».

У СЛИЯНИЯ ОКИ И ВЛТАВЫ

— Обязательно поглядите в Праге с Иваном Тобком и Зденеком Гоштялеком, — сказали мне перед отъездом в президиуме Академии наук СССР. — Они вместе с советскими учеными Игорем Степановичем Кулаевым и Михаилом Антоновичем Бобыком получили первую премию нашей Академии наук и Академии наук Чехословакии за лучшую работу в области микробиологии.

Иван Тобек молод, энергичен, приветлив. Узнав, что я из Москвы, он сразу забрасывает меня вопросами: бывала ли я в городке биологов в Пушине, знаю ли члена-корреспондента Академии наук СССР Георгия Константиновича Скрябина?

— Я работал в Пушине почти год, — поясняет он.

— Как же вас с берегов Влтавы забросило на Оку?

— Я писал диссертацию по биосинтезу антибиотиков под руководством моего университетского профессора Зденека Гоштялека. Мы узнали, что аналогичные исследования ве-

дутся в Москве и Пушине группой советского профессора Кулаева. И тогда родилась идея объединить усилия.

Меня командировали в Пушину. Я сразу полюбил этот, как у вас говорят, «академгородок». У меня много появилось друзей. Ходили друг к другу в гости, ездили на рыбалку. Из лаборатории уходили поздно, часов в восемь-девять вечера. Работали мы с Михаилом Бобыком всласть, иногда даже по субботам и воскресеньям. Занимались непосредственно под руководством Игоря Степановича Кулаева. Очень мне помог Игорь Степанович. Очень. Я был счастлив продолжать с ним исследование уже в нашем институте в Праге. И, знаете, Влтава понравилась ему не меньше, чем мне Ока, — улыбается Иван Тобек.

Я спрашиваю, в чем заключается совместная работа, получившая первую премию академий наук двух стран.

— Называется наше исследование «Биосинтез низкомолекулярных физиологически активных соединений». Мы вскрыли энергетические процессы получения такого важного в медицине противовоспалительного лекарства, как тетрациклин, вывели новый штамм, продуцирующий антибиотики. Это теоретическая работа, но в будущем ее результаты помогут ускорить производство тетрациклина, а возможно, и новых антибиотиков.

...Не отрываясь, смотрю на экран, поставленный здесь же, в лаборатории. На экране — увеличенный в десятки раз глаз кролика. Роговица покрыта зелеными пятнами. Это тяжелое инфекционное заболевание, ведущее к слепоте. Оно бывает и у животных и у людей.

Микросъемка запечатлела процесс, когда вводится лекарство. Одна капля, вторая. Язвы на роговице блокированы и начинают постепенно бледнеть.

А вот глаз того же кролика после четырех дней лечения. Язвы и отеки совсем исчезли.

— Как называется лекарство? — спрашиваю я.

— Антимерин, — отвечает директор института кандидат биологических наук Владислав Залабак. — Новый препарат разработан недавно. Мы надеемся, что он будет эффективным и во много раз сократит сроки лечения. Этот же препарат в виде мази мы попробовали использовать в довольно тяжелом случае в клинике. Молодая мать заразилась оспой, случайно перенесла сыворотку от прививки, которую делали ее ребенку, себе на лицо и глаза. Поднялась температура, лицо и глаза отекали и покрылись язвами. Мы рекомендовали мазь антимерин. Температура начала снижаться, язвы — подсыхать. Через двое суток больная стала выздоравливать. Это очень интересный случай, — заканчивает Залабак. — Я привел его, чтобы стало ясно: использование антимерина может быть достаточно широким.

— Группа ученых вашего института награждена Государственной премией имени Клемента Готвальда за открытие муцидина. Что это за препарат?

— Антибиотик, обладающий сильным противогрибковым действием. Он очень эффективен при заболеваниях кожи. Своим открытием мы рады поделиться с коллегами. О муцидине я написал в «Вестнике Академии наук СССР».

ОБСЕРВАТОРИЯ ОНДРЖЕЙОВ

— Вы не бывали в обсерватории в Мондах? Знаете профессора Степанова? — Этим вопросом встречает меня в обсерватории Ондрже-

йов доктор естественных наук Борис Валничек.

По счастью, я бывала в Мондах — небольшом местечке неподалеку от советско-монгольской границы. Там на горе Наран, что по-бурятски значит «Солнце», находится обсерватория Института земного магнетизма, ионосферы и распространения радиоволн Сибирского отделения Академии наук СССР. Член-корреспондент АН СССР Владимир Евгеньевич Степанов — директор этого института.

— Я тоже хорошо знаю профессора Степанова еще с того времени, когда он работал в Крыму, — говорит Борис Валничек. — А потом он уехал в Сибирь строить новую обсерваторию. И так уж случилось, что я возвращался из далекой командировки в Прагу через Иркутск. Взял да и позвонил с аэродрома Степанову. Он не удивился, будто я приезжаю в Сибирь каждый день. «Устал?» — спрашивает. «Нет». «Ну, тогда жди меня, сейчас приеду. Покажем тебе сначала Байкал, а потом Наран. Это совсем рядом». Мне привезли на аэродром сапоги, теплую одежду. Я сел в «газик» и поехал. Вскоре убедился, что значит «рядом» по сибирским понятиям: триста — пятьсот километров — это совсем «пустяки»... Я увидел Байкал. Стояла весна, и он еще не освободился ото льда, но по берегам, где уже пригрело солнце, все было розово от цветущего багульника...

...Так неожиданно в наш разговор ворвались воспоминания о Сибири. Мир удивительно тесен, и все больше людей на земле становятся друзьями, особенно в странах социализма.

— Наши исследования по физике Солнца достаточно интересны, — рассказывает Борис Валничек. — Нам удалось установить некоторые закономерности протонных вспышек. Появилась возможность предсказывать такие вспышки на Солнце за трое суток. Это важно для целого ряда отраслей науки. Прежде всего для космической навигации и медицины.

Мы поднимаемся на крышу здания, где находится солнечный спектрограф. Отсюда видна вся обсерватория: старые кирпичные башни телескопов, построенные еще в прошлом веке, чаша радиотелескопа, метеорный радиолокатор. Чуть дальше белый купол двухметрового телескопа, здания вычислительного центра. А вот и антенны для приема сигналов с искусственных спутников Земли.

— Эти работы мы ведем по планам совета «Интеркосмос», — проследив за моим взглядом, замечает Валничек.

Да, сегодня в социалистических странах — участницах «Интеркосмоса» выросли современные научные центры. Обсерватория Ондржейов — один из них. И венцом плодотворных связей ученых будут совместные полеты космонавтов СССР и их коллег из братских стран. Эти полеты подготавливаются общими усилиями. В том числе и исследователями, работающими здесь, в обсерватории Ондржейов.

ПРАГА ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

В это путешествие мы отправляемся из архитектурной мастерской на Градчанах. Наш гид — один из создателей генерального плана столицы Праги, заведующий мастерской кандидат технических наук Иржи Груза.

— Каковы основные направления генерального плана реконструкции Праги?

— Первая задача, — отвечает архитектор, — восстановить, оздоровить историческое ядро Праги. Сейчас свыше двух тысяч исторических памятников в этом районе отданы под охрану закона.

Вы обратили внимание на роспись стен, резьбу потолков в здании, где мы с вами сейчас беседуем? — спрашивает Груза. — Тысяча четыреста квадратных метров росписи и резьбы, выполненной известными мастерами! И вся эта красота скрывалась под дешевой штукатуркой. Огромные залы были перегорожены, в неблагоустроенных квартирах жили семьдесят семей.

Жильцов переселили в новые районы города, а здание восстановили в прежнем виде. Разместили здесь наше управление, мастерские архитекторов и реставраторов. Вы видели зал? В нем теперь устраивают концерты, поэты читают стихи, проводятся заседания горсовета и горкома, а в первом этаже разместилась выставка градостроения Праги. Вот

Иван Тобек в своей лаборатории.
Фото А. Штястного

Джорджоне. 1477 (или 1476—1478) — 1510. ПОРТРЕТ ПАЖА ИЛИ ПАСТУХА. Около 1504.

Музей изобразительных искусств. Лос-Анджелес.

Франсиско Гойя. 1746—1828. ВИКТОР ГЮЙЕ. 1810.

Национальная картинная галерея, Вашингтон.

вам пример того, как вернули к жизни ценное здание,— заключает архитектор.

Я вспоминаю, что вблизи Карлова моста видела прелестную маленькую гостиницу с видом на «Пражскую Венецию».

— А, это дом «У трех страусов», — говорит Иржи Груза. — Совсем недавно там были склады. Постройка старинная, и район великолепный. Мы восстановили дом и отдали его под гостиницу.

Можно привести много примеров такого бережного, хозяйского отношения к историческим зданиям Праги, к ее улицам. Все пражане знают улицы, что ведет от Пороховой башни к Староместской площади. Когда-то по ней проходила Королевская дорога, вдоль нее расположены самые знаменитые архитектурные памятники города. Вибрация от трамваев и машин, шум, загрязнение воздуха губительны для них. Архитекторы считают (и я теперь твердо знаю — добьются), что по Королевской дороге можно ходить только пешком. Ведь еще недавно по знаменитому Карлову мосту тоже, позванивая, неслись трамваи и даже хотели проложить железную дорогу! А сейчас мост отдан пешеходам.

В наш разговор включается главный архитектор Праги Благомир Боровичка.

— При планировке новых районов перед нами встает еще одна проблема, — говорит он, — чтобы у поселившихся здесь людей восстановилось «чувство дома», чтобы они с гордостью произносили название своего нового района. А это случится, если они найдут здесь и театр, и ресторан, и парикмахерскую, и школу, и парк, и место работы. Если застройка будет разнообразная, без унылого стереотипа.

Разговор переходит на транспорт. Каким он будет в Праге двухтысячного года? Наиболее комфортабельным остается метро. Трамваи уйдут из центра, расширятся пешеходные дороги. Предусмотрено, чтобы с любой окраины Праги можно было дойти до центра «зеленой тропой». Таким образом, проблема транспорта решается вместе с вопросами охраны здоровья горожан.

Два кольца опояжут город — малая кольцевая дорога длиной в тридцать шесть километров и большая — в восемьдесят километров. Задача первого кольца — разгрузить от машин исторический центр, второго — защитить город от транзитного транспорта.

Кольца свяжут между собой одиннадцать радиальных магистралей. Интересно, что для транспорта предусматривается везде разная скорость, поэтому получается, что быстрее проехать на нужную улицу по кольцевой дороге, чем через центр.

— А какое место личным машинам в этом потоке транспорта? — спрашиваю я. — Ведь к началу нового века почти в каждой пражской семье будет машина, один автомобиль на три человека.

— Мы хотим, чтобы личная машина стала лишь средством для отдыха, для выездов за город, в гости всей семьей, а не транспортом для каждодневных поездок на работу. У нас принципиально иной взгляд на личный автомобиль, чем в капиталистическом городе, где общественный транспорт дорог и перегружен. Мы, архитекторы, все больше задумываемся над тем, как должна выглядеть столица социалистической страны, как лучше использовать преимущества, которые дает нам наше общество, социалистический строй. Я бывал в Советском Союзе и знаю: эти же вопросы волнуют и наших советских коллег.

И опять, как на всех пражских встречах, было произнесено слово «интеграция».

Социалистическая интеграция — новый тип отношений в науке. Сотни, тысячи специалистов из стран социализма учатся в Советском Союзе, все к большему числу научных экспериментов мы прибавляем слово «совместный». Приборы, создаваемые в Чехословакии, Польше или в СССР, используются во всех странах СЭВ. Творческие идеи, мысли, открытия, опыт, рожденные в одной стране, делаются достоянием научных коллективов всех стран социализма, составляют живое тело современной науки, экономики, культуры — словом, всей нашей жизни.

Прага — Москва.

УНИКАЛЬНЫЙ ТРУД

Среди выдающихся научных работ, отмеченных Государственной премией СССР за 1976 год, есть не совсем обычный труд — это 26 томов истории городов и сел Советской Украины. Изданные на протяжении последнего десятилетия, эти книги широко и прочно вошли в повседневный обиход историков, писателей, журналистов, краеведов, воспитателей подрастающего поколения, лекторов и пропагандистов.

На Украине около 30 тысяч населенных пунктов, включая и Киев и самое небольшое село, укравшееся за перевалами Карпат или в чащах Полесья. Трудно даже представить себе, что эти тома вместили в себя биографию каждого (!) из них, обобщили сведения, начиная с древнейших времен и до наших дней. Академик И. И. Минц назвал этот труд «научным подвигом, который ни по размаху, ни по количеству участников, ни по значению не имеет ничего равного в историографии нашей». История городов и сел продолжает добрые горьковские традиции, традиции написания истории фабрик и заводов СССР.

Корреспондент «Огонек» встретился с руководителем работы, председателем Главной редколлегии, доктором исторических наук П. Т. ТРОНЬКО и попросил его рассказать, как создавалась эта уникальная историческая энциклопедия республики.

— Вся работа велась на общественных началах, — говорит Петр Тимофеевич. — После принятия решения о создании 26-томной «Истории городов и сел Украинской ССР» развернулась работа на местах. Учителя школ со своими воспитанниками, краеведы, сотрудники архивов, партийные и советские работники, сельские и поселковые активисты принялись изучать и писать историю родных мест, используя письменные и устные источники, открывая заново многие любопытнейшие факты, особенно относящиеся к советскому периоду.

Лишь после тщательной апробации материалы обобщались в масштабах района, пересылались в область, где их уже рассматривала редколлегия отдельного тома, посвященного данной области. Таким образом, у нашей работы около ста тысяч авторов. Я нисколько не преувеличиваю. Уже сам процесс создания этих книг всколыхнул высокую волну гражданской активности, обострил интерес к истории вообще, способствовал патристическому и интернациональному воспитанию.

— Петр Тимофеевич, объясните, пожалуйста, как вам удавалось отбирать главное в таком море материалов? Скажем, в Донецкой области около пяти миллионов чело-

вен населения, сорок девять городов и более тысячи сельских населенных пунктов. Тем не менее ей, как и другим областям, посвящен один том, пусть в нем и более ста печатных листов.

— Неоценимую научно-методическую помощь нам оказывали ученые-историки не только Украины, но и Москвы, Ленинграда, братских республик, сотрудники Главного архивного управления при Совете Министров УССР и работники архивов на местах, преподаватели вузов. Достаточно сказать, что ныне, после завершения работы, в архивах создан специальный фонд истории городов и сел республики. Этот фонд, насчитывающий более миллиона дел, будет служить не одному поколению исследователей.

— Чем, по вашему мнению, объясняется большая популярность вышедших книг?

— До последних лет история населенных пунктов республики оставалась почти не изученной, особенно в западных областях УССР. Лишь отдельные города и села имели свою научную биографию. Теперь этот пробел заполнен в пределах крупного региона. Не могу не отметить, что на страницах издания описаны не только важнейшие исторические события, но и названы тысячи имен замечательных людей — представителей всех народов СССР, которые так или иначе связали свою судьбу с Украиной.

— Еще вопрос. Вам, заместителю Председателя Со-

вета Министров республики, при вашей занятости, очевидно, нелегко было на протяжении двенадцати лет возглавлять столь кропотливую, комплексную работу?

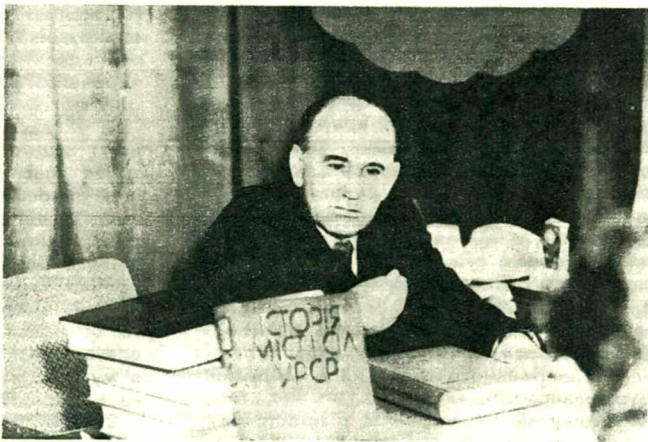
— Меня ободряло то, что еще сто тысяч человек, тоже занятых на своей основной работе, разделяли мои хлопоты, — с улыбкой говорит П. Т. Тронько. — Но если совсем серьезно, решающую помощь в этом деле оказали партийные органы — от горкомов и райкомов до ЦК Компартии Украины.

— И последнее, что хотелось бы узнать: как используются ныне накопленный опыт, устоявшиеся связи ученых с краеведами, многочисленными кадрами энтузиастов-общественников и, конечно же, те тысячи досье, собранных при подготовке ныне завершеного труда?

— Прежде всего скажу, что мы получили много писем с просьбами переиздать ряд томов, которые разошлись сразу после выхода в свет. Да и имеющиеся в библиотеках экземпляры книг ветшают от частого пользования ими. Мы учли и запросы союзного читателя. Исходя из всего этого, принято решение переиздать отдельные тома на русском языке, внести в них соответствующие дополнения и изменения. Ведь со времени издания первого тома прошло уже более десяти лет. Это две пятилетки, и каких!

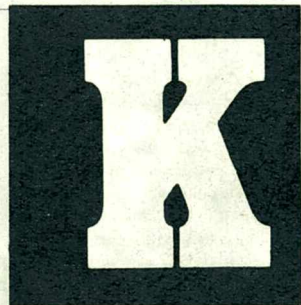
Беседу вел
С. КАЛИНИЧЕВ.

Фото Н. Козловского

СУМЕРКИ АМЕРИКИ

Юрий ЖУКОВ

азалось бы, что может быть безбожнее Америки, этой империи голого чистогана, где из десятилетия в десятилетие культивируется один — единственный идеал: как бы разбогатеть и начать топтать ближних своих, пока

они тебя самого не растоптали?

А вот поди ж ты: по данным очередного опроса, проведенного институтом Гэллпа в августе 1976 года, девяносто четыре процента американцев считают себя верующими в сверхъестественную силу. «Почти мировой рекорд!» — заявил по сему поводу парижский еженедельник «Экспресс». Поднялся шум: «Это Третье Великое Пробуждение (Third Great Awakening)», — писали американские газеты. — Первое массовое увлечение верой во всевышнюю силу, — сообщали они, — произошло в 1730 году, второе — в 1830-м, и вот началось долгожданное третье...»

ПОИСКИ «ТЕОЛОГИЧЕСКОГО АВТОРИТЕТА»

Но вот вопрос: во что же верят те, что объявляют себя ныне верующими? И что ими движет, когда они начинают вдруг мечтать о некоем... «духовном пробуждении»? Американский социолог Дэниел Белл, которого уже давно тревожат явления, связанные с идейным и моральным распадом, характерным для современного американского общества с его пресловутой «вседозволенностью», пришел к выводу, что все дело в том, что американцы в XX веке забыли о господе боге и что пора восстановить устои религии. Какой именно? Это уже второстепенный вопрос...

Такая примитивная постановка вопроса не удивительна: Белл, как и другие буржуазные ученые, всегда был и остается пленником своей классовой идеологии, и им не понять, что нынешний глубокий идейный кризис их общества порожден самой капиталистической системой и что для того, чтобы его преодолеть, надо уничтожить эту основу.

Вот почему, критикуя пороки современной буржуазной культуры в своей книге «Культурные противоречия капитализма», Белл делает вывод, что нынешним «первородным грехом» является разрыв культуры с религией, разрушение ее «теологического авторитета», что только религия, понимаемая как трансцендентальная концепция, существующая вне человека, способна позитивно направлять его поведение. И Белл с серьезным видом утверждает, что возврат к той или иной форме религии — единственно возможный путь преодоления кризиса общественного сознания в современном буржуазном обществе.

Белл не случайно говорит не о простой реставрации средневековой христианской схоластики, а о становлении той или иной формы религии. В век освоения космоса и атомной энергии трудно найти людей, которые приняли бы на веру миф о непорочном зачатии девы Марии или о воскрешении из мертвых

и вознесении на небеса Иисуса Христа. Нет, нынче идеологи капитализма, озабоченные духовным кризисом буржуазного общества, пытаются найти нечто новое, во что поверили бы люди эпохи технической революции конца XX века.

Спрос рождает предложение — таков закон капитализма, и он распространяется на высокие материи идеологии так же, как и на вулгарный рынок. Вот почему сейчас, когда Америка устремилась на поиски нового, «более удобного и более современного боженьки», там сразу же, словно грибы после дождя, выросли тысячи новых религий самого разного свойства и характера, появились сотни новомодных пророков и проповедников. Пошли в ход и буддийская философия «дзен», и древнеиндийские верования, и поклонение дьяволу.

Пристрастие к так называемым оккультным наукам, а точнее говоря, к шарлатанским лженаукам, всегда было свойственно определенной категории людей: частично — темным и необразованным, ищущим какого-то прибежища и защиты у сверхъестественных сил, частично — снобам, щеголяющим приверженностью к моде, — вспомните, как беспощадно высмеял занимавшихся модным в начале века столповением снов из петербургского общества Лев Толстой в «Плодах просвещения»!

Помню, как в 1946 году, впервые попав в Париж, я с удивлением разглядывал на бульваре Сен-Жермен витрину специализированного книжного магазина, где лежали пожелтевшие и покособившиеся на солнце книжонки с сочинениями пропагандистов черной и белой магии. Они тогда не имели успеха у скептически настроенных парижан, и лишь редкие чудачки переступали порог этого магазина.

Другое дело — нынешний торговый «бум» в области оккультных наук за океаном.

ИНДУСТРИЯ МИСТИКИ

«Школа мистических наук. Каббалистические знаки и астрология», «Каникулы йога в компании пророка Вишнуца Вананда», «Духовное паломничество в горы Кэтскилл (близ Нью-Йорка) и уединение в монастыре Дзен Дай Бодзацу», «Вечера у Йога Гупты», «Встречи в чувственной манере йога», «Предоставьте Роджеру возможность открыть ваше сердце и высвободить любовь, которая там скрыта», «Приходите на ближайшую встречу Группы духовного сознания» — такие объявления буквально заполнили целые страницы нью-йоркских газет. Перенесемся через весь американский континент в Лос-Анджелес, претендующий на роль духовной столицы западного побережья. На желтых страницах солидного справочного ежегодника Лос-Анджелеса вы насчитаете шестьдесят колонок (колонок!), содержащих перечень различных «церквей», действующих в этом городе.

И на востоке и на западе Америки люди ищут защиты у сверхъестественной силы, которая спасла бы их от удушающей, мертвящей атмосферы общества, где «человек человеку — волк», где погоня за долларом стала единственным смыслом жизни. И еще: в этот период острого экономического кризиса, больно ударившего по судьбам миллионов людей, американцу хочется спрятаться куда-то от повседневных неурядиц, забиться, отвлечься, найти какое-то прибежище, островок в мутном житейском море. И вот уже возникает подлинная индустрия мистики...

В 1976 году я рассказывал на страницах журнала «Огонек» о поразительном увлечении чертовщиной на Западе, о некоторых странных и чудовищных сектах, возникших в США и Западной Европе. Тогда могло показаться, что это явление носит все же ограниченный характер, — есть, конечно, свихнувшие-

ся люди, сбитые с толку лихорадочной и многотрудной жизнью в мегалополисах капитализма, но их не так уж много.

Но тот же Гэллп недавно сообщил, что уже двенадцать процентов (двенадцать процентов!) всего американского населения отдается чарам средневековой магии, — об этом напомнил 29 января 1977 года нью-йоркский корреспондент парижской газеты «Монд» Луис Вицницер. Они практикуют «трансцендентальное созерцательное раздумье», увлекаются философией йога, вступают в мистические восточные секты.

«Нью-Йорк, — пишет корреспондент газеты «Монд», — превратился в постоянную ярмарку «универсам», где торгуют ритуальными предметами этих культов. Эзотерические секты и движения кишат на улице Сохо, на западе города и в Ист-Виллидж, они теснятся друг к другу, как ателье портных в Сэвилл-Роу или как магазины ювелиров на Рю де ля Пэ в Париже. Здесь представлены ЭСТ («Эрхард семинарс трейнинг») — очень модная среди интеллектуальной элиты секта, которая заставляет своих последователей сидеть неподвижно пятнадцать часов подряд; здесь «Арика», где все внимание уделяется дыхательным движениям (без них — никакого спасения души); здесь поклонники Зороастра; здесь «суфисты», которые посвящают уикенды чтению библейских текстов о светопреставлении и страшном суде, танцам и священным песнопениям; здесь «науковеды», во главе которых стоит махараджа Джи. Дальше — через два подъезда — тибетский лама, очень популярный, очень шикарный...»

Я привел здесь лишь половину перечня новомодных церквей, сект и «духовных школ» Нью-Йорка, составленного корреспондентом «Монд», но и этого, пожалуй, достаточно, чтобы представить себе, как широко распространились новомодное богоискательство, мистицизм, страсть к поискам новых, самых фантастических религий. На службу этому новому влечению поставлены индустрия книгопечатания, пресса, кинематограф, телевидение, радио.

Теперь уже не в захудалых лавчонках, как бывало, торгуют литературой, посвященной оккультным наукам, — ее выставляют в своих витринах крупнейшие книжные магазины: ходкий товар! Взгляните на эти книги в ярких обложках: «Тайна перевоплощения», «Трансцендентальное духовное раздумье для бизнесменов», «Понять себя духовно, используя свой духовный мотор», «На пути перевоплощения», «Семьдесят пять трансцендентальных рецептов, чтобы хорошо жить и вкусно питаться», «Трансцендентальная производительность», «Путеводитель для внутреннего развития», «Нирвана, доступная каждому» (эта книга стала бестселлером!).

На экранах кинотеатров и телевидения один фильм таинственнее и «трансцендентальнее» другого. Не успела утихнуть шумиха вокруг кинокартины об изгнании дьявола из души девочки, в которую он вселился, как поднялась еще более громкая шумиха вокруг фильма о мальчике, в образе которого выступает сам Вельзевул.

Мистицизму, оккультным наукам, пропаганде всевозможных религий посвящают свои полосы не только специализированные газеты и журналы, — а таких бесчисленное множество! — но и «большая», многотиражная пресса, всерьез обсуждающая эти проблемы «Третьего Великого Пробуждения» Америки, внезапно ринувшейся на поиски либо нового «боженьки», либо дьявола.

АСТРОЛОГИ И ПОЛИТИКА

Но картина эта была бы неполной, если бы мы не учли, что нынешние поклонники оккультных наук ищут у воображаемых потусторонних

КАНСКОГО ДУЖА

сил не только успокоения и забвения своих повседневных бед и трудностей, но и прорицания будущего, которое рисуется им мрачным и полным опасностей.

Когда-то, в 1947 году, на Бродвее в дешевых магазинчиках, где для ищущих забавы были выставлены различные игровые автоматы, я видел механических гадалок, которые за десять центов выбрасывали отпечатанные типографским способом предсказания на будущее. Молодежь, толпившаяся вокруг механических гадалок, весело смеялась, рассматривая эти предсказания как забавную причуду.

Времена изменились, и нынче астрология в США стала весьма мощной (и, добавим в скобках, весьма доходной) отраслью идеологической обработки населения. Газета «Монд» по этому поводу пишет, что «индустрия» (!) астрологов «испытывает как в Нью-Йорке, так и в Вашингтоне поразительный подъем». Напомнив о том, что когда-то в древние времена высокопоставленные деятели восточных держав не принимали важных решений без консультации с астрологами, «Монд» сообщает:

«Так происходит сейчас и в американской столице и на Уолл-стрит, где астрологи занимают место, которое долго удерживали психоаналитики. Самая знаменитая из астрологов, Светлана Годилло, использует технику, которая восходит, как она говорит, ко временам Вавилона. Она прославилась тем, что якобы предсказала скандал Уотергейта». Сейчас сию «политическую гадалку» используют политические противники новой американской администрации: как сообщает эта газета, ее «мрачные пророчества о будущем Картера публикуют газеты, издающиеся массовым тиражом».

Французские социологи и журналисты, изучая происшедший за океаном поразительный, как теперь принято выражаться, «взрыв» мистики, зная, увлечения астрологией и прочей, попросту говоря, чертовщиной, задаются вопросом: что это? Очередная модная блажь, или за этим кроется нечто более серьезное? И многие приходят к выводу: уж если американцы, которые всегда бравировали своим прагматизмом, практичностью, верой в силу доллара, ставшего превыше любых, в том числе и религиозных, ценностей, ищут нынче успокоение и уверенность в общении с воображаемой потусторонней силой, то, значит, действительно хваленый «американский образ жизни» терпит серьезную аварию.

«Бросаясь очертя голову в самые экзотические и самые эзотерические мистические опыты, американцы, принадлежащие к наиболее зажиточным средним слоям, пытаются не только развеять скуку и заполнить пустоту своего существования, но найти средство от хронического зла, которым они страдают: от отсутствия безопасности», — пишет Луис Вицницер. — Психоанализ, которым они так страстно и так долго увлекались, приучил их лишь задаваться вопросами о сущности их бытия. Сегодня они надеются, что новые пророки, которыми сейчас кишит страна от одного края до другого, дадут им ответы на эти вопросы и утишат наконец их тоску».

Лет десять тому назад много говорили и писали о другом «взрыве» в области нравов — о молодежном движении хиппи, которые бравировали своим полным презрением к буржуазной морали да и к морали вообще, отрицали машинную цивилизацию, осуждали войну, проповедовали возврат к земле, более того — к первобытному состоянию. Я встретился с ними в Калифорнии в 1968 году. Помню, что среди них было немало по-своему честных и одаренных парней и девушек, которые уходили в эти кочевые племена, странно и диковато выглядевшие на фоне ультрасовременного штата, где родилось их движение, — уходили в знак протеста против бессердечия бур-

жуазного общества, против войны во Вьетнаме, против гонки вооружений.

Они не понимали одного: история не в состоянии давать задний ход, она может двигаться только вперед. Мечта о возвращении к первобытному обществу была утопией, и она выглядела столь же наивно и нелепо, как разукрашенные изображения цветочков автомобилей, на которых разъезжали по Америке эти парни и девушки, одетые в картинные рубища.

Теперь это движение угасло. Кварталы Сан-Франциско и Лос-Анджелеса, служившие его штаб-квартирами, опустели. Но проблемы, которые волновали американскую молодежь шестидесятых годов и которые заставляли многих юношей и девушек уходить в «племена» хиппи, остались, и новые «пророки», размахивая как приманкой мистическими рецептами спасения души, влекут к себе новое поколение американцев.

Былые вожаки хиппи и прочих анархистствующих «племен» и организаций, став генералами без армий, сами ищут какой-то новой опоры. Недавно в США вышли в свет мемуары всеми забытого Джерри Рубина, который гремел в конце шестидесятых годов, пугая телезрителей своей вздерженной шевелюрой и бунтарскими речами, в которых он грозился перевернуть весь мир вверх дном. В этих мемуарах, озаглавленных «Раста в 37-летнем возрасте», он пишет: «За пять лет, с 1971-го по 1975-й, я испробовал ЭСТ, Гештальт, Биознергию, массаж, длительные пешие прогулки, вегетарианство, школы Тай Чи, Эсален, гипноз, современный Та Ней, сосредоточенное молитвенное самосозерцание, контроль над сознанием по методу Сильвы, секту «Арика», иглоукалывание, сексологию и прочее...» Но нигде для Рубина не нашлось теплого местечка: новые времена — новые пророки!

КУЛЬТ СОБСТВЕННОГО «Я»

Если лжепророки шестидесятых годов проповедовали земные улады, отрекались от современной цивилизации и меньше всего думали и говорили о потустороннем мире, то нынче, как я уже сказал, превыше всего ставятся мистика, оккультные науки и какой-то религиозный пафос. Однако это совсем не тот религиозный пафос, какой тысячелетиями проповедовала традиционная христианская церковь. Нет, те, кто организует и направляет «Третье Великое Пробуждение» Америки, стремятся — каждый действуя на свой лад — создать совершенно новый религиозный культ, отвечающий современным потребностям буржуазного общества, — культ собственного «Я».

Да, да, как это ни странно выглядит на первый взгляд, бесчисленные ультрасовременные секты, которые сейчас плодятся, как грибы, в Америке и особенно в Калифорнии, ставят своей целью именно эту задачу: укрепить веру американцев в самих себя, вбить им в головы, что святее всего — его собственная личность, его «эго», что и означает — «я».

«Эгокультурная революция», — писал 6 февраля 1977 года журнал «Экспресс» в статье, озаглавленной «Культе собственного «Я»», — вспыхнула в начале нынешнего десятилетия. Со своим cortejem пророков, психотерапевтов, лам, дервишей, биосоветников, экологов души, торговцев божествами, опасных прорицателей и банальных шарлатанов, она потрясает сегодня благонамеренную Америку. Говорят, сейчас насчитывается уже более восьми тысяч рецептов постижения мистической nirваны, откровения истины и тотального сознания».

Тотальное сознание собственного «Я»... «Мы сделаем вас более эффективным!» — обещают новые пророки. «Мы повысим вашу интеллектуальную квоту!» «Ваша нервная система станет более стабильной! Ваше кровообращение замедлится, ваш расход энергии уменьшится!»

Реклама — по всем правилам американского бизнеса. Да и сами новые секты сейчас строятся по таким же правилам. Общение с потусторонними силами расценивается в долларах, как и любой товар, и на этом бизнесе, как показывает опыт, ловкие люди зарабатывают огромные деньги.

Типичный пример — баснословная карьера бывшего торговца подержанными автомобилями Вернера Эрхарда, основателя и руководителя одной из весьма распространенных новых сект — ЭСТ (речь идет об уже упомянутой секте «Эрхард семинарс трейнинг».— Ю. Ж.). Он начал воспитывать искателей своего высшего «Я» в крохотной комнатке в октябре 1971 года, взимая с каждого триста долларов за «духовные тренировки» в течение уикенда. Сегодня у него тринадцать центров ЭСТ, разбросанных по всей Америке. На службе у него 164 «специалиста» плюс пять тысяч «добровольцев». Он стал знаменитым: только в 1976 году вышли в свет девять книг (!), посвященных «духовной школе» Эрхарда.

В чем же заключаются эти, столь рекламируемые «духовные тренировки» ЭСТ? Вот как описывает их обстоятельно изучавшая деятельность новых сект в Калифорнии французская журналистка Жаклин Реми:

«Сеанс «тренировки» проводится в большом салоне отеля, вмещающем 250 человек. Их участники пребывают в сидячем и лежащем положении с 8 часов утра до полуночи, разрешаются лишь две короткие паузы. Запрещается: сидеть рядом со своим другом; иметь при себе часы, сумочку, украшения; курить; выходить из помещения, даже если человек ощущает в этом необходимость...» Что же дальше?

— Мы легли на пол, — рассказывает Питер С., специалист по градостроительству, который недавно принял участие в этих «тренировках». — Затем мы закрыли глаза. Лидер ставил вопросы: «Что вы чувствуете?» Люди начали говорить. Кто-то сказал, что ему хочется убить своего ближнего, кто-то сказал, что он желает покончить с собой, — ужасные вещи! Человек, лежавший рядом со мной, был не в состоянии поднимать руку. Вдруг в конце сеанса он смог это сделать и закричал: «Смотрите!» Тут началась коллективная истерика. Люди начали исповедоваться...»

ЗАПОЛУЧИТЬ!

Один из руководящих работников ЭСТ, Морти Лепко, наставительно утверждает, что главный принцип подобных «духовных тренировок» состоит в том, чтобы люди не пытались понять, что с ними происходит, верили на слово своим «наставникам» и все воспринимали как должное. «Ничему не учиться, ничего не понимать, ни во что не верить» — вот циничная молитвенная формула этой новой «духовной школы», а провозглашаемая ею цель существования предельно проста и столь же цинична: «To get it!» — **заполучить**. Что именно заполучить? То, что удается поймать на лету! Вот и вся философия ЭСТ.

В той или иной форме такая, с позволения сказать, философия, в результате освоения которой человек якобы постигает высочайшее значение собственного «Я», пропагандируется многими новыми «духовными школами», процветающими в США. Вот подробное описание «духовного уикенда» в секте «Елисейские поля», возглавляемой бывшим декоратором из киностудии «Парамаунт» Эдом Ланджем, сделанное той же Жаклин Реми по собственным впечатлениям — она примкнула к паломникам, отправлявшимся на калифорнийские «Елисейские поля», и вот ее документально точный отчет об этом паломничестве.

Находящиеся в Топанге, крупном пригороде Лос-Анджелеса, «Елисейские поля» — это «центр развития человеческого потенциала»

(«human potential center»). Этот «центр» организован словно клуб для игры в гольф: можно записаться на год, можно приехать, когда тебе захочется. За дополнительную плату можно посещать курсы, где вас обучают «технике развития собственного Я». Здесь вы приобретаетесь к культу Я, ТЫ, МЫ. Это новая «духовная гигиена»; руководители центра заявляют, что они обновляют ваше тело, ваше сердце, вашу душу и ваши чувства. Бог, говорят они, — это Я, это ВЫ...

Что же происходит на этих «Елисейских полях»? Послушаем же рассказ Жаклин Реми:

«Перед тем как подняться на «Елисейские поля», вы должны оставить внизу, в каньоне, свою автомашину и записаться в приемном пункте. Несколько смущаясь, пятнадцать «новичков» ждут, что будет дальше. На старом желтом автобусе нас везут среди высушенных солнцем гор к оазису — «Елисейскому саду», в клуб досуга блаженных. Здесь разрешается оставаться одетым, но уже через пять минут все раздеваются догола: как-то неудобно оставаться одетым среди двухсот обнаженных завсегдатаев «Елисейских полей». В это воскресенье организовано около полдюжины мероприятий — каждое возглавляет «пророк». Он произносит короткую приветственную речь, потом добавляет: «Далее вы сами увидите, что произойдет». Это звучит таинственно и многообещающе. «Вы здесь никогда не были?» — говорит он мне. — О, с вами произойдут необычайные вещи!» В действительности же происходит лишь то, чего можно было ожидать...

Там и сям на траве расставлены «кинетические скульптуры». Какая-то девушка в набедренной повязке корчится под аккомпанемент барабана тамтам. С десяти до тринадцати часов — первое ателье «Самогипноз. Искусство и молитвенное сосредоточение». Мы идем через поле за нашим «пророком», маленьким, черноволосым, с бородачкой, в очках, похожим на фавна. С ним — маленькая черноволосая женщина, тоже в очках, с которой он часто целуется.

Вот и хижина, к которой мы направлялись. Над входом надпись: «Это не храм молитвенного сосредоточения. Однако рекомендуем не предаваться здесь сексуальным играм. Секс на «Елисейских полях» является частным делом».

Мы входим в хижину и располагаемся на толстом ковре и больших цветастых подушках. «Пророк» раздает нам листки бумаги, и мы начинаем рисовать — что кому вздумается. Затем он приказывает нам закрыть глаза и «следовать» за ним.

«Пророк» ведет отсчет, словно при запуске космического корабля: «Двадцать... Девятнадцать... Восемнадцать... Вы удаляетесь...» — бормочет он. — «Двенадцать... Одиннадцать... Вы успокаиваетесь все больше... Пять... Четыре... Вы уходите все дальше, дальше, дальше...» «Пророк» бормочет все тише, растягивая слова: «Три... Два... Один... Ноль! Вы хотите следить за полетом моей фантазии? Я карабкаюсь вверх. Я чувствую тяжесть своего тела. Тяжело, тяжело. Я поднимаюсь на гору. Выше! Еще выше! Вот уже снега. Я тру свое лицо снегом. Холодно. Холодно! Но холод меня обжигает. Жарко! Жарко!» Через полчаса мы начинаем вместе с «пророком» воображаемый спуск с горы: «Восемнадцать... Девятнадцать... Двадцать...»

И тут «пророк» спрашивает: «Кто хочет поделиться своим опытом?» «Поделиться» — это, оказывается, ключевое слово «психомистического счастья»: каждый должен рассказать о своих сопереживаниях во время закончившегося воображаемого путешествия. «Это было чудесно! Поразительно!» — восклицают некоторые. Другие признаются, что они ничего не почувствовали. Им «пророк» говорит: «Если вы не следовали за мною, то это означает, что у вас слишком большая сила воли».

После этого желающие могут уединиться в «храмах молитвенного сосредоточения», именуемых иначе «санктуариями». У входа в них табличка: «Это храм молитвенного сосредоточения. Не следует занимать его более тридцати минут. Он создан не для того, чтобы спать в нем ночью»...

После обеда — посещение нового ателье, «Психодрама». Вначале паломники, разбитые попарно, очень долго, поистине бесконечно, глядят в глаза друг другу. Потом они танцуют,

обнимаясь и поглаживая при этом друг друга. «Лидер» по имени Билл, инструктирующий паломников, объясняет, что через эти объятия «выходит вся тоска и входит вся любовь, какая существует в мире». Далее происходит нечто вроде театральной игры: каждый выступает в какой-либо роли. Одна брюнетка вдруг принимает себя за собственного отца. Она долго говорит что-то; потом со слезами на глазах благодарит присутствующих за то, что они ее выслушали. «Лидер» баюкает двух девушек, заключив их в свои объятия. Его жена Труд баюкает сорокалетнего толстяка. Все снова обнимаются — это называется почему-то «медвежьими объятиями». На этом «сеанс самоудовлетворения» заканчивается.

— Мы в раю, — иронически заканчивает свой рассказ Жаклин Реми, которой галльский скептицизм не позволяет принять всерьез все эти поиски «психомистического счастья». — Мы в раю. Доказательством этого служит красующееся на стене изображение Адама и Евы, которые держатся за руки. Не хватает только змия — его выбросили. Бог-отец именуется в миру Эдом Лэнджем. Этот директор «Елисейских полей» в возрасте примерно шестидесяти лет принимает меня, вытянувшись в шезлонге; одежду ему заменяет его седая борода. Его собственное «Я» проявляется весьма выразительно. «Я — профессионал в области коммуникативности», — говорит он. — Мои последователи располагают здесь полной свободой действий. Они могут участвовать в любых мероприятиях, а могут просто загорать, лежа на траве. Каждый может предаваться любым экспериментам...»

РАДИ ЧЕГО ОНИ СУЩЕСТВУЮТ!

Таких самоновейших «духовных школ» развелось в Америке великое множество, ведь они оказались весьма доходным делом. В Биг-Суре, между Лос-Анджелесом и Сан-Франциско, предпринимчивые дельцы Майкл Мерфи и Ричард Прайс основали «Эсален», где «учителем» является некий Фриц Перлс, придумавший «гештальтотерапию». Основы своего «учения» он формулирует донельзя просто: «Ты — это Ты, я — это Я. Если мы встретимся, хорошо. Если нет, ничего не поделаешь». Сам Майкл Мерфи, следуя примеру «бога-отца» Эда Лэнджа, создал в этом центре лабораторию «развития человеческого потенциала», где, помимо всего прочего, применяются для усиления «духовной активности» массаж и серные ванны.

Американские неомистики обещают своим последователям нирвану, если они отрешатся от своих повседневных тревог и забот. Церковь «наукологии» утверждает, что самоудовлетворение придет к человеку, когда он станет... прозрачным. Духовная школа «экологического молитвенного сосредоточения» предлагает своим клиентам обрести тотальное познание собственной личности путем «интеграции плоти и мышления». И везде и всюду в центре всего, хотя и в различных формах, культ собственного «Я».

Этот возврат к мистике, к обожествлению собственного «Я» раздражает интеллигенцию и всех, кто осуждает уход от политической деятельности, — писал 6 февраля французский журнал «Экспресс». — Они считают «поп-психологию» (так журнал иронически называет американские школы «духовной активности», развивающие «культ собственного Я»). — Ю. Ж. — столь же безответственной, сколь демобилизующей. Публикуются гневные книги: «Декадентство, радикальная ностальгия, нарциссизм и упадок» — так назвал свой труд Джим Хоугэн; «Западная», — восклицает Эдвин Шур; Отто Кернберг оплакивает нынешний «патологический нарциссизм». Полемика бушует...

Ну что ж, полемика бушует, но это несколько не мешает американским лжепророкам делать свое дело, все больше расширяя сферу своего влияния. Возводя поистине патологический «нарциссизм», самолюбование, культ собственного «Я» в догму новых шарлатанских религий, они действительно уводят своих последователей от участия в политической жизни, в борьбе против несправедливостей капиталистической системы. И как бы в награду за это они получают баснословные барыши от своего «психомистического» бизнеса.

Если вдуматься, их деятельность при всей своей внешней примитивности и даже нелепо-

сти, вызывающей иронические улыбки у знающих с ней европейских журналистов, скроена не столь уж глупо. Она рассчитана на среднего американца, которого пресса, телевидение и вездесущая реклама приучили глотать до предела упрощенные понятия и формулы, принимая их на веру без долгих рассуждений. И когда ему говорят, что не надо «ничему учиться», что не надо «ничего понимать», а надо лишь «ловить на лету» удачу; когда его убеждают, что превыше всего «собственное Я», а на все остальное можно наплевать; когда в его распоряжение — разумеется, за плату! — предоставляют какие-нибудь «Елисейские поля», или «гештальтотерапию», или «психомистические семинары» Эрхарда, — он клюет на эту приманку.

Невероятно, но факт!

Любопытно, что приученная американским кинематографом и телевидением к самым жестоким сценам публика проявляет живой интерес к наиболее жутким ответвлениям этих самоновейших «духовных школ». Однажды я уже писал о том, как одна из американских компаний состряпала фильм об умирании человека: кинооператоры, которым за это платили большие деньги, дежурили в палатах неизлечимо больных и мгновенно зафиксировали на киноплёнке агонию этих несчастных людей. Я получил тогда немало писем от читателей, возмущенных бессердечием этих дельцов. «Какая дикость», — писали они. — Неужели такое возможно? Возможно! Все возможно в стране, где столь свободное пропагандируется насилие и садизм.

Но вот представьте себе, оказывается, эта история имеет свое продолжение. Нашлись бессовестные люди, которые и такое нездоровое любовное процессом умирания человека возвели в ранг некоей «психомистической» церемонии. Теперь дело уже не ограничивается показом смерти по телевидению — желающих поглядеть на нее приглашают к постели умирающего.

«Специалист по умирающим» (нашелся и такой в Калифорнии!) доктор Чарльз Гарфильд без стеснения рассказал недавно журналистам, как он организовал «проводы на тот свет» больного раком тридцатитрехлетнего инженера. Он уверяет, будто сам умирающий пожелал, чтобы эти «проводы» были веселыми. И вот, в тот момент, когда началась агония этого несчастного человека, к нему в дом пришли тридцать «гостей». Собравшись вокруг него, они пили, ели, веселились, плясали. «К концу вечеринки он умер», — заключил свой рассказ «специалист по умирающим» Гарфильд. — Это была красивая смерть». По его словам, нашлись «сотни добровольцев, желающих присутствовать в момент умирания людей».

Таковы факты, убедительно рисующие нравы общества, все глубже погружающегося в болотную трясиину полной бесперспективности. Не от хорошей жизни страна, законно гордящаяся своими великими достижениями в технологии, прикладных науках, своей деловитостью, организаторскими навыками, вдруг поднимает покрытый пылью столетий, рваный, грязный, похожий на тряпку стяг средневекового мистицизма, оккультизма, шаманства, шарлатанства.

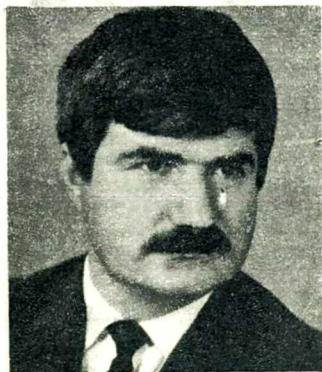
Мы трезво смотрим на вещи и понимаем, что отнюдь не все американцы попадают под влияние этих бесчисленных сект, «духовных школ», «психомистических» семинаров и прочей нечисти. Но и таких, как показывают факты, немало, и их становится все больше. И еще: вспомним приведенную мною в начале этого рассказа цифру, заимствованную из опроса, проведенного Гэллопом: девяносто четыре процента американцев так или иначе верят в сверхъестественную силу и, стало быть, не в состоянии отделаться от представления, будто их судьбы зависят то ли от господ бога, то ли от дьявола.

И вот находятся люди, способные назвать это «Великим Пробуждением» сознания! Но не правильнее и не честнее ли было бы сказать, что это поистине «великое усыпление» сознания народа, живущего в обществе без будущего — в капиталистическом мире?

Хочется верить, что здравый смысл, который всегда был присущ лучшей части американской нации, возьмет верх, и люди поймут наконец, куда их тащат вынырнувшие из сумерек лжепророки.

ЗАПАХ ГОРЯЧЕГО ХЛЕБА

Гарий НЕМЧЕНКО

РАССКАЗ

Рисунок
И. ПЧЕЛКО

Я

проводил друга.

Немного прошел за составом, помахал вслед, постоял, пока последний вагон не скрылся за ближайшим поворотом, а потом повернул обратно и медленно пошел по перрону. Тут с Алексеем Петровичем и столкнулся.

Он был полярный летчик, лет пять или шесть назад мы познакомились на Севере, несколь-

ко дней жили рядом и оба теперь обрадовались случайной встрече.

Поезд, которого он ждал, прибывал с минуты на минуту, и Алексей Петрович предложил мне составить ему компанию, подождать вдвоем, а там и домой вместе — нам было по пути.

Он встречал брата, и, когда тот вышел из вагона, они обнялись так радостно и крепко, как могут обняться два родных человека, которые очень давно не виделись.

Я стоял в сторонке, но мне все равно хорошо было слышно, как приехавший молодой полковник растроганно говорил:

— Надо же такому, Алеша!.. Это сколько лет, а? А как увидел тебя, опять горячим хлебом запахло! — Он отступил на шаг, оглядывая Алексея Петровича, сказал опять убежденно: — Вот!.. Понимаешь — слышу! Плывет от тебя хлебный дух!

Потом сидели мы в машине Алексея Петровича. Он прогрел мотор. Внутри стало собираться чуть лахнувшее резиной тепло, но брат, сидевший позади — Павел Петрович, — положил подбородок на спинку сиденья, скосил на старшего радостные глаза, опять удивленно сказал:

— Что ты тут будешь делать — пахнет! Алексей Петрович, тоже чему-то радуясь, подсказал:

— Хлебом все?

Брат его на миг оторвал подбородок от спинки сиденья, смеясь, кивнул:

— Хлебом!

Голос у него вдруг сорвался, какая-то нотка в нем заставила меня на миг обернуться. Полковник продолжал улыбаться, но лицо у него было виноватое — он, словно мальчишка, тер кулаком глаза...

В сорок первом ему было четыре года.

Алексею пошел девятый. Самому старшему, Жене, только что исполнилось четырнадцать.

Жили они на пограничной заставе, на которой отец их командовал отрядом. В первое утро войны его смертельно ранили, и, умирая, он попросил товарищей позаботиться о сыновьях. На мотоцикле с коляской их вместе с матерью довели до ближайшего городка.

Чудом удалось им сесте в поезд, но на первой же крупной станции эшелон разбомбили. Осколком убило Женю, прикрывшего собой младших. У матери случилась горячка.

Умирала она тяжело, то и дело бредила и без конца приказывала Алеше ни в коем случае не бросать меньшего брата.

— Крепко за руку взял? — спрашивала она. — Вот и не отпускай ни за что! Так вдвоем и держитесь, так к своим и идите... Ночью, Алеша, спать ляжете, а ты все равно не отпускай. А то он маленький, откатится от тебя сонный, а вдруг паника... Подхватились да в разные стороны! Где искать? И ты всю жизнь будешь один, и он круглый сирота... Крепко его за руку взял, скажи, крепко?!

Много лет потом мучил Алешу один и тот же страшный сон: будто ослабил он во сне руку, которой держал Павлика, и тот в самом деле от него откатился, а тут крики в темноте, толкотня, плач, и он никак не может найти маленького своего братца...

Но это уже потом. А сперва он и точно ни на мгновение не выпускал из своей руки исхудавшую Павликову ладошку.

Чего только с ребятами не случилось! В суматохе отставали от помогавших им взрослых, ночевали в поле одни, прибывали к отступавшим бойцам... Вместе с остатками разбитого полка попали в окружение, долго скитались по лесам и после жестокого боя вышли к своим через линию фронта только они — двое маленьких братьев.

И опять они рядом тащились пешком и рядом тряслись в телеге, среди раненых солдат рядком сидели в кузове грузовика или, тесно прижавшись друг к другу, спали на полу в переполненном душном вагоне.

Иногда у них днями не было во рту и маковой росинки. Пожилые беженцы отдавали им, случалось, последний кусок, делились крохами. Находились добрые люди, которые ненадолго оставляли их пожить у себя, и за это время обоих слегка подкармливали, чинили одежку, обстирывали, а потом собирали узелок, подсаживали в поезд, и они все ехали и ехали в глубь России, пока через полгода, исхудавшие и вконец оборванные, не оказались в далеком зимнем Новосибирске.

Павлика тут взяли в детский дом. Алешу одна сердобольная женщина пристроила работать в пекарню.

Он здесь около теплого хлеба отошел, отогрелся. А у Павлика были плохи дела. После стольких дней голода никак не мог он поправиться. Ноги его не держали, постоянно кружилась голова, и целыми днями он теперь лежал на кровати.

Однажды, когда Алеша пришел проведать Павлика, детдомовский врач сказал ему:

— Очень твой братишка ослаб. Сейчас его хоть слегка поддержать бы. Самую малость подкормить, чтобы опять на ноги стал... Впрочем, зачем я тебе это говорю? Ты и сам еще малыш — что ты можешь придумать?

И тогда Алеша решился.

Украсть хлеб в пекарне можно только из печки — дальше, когда его вынимали, с него уже не спускал глаз специально приставленный сторож.

Алеша выхватывал раскаленную форму, вытряхивал из нее дымящуюся буханку, прятал под рубахой и, согнувшись, выбегал из пекарни, мчался что было духу в детский дом.

Там он первым делом отламывал брату, а остальное честно, до последней крошки делил между такими же, как Павлик, ослабевшими от голода да от горького сиротства мальчишками.

Горячие, исходившие жаром буханки обжигали кожу, и скоро живот у Алеши покрылся незаживающими рубцами, до него больно было дотронуться. Но каждый день он снова и снова, согнувшись, бежал в детский дом, чтобы покормить маленького брата.

Потом Алеша попался.

Женщины, работавшие в пекарне, били его и приговаривали:

— Мало ему, что сам тут брюхо набьет, он еще спекулировать взялся!

— Сам маленький, годами не вышел, а под суд нам идти!

— Да кабы ж это первый раз, а то, глянь, какие волдыри — он его давно уже на базар таскает.

Алеша клялся, что не знает, где в городе базар, что хлеб носил в детский дом для своего больного братишки, но его не хотели слушать, пока кто-то не крикнул:

— А погодите, бабы! Надо в детдом сходить... Может, и правда брат?

В детский дом пошел сам главный пекарь, недавно вернувшийся с фронта одноногий пожилой инвалид. Разыскал маленького Павлика, сказал ему:

— Я от Алеши...

— Дядя хлеба принес! — громко закричал Павлик, и тут же пекаря жадно, как галчата, окружили десятка два малышей.

Он погладил каждого и тихонько выбрался из кружка, сказав, что передаст хлеб с Алешей.

И до конца войны потом каждый день Алеша получал от пекаря теплую буханку хлеба, которую он относил в детский дом...

...Алексей Петрович остановил машину.

Мы попрощались, и братья уехали.

Я стоял на краю тротуара, смотрел, как в глубине улицы медленно истаявают красные огоньки.

Час был поздний. Порывистый ветер с шорохом тащил по стилому асфальту темные покорбленные листья. Тускло поблескивали схваченные первым морозцем лужицы. Черное пустое небо дышало близким снегом.

Я опять поглядел вслед машине, и откуда-то издали до меня донесся такой отчетливый на осеннем холодке, такой знакомый дух горячего хлеба...

«Огонек» на БАМе

Иван ГАЙДАЕНКО,
специальный корреспондент
«Огонька»

Н

Е так давно, рассказывают старожилы, Иркутск был гидропортом, где самолетики с поплавками садились на воду. Ныне Иркутск имеет огромный современный аэропорт, принимающий самолеты-гиганты, но улететь отсюда на БАМ не совсем просто. На огромную стройку века идет большой поток и пассажиров и грузов. Нам повезло. Грузовым ИЛ-14 мы улетели на Усть-Кут — старый таежный городок, стоящий при впадении реки Куты в Лену, а отсюда, опять с грузом, — в райцентр Казачинское. Летчики, молодые brave парни, с гордостью показывают: «Вот он, наш БАМ». Крупнейший мост через Лену с высоты кажется игрушечным. Бегут сверкающие лучи рельсов, и возле них квадрат ровных улиц. Это знаменитый Звездный. Здесь магистраль обрывается, а дальше приготовлена просека в тайге — рабочая трасса будущей дороги...

Просека выходит прямо на быки будущего моста, и здесь легко представляешь, какой огромный труд проделали первопроходцы. Я зашел в тайгу, и с каждым шагом становилось труднее пробираться сквозь ее дебри, разбирать ветки, переплетенные сухостойным мертвяком. Ровная линия просеки тянется между стенами тайги. Тут пройдет полотно двухпутной дороги и рядом автотрасса...

Об Улькане и ульканцах мы слышали немало восторженных слов. «Улькан — богатырь БАМа!» — говорили нам в Иркутске. «Ульканцы — молодцы!» — вторили в Казачинско-Ленском райкоме партии. «Улькан — это здорово!» — подтверждали в Магистральном. И вот наш путь лежит к этому поселку, признанному одним из лучших на Байкало-Амурской магистрали. В пути познакомились с ульканцами.

— Валентин Ураков, секретарь комсомольского комитета, — отрекомендовался рослый плечистый парень, протягивая крепкую руку.

— Полномочный заместитель начальника поезда, — представился его товарищ.

«Что-то новое, — подумал я. — Значит, бывают и неполномочные заместители?» Валентин уловил мое недоумение и разъяснил: «Полномочный — это фамилия такая». Мы посмеялись, и сразу завязался разговор. Что такое БАМ? Это только основной ствол, ось, от которой расходятся ответвления к новым шахтам, рудникам, нефтерайонам, газовым месторождениям. Это будущие поселки и города, заводы и электростанции, это более миллиона квадратных километров жизни деятельной и производительной. Разговор продолжался всю дорогу, до самого двести девятого километра магистрали — это отметка поселка Улькан. Здесь базируются строительно-монтажный поезд № 571 и субподрядные механизированные колонны. Поезда как такового, собственно, нет, хотя бы потому, что нет еще рельсов, но в этом много символики: поезд-первопроходцы прокладывают пути будущим эшелонам. Такие безрельсовые поезда есть в каждом поселке, на всем протяжении трех тысяч двухсот километров.

Комсомольско-молодежному поезду № 571, возглавляемому Анатолием Николаевичем Фроловым, присвоено полное глубокого смысла почетное название — «Юность Сибири». Первый след юности в седой тайге — поселок Улькан.

Второго ноября семьдесят четвертого года в районе старой таежной деревни Юхта высадились первый десант во главе с начальником поезда Анатолием Фроловым. Временно поселились у ю-

УЛЬКАН И УЛЬКАНЦЫ

ГИМН МАТЕРИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ

Большое кино чаще всего бывает предопределено большой масштабной литературой. Бесспорную истину эту подтверждает фильм «Мать человеческая», поставленный на «Мосфильме» Леонидом Головней по сценарию, написанному совместно с Леонидом Нехорошевым. А в начале тут впрямь было «слово» — одна из повестей Виталия Закруткина, пользующаяся самым широким читательским признанием. (Впервые печаталась на страницах «Огонька».)

Насколько же удалось авторам фильма «Мать человеческая» воссоздать суть идейного и художественного замысла Виталия Закруткина в сугубо конкретном мире кинематографических образов? Забегая вперед, скажем сразу: главной причиной творческой удачи авторов нового фильма именно и стало бережное отношение к литературному первоисточнику. Эта бережность прежде всего характеризует работу Л. Нехорошева и Л. Головни.

тинцев. С первого дня, невзирая на чины и ранги, и те, кто смыслил в плотницком деле, и те, кто оторвался не держал в руках топора, принялись за строительство жилья. Одновременно начался и штурм тайги: прокладывалась зимняя дорога от Магистрального до Кунермы, дорога от Юхты к строительной площадке будущего поселка, ледовая переправа через Киренгу. По трассам двинулись потоки строительных материалов из Усть-Кута. На правом берегу Киренги, против места, где в нее впадает река Улькан, изыскатели и лесорубы возводили первую улицу поселка, возводили продуманно, семь раз отмерив, опасаясь вырубить лишнее дерево. По сей день в Улькане свято придерживаются девиза, ставшего законом, «Сохрани березку!».

...С Валентином Ураковым и Владимиром Полномочным мы идем ровными аллеями поселка. Каждый дом, словно добрые часы, охраняют таежные старожилы, шумят кронами летом, потрескивают от мороза зимой...

Первый дом, возведенный ульканцами, — котлопункт. От зари до темна хлопотали тут у котлов девочки, варили строителям супы и мясо, кашу и огненно-горячий чай. Теперь слово «котлопункт» вспоминается с улыбкой, как полузабытый архаизм. Появилась прекрасная столовая, она же — молодежное кафе: возвышается эстрада, высокохудожественные творения самой таежной природы служат столами и стульями, украшают интерьер.

Здесь играют свадьбы, проводят праздники, вечера выходных дней, шквалом аплодисментов награждают отлично сыгранный оркестр «Юхтянка». Как музейную реликвию оберегает юность квартал голубых приземистых вагончиков без колес — свое недавнее жилье. Этот голубой лабиринт, где образовалась не одна новая семья, ульканцы лирически называют лунным городом.

Уже появились улицы. Во дворах на ветру полощутся первые пеленки. Завелись в домах и щенки. По вечерам звенят гитары. Подало свой голос и радио, телевидение передает концерты из Москвы. Тайга долго прислушивалась и повторяла все испуганным эхом,

пока привыкла. Сегодня на шести-десяти гектарах раскинулся поселок Улькан. В нем прописаны три тысячи жителей двадцати четырех национальностей. Средний возраст — 28 лет. Зарегистрировано несколько десятков браков, в сельском отгремели свадьбы. Но вот беда — трудновато с невестами. По местной статистике, на семейных парней приходится по одной девушке.

Мне показывали жилые дома для семейных, общежития для тех, кто еще не обзавелся семьей, дом быта, водопровод, теплотрассу, котельную, сибирскую баню, школьный и детский комплексы и сухопутный двухпалубный пароход «Морж», со штурвалом и капитанским мостиком. Уютный клуб на пятьсот мест, Дом учителя, Дом медика, Ульканский аэропорт и гордость комсомолки — спортивный комплекс «Ульканские Лужники». Улькан — признанная спортивная столица БАМа: здесь проводятся всебамовские спартакиады.

Как-то я попросил Владимира Полномочного рассказать немного о комсомольском вожаке, о Валентине Уракове. Он улыбнулся:

— Это о шерифе-то?.. Его тут все так зовут. Строгий, но справедливый. А вообще неугомонный... Душа Улькана!

...Шло заседание комитета комсомола. Слушали вопрос о завершении строительства спортивного комплекса. И вдруг Ураков бросает обидный упрек:

— Для себя хорошо, а для других?

— Что ты имеешь в виду? — после недоуменного молчания спросил Валентина бригадир плотницкой бригады Людвиг Янковский.

— Ну, хотя бы ту же Юхту. Жители хорошо приняли нас, здорово помогли первым десантам, а вы дели их клуб-развалюху?

Всем стало неловко. На следующий же день после работы вся бригада Янковского отправилась к соседям. И клуб стал клубом.

Ураков служил пограничником, строил КамАЗ, Братск. Попал в аварию, горел, надежд выжить почти не было, но молодость и крепкий организм победили. Со вторым десантом высадился в Юхте, избрали секретарем комсомольского комитета. Женат. Пер-

вому сыну семь лет, второй сын родился здесь, в Улькане, — ему несколько месяцев.

...Мы обратили внимание на малолюдность улиц трехтысячного поселка. Ульканцам приходится трудиться на многих участках, отдаленных от поселка. Так требует обстановка тысячекilометрового фронта западного участка БАМа. Сегодня они балластируют вторые пути на станции Чуна и строят палатки и пекарню в поселке Кунерма, помогая соседям принять первый комсомольский отряд строителей. Завтра будут возводить искусственные сооружения под путями, ведущими к Звездному, помогать строить кирпичный дом для железнодорожников станции Ручей, Осетровский речной порт. И все сработанное ими несет марку: «На стройке века — строить на века!»

Строители западного БАМа обязались на год раньше срока уложить рельсы до байкальского тоннеля и проложить одиннадцать километров путей участка Тайшет — Лена. А вообще-то ульканцы должны дать Сибири 57 километров железнодорожного полотна и столько же километров прирельсовой автодороги. Они поклялись сделать это, и они выполняют свою клятву.

До свидания, Улькан! Мы снова проезжаем мимо «лунного города», и Валентин Ураков задумчиво говорит:

— Юность осталась в этих вагончиках, а зрелость укатит куда-то в спальном вагоне.

И мне видятся, слышатся будующие полустанки у магистрали, огоньки на стрелках разъездов, цветные глаза семафоров, билетные кассы, равномерный стук колес, купе, разносящие чай проводники.

Сибирь, Сибирь, великая страна! Твои сокровища разбросаны по необъятным далям. Ты искусно спрятала свои клады в горных хребтах, в глубинах вечной мерзлоты, в подводных тайниках. Тысячелетия охраняют их голубые снега и, мороз-воевода, ухающие топи зеленых болот и таинственная глухомань. Сверху они замаскированы угрюмой дремучей тайгой, громадами сверкающих ледников, невзрачными оленьими мхами — белесым яге-

лем. Здесь прикрыты залежи нефти, триллионы кубометров газа, миллиарды тонн железной руды только в бассейне Северо-Енисейского кряжа. Еще богаче железорудное хранилище Западно-Сибирского бассейна, Южно-Якутское, Алтайское, Кузнецко-Минусинское, Забайкальское месторождения. Медь Удокана в Забайкалье, угольные бассейны Ленский, Тунгусский, Канско-Ачинский, асбест Южно-Муйского хребта. Открыты кладовые бокситов, олова, цинка, вольфрама и никеля, молибдена и кобальта, свинца и слюды, магнетита и талька, гипса, каолиновых и огнеупорных глин, фосфоритов и апатитов, стекольного песка и поваренной соли.

С первых дней, когда в тайге зарывали бульдозеры и экскаваторы, застрекотали вертолеты и прогремели первые взрывы, не обошлось без тревожных разговоров: «Конец, пропала тайга», «Распугают, разгонят зверя». Чтобы установить истину, я беседовал с таежными охотниками-промысловиками, чья жизнь прошла на тропах, под кронами лиственниц, пихт и кедров. «Конечно, где рубят тайгу, зверь уходит», — говорили они, — но что такое просека БАМа в тайге? Все равно как тротуар».

Жизнь повернулась лицом к Сибири. Поднимаются ввысь этажи новых зданий, новых городов, вырастают новые поселки, и прародитель всего этого — БАМ.

— Приезжайте к нам зимой, — приглашают нас лесники, — приезжайте, когда мороз хватает на леду пену байкальской волны, когда берега оцетниваются ледяными ежами и волны окаменевают в своем беге. Приезжайте весной, и вы залюбуетесь хрустальными клинками и ледяными узорами Байкала, залюбуетесь тюленями, греющимися на солнце. Оставляйте на осень полюбоваться, как бродят тайгой туманы и январем светятся смолистые слезы сосны, как просятся к людям подосиновики и рыжики, подберезовики и грузди, как манят радугой красок малина и брусника, клюква, черника и черемуха.

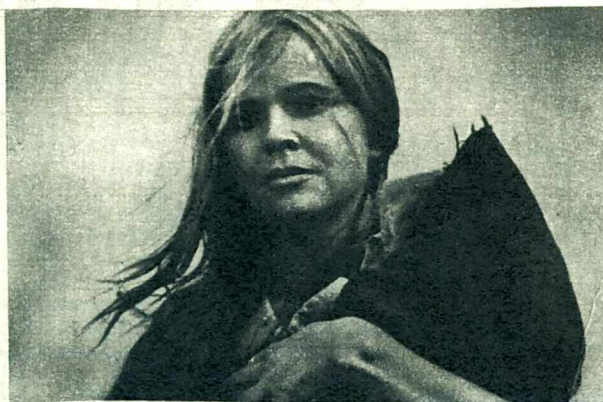
Мы прощаемся с прекрасным, сказочным краем, низко кланяемся его людям.

— До скорой встречи, великая Сибирь.

Основное для них — как это было для Виталия Закруткина — исследование истоков духовной силы советских людей в годы всенародной борьбы с фашизмом.

...Дом, семья, родная деревня растоптаны, уничтожены гитлеровцами в одночасье. Простая русская женщина Мария остается совсем одна на пепелище. Где найти мужество, чтобы жить дальше на выжженной врагами земле... Мария обретает силу души потому, что в этом чудовищно обезображенном фашистами мире существует не для себя, а во имя будущего — скоро она должна стать матерью. Однако еще раньше ей суждено стать спасительницей семерых осиротевших детей.

Так и живет Мария в обезлюдевшем, разоренном краю. Живет с постоянной думой о том, что необходимо сохранить во имя грядущей жизни... Скупыми, но очень точными кинематографическими средствами воссоздают жизнь-подвиг матери человеческой создатели фильма. Операторы-постановщики картины Д. Ко-

Тамара Семина в роли Марии.

ржихин и И. Мельников нашли неброский, но впечатляющий, символический рисунок многих сцен. Чувствуется, что каждый кадр этого сурового и вместе с тем оптимистичного киноповествования, став предметом строгого отбора, выразил философскую идею борьбы человека за жизнь во имя гуманизма, во имя победы всего светлого и чистого, воспитанного в людях советским строем.

Полному и талантливому воплощению «сверхзадачи» картины способствует блистательное исполнение Тамарой Семиной главной роли Марии. Героиня позволяет нам верить, что самые страшные испытания, выпавшие на ее долю, не в силах истребить высокое благородство, убить душу женщины... Таких эпизодов в картине немало. Приобретая философское, глубинное звучание, они носят принципиальный для фильма «Мать» человеческий характер, поднимают и талантливо разрешают проблемы, волнующие миллионы зрителей.

Феликс АНДРЕЕВ

Молодящийся мужчина отрекомендовался сценаристом будущего киноповествования о знатных тружениках области. Он просил Екатерину Федоровну изложить факты ее жизни, в общем, уделить внимание. Совсем немного внимания: «Минут тридцать, не больше...»

Обычно такая общительная, отзывчивая, Екатерина Федоровна Шмадченко сразу поскущела: «Ну, что же, тридцать минут не время...»

Тридцатиминутное интервью — и вся долгая, долгая жизнь? Полузабывшиеся годы голодного детства, работа, работа с ранних лет (а ведь была не такая сильная и не такая бойкая); учение в техникуме (она тогда впервые оказалась в чужом городе и без родных). И снова дома, снова работа, а потом — признание трудовых заслуг; как говорится, тут тебе и

«Арженка» — госплемптице завод Птицепрома СССР мощностью в 200 миллионов яиц в год.

Екатерина Федоровна любит «Арженку». Когда ее просят рассказать о себе, она рассказывает об «Арженке». И о курах, о том, как трудно начинали. Начало помнит хорошо. Ей было три года, когда семья приехала в Рассказовский район Тамбовщины. Отец с матерью бежали из родных мест, спасая малых детей от голода. Федор Яковлевич устроился в «Арженку» чернорабочим, Мария Никифоровна — цыплятницей. Так и прижились, стали рабочими, спасли детей, а их четверо. Не так уж и много, но в тридцатые годы и одного-то трудно было поставить на ноги. Не успели подрасти — война. Война и заставила Екатерину Федоровну, девочку еще, и сестру Марию начать работать. Сначала помогали маме, потом оформились по-настоящему. Забыть ли, как тяжело было детям подниматься рано утром, идти на птичник? Будил отец. А мама поднимет, посадит сонных, а чуть зазевалась — валятся, кровинушки, спят. Мама снова поднимает. А в доме холодно, в доме голодно...

— Эти березы и мой отец сажал, — обронила как-то Екатерина Федоровна по пути в новый модернизированный корпус, который здесь фамиллярно называют «автомат».

терины Федоровны за год дает восемьдесят миллионов яиц. Чтобы понять, много ли это, скажу, что остальные пять цехов дают чуть больше. Вот почему к Екатерине Федоровне едут учиться, вот почему она Герой Социалистического Труда.

...Старая песенка «Цып-цып-цып, мои цыплятки» спета, производство цыплят и яиц в «Арженке», как и на других передовых предприятиях, поставлено на поток. Помню, когда подмосковная Глебовская птицефабрика дала сто пятьдесят миллионов яиц, это было событие! Глебовская мощь еще возросла, да вот и «Арженка» перевалила за двести миллионов...

У Екатерины Федоровны отличная семья, два взрослых сына. Вячеслав — инженер, Геннадий учится в институте, грозит маме: «Кибернетика даст яиц больше, надо только все на автоматику перевести!..» Да, не успело ее поколение оглянуться, как технический прогресс перевернул все бывшие представления о птицеводстве, древнейшей отрасли сельского хозяйства. Теперь курица и не курица вовсе, а отлично смоделированный природный автомат по выпуску животного белка. Как автомат и надо ее, курицу, рассматривать. Известно, что нужно для непрерывного образования яйца, — только заложи эти компо-

ется ни на ночь, ни на праздничные дни. Такое производство (курицу не выдержишь, у нее стоп-крана нет) обвязывает! В совхозе много специалистов, восемь из них — выпускники Тимирязевки, в том числе и директор Иван Иванович Якуненков, Герой Социалистического Труда. За год его предприятие дает продукции на двадцать четыре миллиона рублей (вот так курятник!). В минувшем году прибыль составила пять миллионов рублей. Кроме собственно птицефабрики, «Арженка» владеет огромными земельными угодьями. Причем агрономы добились урожайности весьма высокой. А это позволило не только свое птичье царство обеспечить кормом, но еще и продать государству тысячи тонн зерна.

Но стучится в старые кружевные ворота «Арженки» новь научно-технического прогресса. Это неотвратимо. В старых стенах корпусов монтируются новые клетки, моторы, линии передач, пульта управления. По существу, все заново сделано. Один оператор обслуживает теперь до пятнадцати тысяч несушек (второе больше, чем при недавнем напольном содержании).

— Пятнадцать тысяч не достижение, — говорила Екатерина Федоровна. — Оператор может обслужить и сорок тысяч! К этому идем... А в корпусе обязательно свой микроклимат, автоматическое

• полвека тамбовскому птицеграду

• 200 000 000 яиц в год

• яичко не золотое, а простое

„АРЖЕНКА“

слава и постоянное место в президиумах разных совещаний. И новые задачи, обязательства, новые трудности...

— Росла вместе с коллективом, — привычно излагала биографию Екатерина Федоровна. И это тоже правда. А про себя думала, после уже призналась мне: «Как же так? Избирала делегатом на съезд партии, была депутатом Верховного Совета СССР, Герой Социалистического Труда, и на все тридцать минут?..» Да ведь она не одна, рядом подруги, вокруг та же «Арженка», какую полюбила с детства. Но и не та, неизвестное не та.

«Арженка» — старейший совхоз страны, ему более полвека. Теперь «Арженка» — слава Тамбовской области, предприятие коммунистического труда. Одно из его одиннадцати красных знамен, что стоят в музее, перевито муаровой лентой ордена Ленина. Не просто совхоз нынешняя старая

Березы «Арженки» и мне запомнились. Высоченны полувеконные деревья ослепительной белизны. Они повсюду, куда бы вы ни пошли. Березы ведут в контуру госплемптицефабрики, ведут вдоль новых улиц и еще дальше — к детскому комбинату («дитячий цыплятник»). Березовая роща окружила новый комбикормовый цех, и каждый корпус птицеграда тоже окружен прекрасными белоствольными деревьями.

Родители Екатерины Федоровны и сейчас живут в «Арженке», в своем домике, летом утопающем в цветах. Почетные совхозные пенсионеры. И сестра Мария по-прежнему рядом работает — она бригадир. Братья давно в городе. Екатерину Федоровну, как и сестру, приезжие называют бригадиром, но это неверно: она возглавляет цех № 2. В цехе несколько бригад, девятнадцать корпусов, треть миллиона несушек! Какой уж тут бригадир... Цех Ека-

тенти, а остальное делает несушка.

— Когда я поступила на работу, «Арженка» давала по миллиону яиц в год. По одному миллиону, — рассказала Екатерина Федоровна. — Теперешние масштабы не сравнить с прежними. Их никто и не сравнивает, птицеводство стало отраслью промышленности (точнее, близко к этому). Каждый день куры «Арженки» требуют почти сто тридцать тонн корма. Не крошек со стола, а комбинированных кормов — совокупность десятков компонентов, необходимых по науке для производства яйца как идеальной формы живого белка. В силах ли птичницы вручную приготовить и раздать столько и таких кормов за день? Нет, конечно. Вот почему возникли и кормозавод, и механические линии кормораздачи, механический сбор яиц, и вообще новая организация труда.

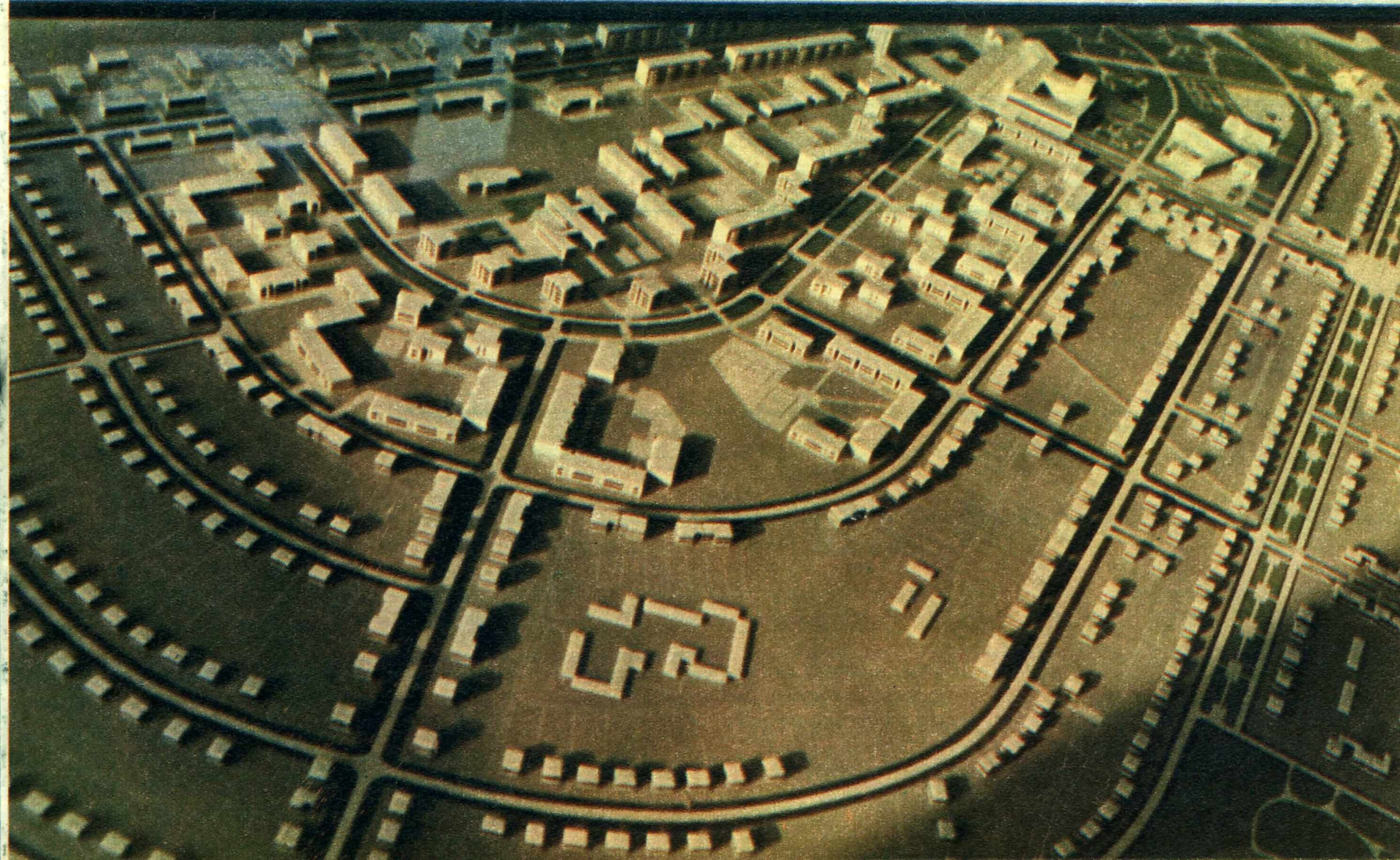
Конвейер этот не останавлива-

поение, кормление... Факторов много. А главное — люди. Может, неудобно о людях так говорить — качество, но именно качество оператора как человека наполовину определяет успех. Не так уж мало! Это главная половина, — смеется Екатерина Федоровна.

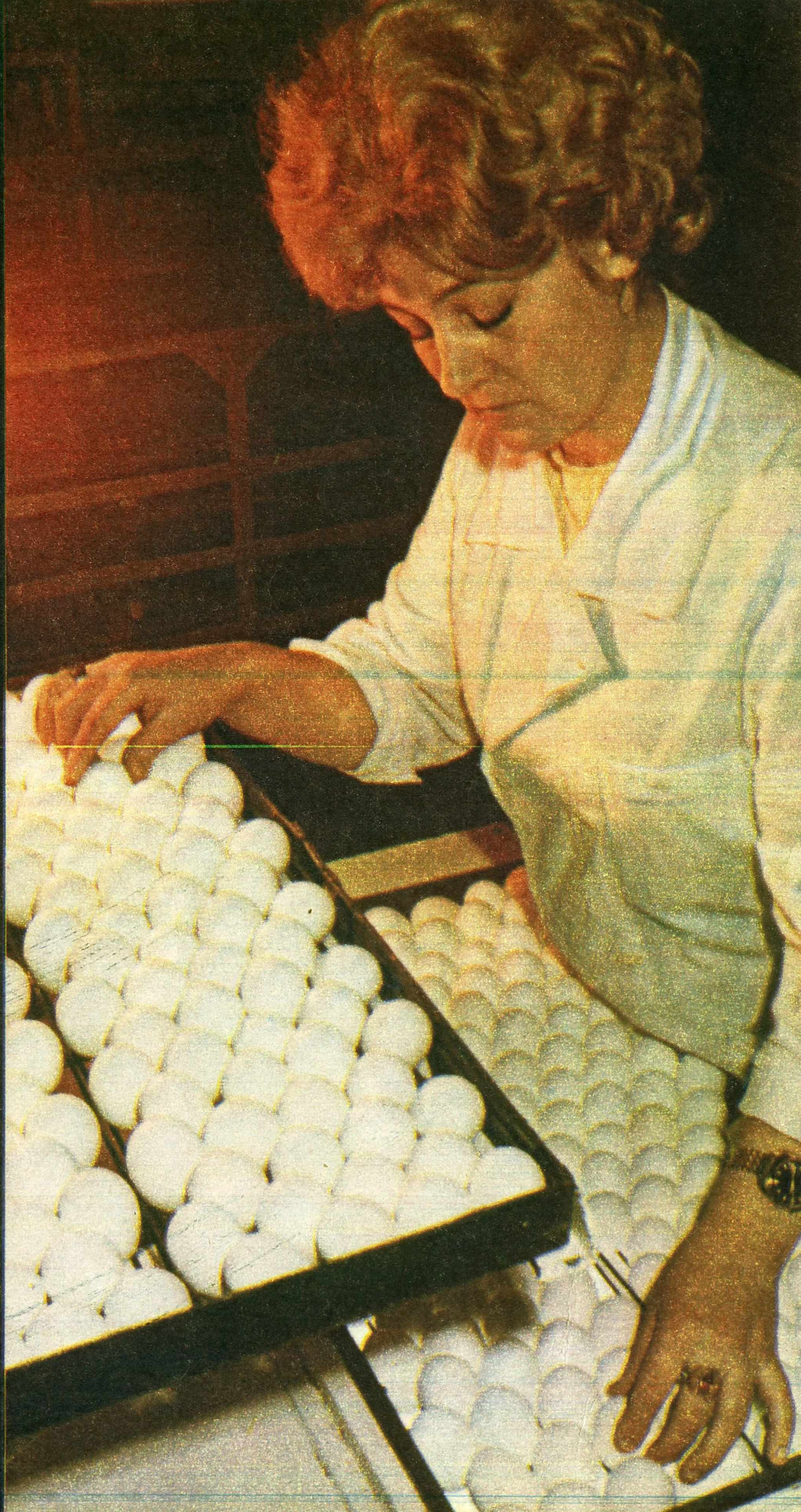
Цех давно на хозрасчете. Поэтому Шмадченко должна все проблемы рассматривать со стороны экономической выгоды. И когда в позапрошлом году десять операторов не выполнили своих планов, коллектив цеха забеспокоился: невыполнение плана одними — убыток для всех. На следующую

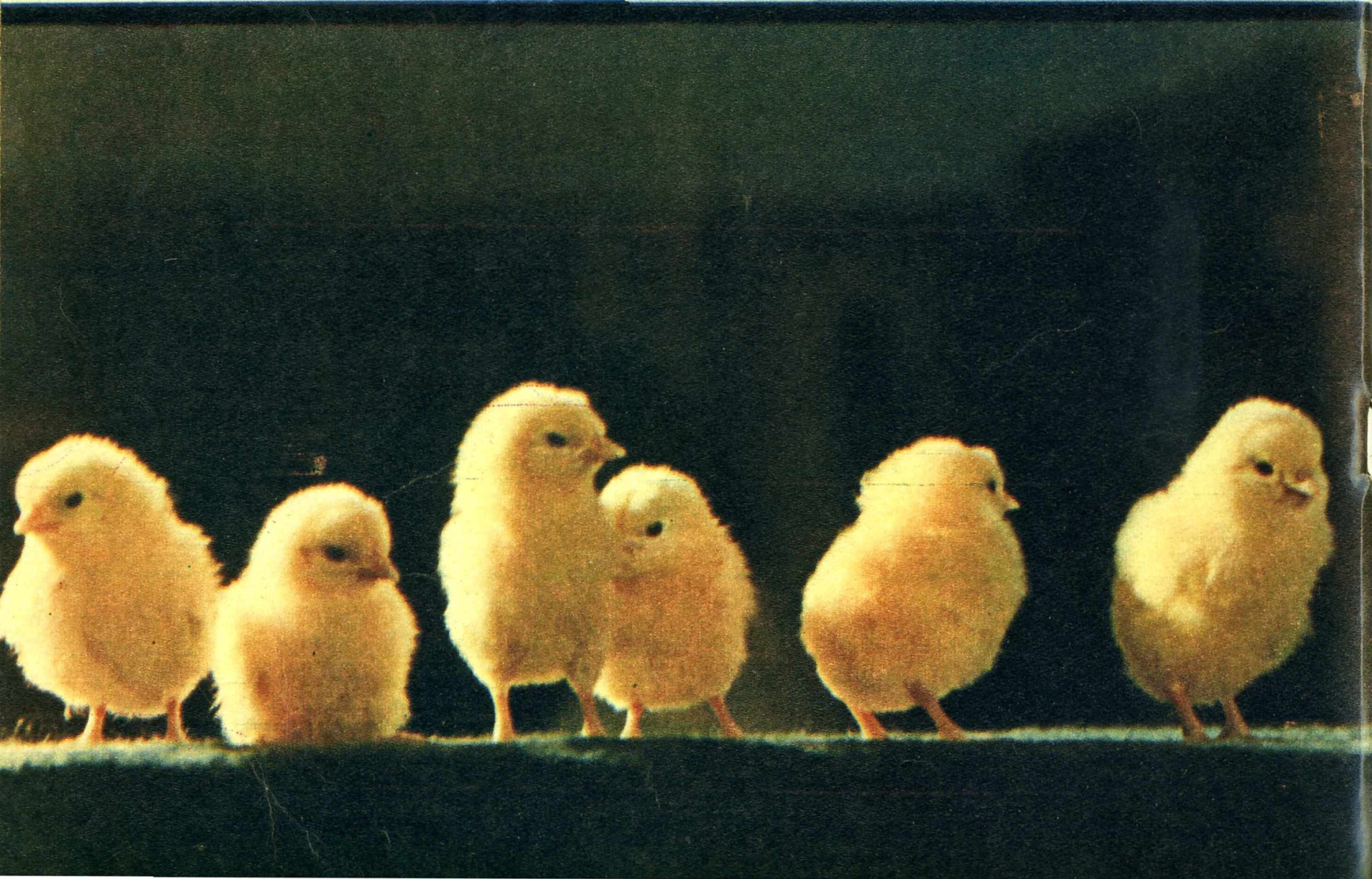
■
«Цып-цып-цып, мои цыплятки...» *
Такой будет «Арженка».

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:
Несушки в корпусе-автомате. * Огни музея. * Старший оператор Лидия Федоровна Мамонтова.

ший год выполнили и план и обязательство — все как один.

— Молодежь хорошая у меня, некоторые девочки работают и пять лет и семь лет. Четыре звена — комсомольские. А помогают новеньким наши заслуженные птицеводы, мои подруги Нина Петровна Чернышева, Мария Федоровна Денисова, Клавдия Федоровна Толмачева. Они более четверти века в «Арженке». С ними, подругами, все прошла, все пережила... А средний возраст птичников, операторов — тридцать семь лет. Двадцать человек награждены орденами и медалями. У нас частые гости — делегации специалистов со всех областей страны, а бывают с Кубы, из США, Канады, Франции, из соседних социалистических государств. Я и сама побывала в Венгрии, Италии...

В 1980 году каждая несушка в стране должна в среднем дать двести тридцать яиц. У Шмадченко куры еще в прошлой пятилетке достигли такой яйценоскости.

— А в этом году мы обязались добиться по двести тридцать пять яиц от каждой несушки. Нелегко, конечно, реконструкция в самом разгаре...

— А какие еще обязательства? — Добиться девятидесяти процентов сохранности, снизить себестоимость на пять процентов... Вы знаете, что такое один процент экономии для нашей «Арженки»? Это сто сорок три тысячи рублей. Так что боремся за десятые доли процента.

Но я записал еще и особый — двенадцатый — пункт обязательств коллектива цеха № 2: «Добиться стопроцентной успеваемости в двух подшефных пятых классах». И об этом тоже душа болит у Екатерины Федоровны.

— И все, что мы планируем, все, на что надеемся, заглядывая в завтрашний день, можем превратить только мы, люди труда!

Вот такая она, женщина удивительной судьбы — Екатерина Федоровна Шмадченко.

...Она снова в Москве. Предстояли трудные разговоры в министерстве, в Птицепроме: надо было доказать то, что очевидно для нее, добиться фондов на новую технику, новое оборудование. Она взяла такси, ехала и мучительно думала, как повернуть дело на пользу родной «Арженки». Шофер, глянув на орден и золотую звездочку, спросил:

— Ого, иконостас!.. За какие подвиги, если не секрет?

— Нет, не секрет. За яички, милый человек.

— В курятнике работаете?

— В курятнике...

— Вот здорово! А петушка вашим курочкам не требуется?

— Обходимся! Без крикунов лучше... У нас, милый человек, в цехе инкубации налажена сортировка цыплят по полу, так что петушков сразу...

— Ну?

— Да, в ящик крикунов, а время утреннее по солнышку определяем.

— Ясно. Все по науке, — неожиданно согласился догадливый водитель такси.

Машина катила по знакомым московским улицам, вот и Орликов переулочек. А ей вспомнились березы «Арженки»...

Стоянка транспорта разрешена...
* Первое утро.

Гауссу ДИАВАРА

Мали

ОТ НОЧИ К РАССВЕТУ

ГРЯДУЩЕЕ

Вам, бредущим во тьме
через горькие дни
по безрадостным тропам,
по нивам бесплодным,
вам, сиротам, отверженным,
нищим, голодным,
для которых законы
страшней западни,
вам, чьи руки
железная грызла змея,
вам, рабам пробужденным,
повстанцам, идущим
на смертельную схватку
былого с грядущим,
говорю свое слово заветное я:
Выходите смелее,
спешите вперед,
наверстайте все то,
что в былом потеряли.
Поклянемся:
навек исчезнут тираны!
В том свидетели
звезды и весь небосвод.
Вот он, завтрашний день, —
вековая мечта!
Он горит
над могилами
братьев сраженных,
озаряет живых,
воедино сплоченных,
от врага ограждает
надежней щита!

БАМАКО¹

Тоскую по краю родному,
едва заслышу:
Бамако.
В апельсиновом свете зари
передо мной
возникает из мрака
город мой,
материнское сердце
пробужденной земли!
Тоскую по дому родному,
по рассветным туманам,
по Нигеру бездонному,
по небесам и саваннам,
по веселым лодочникам,
поющим грустные песни,
по чернощекам школьникам —
в Африке самым лучшим,
по минаретам глиняным,
упершимся в поднебесье,
по обелискам древности,
каменным и колючим,
по переулкам, тонушим
в густой тени баобаба,
по голосу твоей сущности —
грохоту барабана.
О барабан рокошущий,
рвущийся, умоляющий,
вздрагивающий,
пророчащий,
в судорогах
умирающий!
Тоскую по краю родному,

едва заслышу:

Бамако.
В апельсиновом свете зари
передо мной
возникает из мрака
город мой,
материнское сердце
пробужденной земли!

МОРЕ

Я люблю вечерами стоять
на песчаном пустом берегу,
слушать голос Атлантики,
думать о жизни.
Море —
беспокойная серая гладь —
в отдаленье сливается с небом,
и жизнь предстает
как бескрайняя ширь,
как неведомая глубина
в чередовании
четких движений прилива.
Волны бегут,
то сжимаясь,
то распрямляясь, —
складки зеленых полотнищ,
раскачиваемых ветром.
Бриз доносит ко мне
еле слышное пенье
ночных дочерей океана.
Всплеск волны
на изумрудных камнях —
смех счастливых детей.
И в сравнении
с этим простором,
с его простотой и свободой
какой непонятной
и сложной загадкой
мне кажется мир —
мир людских взбунтовавшихся
волн,
мир необъяснимых чудес,
мир суровый и твердый,
безжалостный и упрямый,
мир, в котором
мой черный народ
ищет свой путь,
преодолевающий миражи,
мир, отягченный
бременем противоречий,
мир, где судьба человека
рождается в вечном бою.

ЭХО ЗАКАТА

Ночь спускается с неба,
укрывая деревню
одеялом огромным.
Дым плывет над домами
от соломенных кровель
к темно-бурому небу.
Небо — словно Сахара.
Небо — знойная бронза
в паутине созвездий.
Долетает звериный
рык сквозь желтые джунгли.
Усмехаются звезды.
Слышу слабое эхо
на реке. Это песня.
Приближается лодка.
Вот гребцы наклонились,

и откинулись снова,
и опять наклонились.
И под грустную песню
плавно движется лодка,
мягко движется лодка,
тихо движется рядом
крокодил, чуть качаясь.
Полусонный, ленивый.
Всхлипнул медленный ветер
в космах пальмовой кроны.
Дремлет пепельный аист.
Дремлет ворон безмолвный
в космах пальмовой кроны
под стенование ветра.
Пастухи возвратились.
Очаги запылали.
Блещут мокрые травы.
Ночь спускается с неба,
покрывалом огромным
одевая деревню.

ОТ НОЧИ К РАССВЕТУ

Я сплю.
Африканская ночь
дремлет рядом со мной.
Размеренно дышит земля,
качают травы, и джунгли
бормочут во тьме.
Время последнего сна —
самого звонкого и золотого.
Ветер бежит по траве,
как мальчишка,
ноги в росе замочив.
Пальма одета в туман,
как невеста,
прикрытая белой фатой.
Качается в небе луна —
лодка,
что тихо плывет,
рассекая звездную пену.
Пляшут у самых глаз пауки,
светляки, кузнечики,
божьи коровки.
И далекий горный хребет
голову положил
на постель облаков.
Слушай внимательно!
Шорох, едва-едва...
Утро сметает звезды
розово-белой метлой.
И прозрачными крыльями
машет незримая птица.
Счастье?
Быть может...
Пора просыпаться, пора...
Я открываю глаза,
и заря одевает меня
в серебряный свет.
Я стою неподвижно —
коричневый камень,
расцвеченный солнцем.
Я распрямляюсь,
как горизонт,
воскрешенный лучами дня.
Я звеню, как струна,
от прикосновения
огненных пальцев.
И над моей головой дышит
светом и пламенем
весь небосвод!

Перевел Михаил КУРГАНЦЕВ.

¹ Бамако — столица Республики Мали.

С. ТОКАРЕВ. По утрам в Северодонецке ставится обязательная программа.

Ира как-то сказала: «Эх, поставить бы памятник Сальхову и Олегу Алексеевичу!» Это потому, что у нее прыжок «сальхов» самый нелюбимый, и «тодес Протопопова» тоже. А этот тодес есть в нынешней обязательной, и у Иры болит от него левая рука. Вот они заходят на тодес, Ира старательно вытягивается надо льдом, и по ее лицу видно, что она уже ждет боли.

Она описывает круг — продолжением руки партнера, ее левая нога заложена за правую, но вдруг правый конек словно уезжает, выскальзывает из-под нее... «Ой!» Она резко вскрикивает и катит вдоль бортика, ссутулясь и потряхивая забинтованной кистью.

В довершение неприятностей у нее новые, еще не разношенные ботинки: она их все время перешнуровывает, подтягивает языки, и однажды просто вырвала его...

— Теперь у меня, — шутит она, — сзади ноге тепло, спереди продувает. — Хотя, в общем, ей не до смеха: знай заправляй окаянный язычок в ботинки...

— Еще раз, — приказывает Тарасова, а иногда не успевает даже приказать, потому что Ира уже подала руку Саше, и в который раз заходят они на тодес, и опять Ира морщится от боли и перебинтовывает кисть, и при этом видна вспухшая бугром на запястье косточка. На сей раз «ой» кричал Саша — укололся о булавку, которой скреплен бинт, и еще долго возмущался тем, что «везде понатыкано».

Сейчас начнется лучшая, коронная часть его тренировки — прыжковая. Он великолепный прыгун — Саша Зайцев, он взмывает в воздух и словно зависает, и Тарасова иногда просто просит, чтобы прыгал он пониже, и в длину, а не вверх.

— Прямо Брумель какой-то, — комментирует Ира хоть и иронически, но не без гордости за мужа.

Впрочем, в данный момент Саша берет дополнительный тайм-аут и принимается учить девочку Лену прыгать два с половиной. С одной стороны, для него это отдых, а возможности отдохнуть он никогда не упускает, с другой — его хлебом не корми, а дай поделиться своими знаниями.

Бедняжке Лене сказано, что, пока она не научится крутить эти два с половиной несчастных оборота, партнера ей не найдут. И с самого утра она ездит и ездит, заходит и заходит на прыжок. То вдруг просияет: «Кажется, получилось!», — то совсем скиснет.

— Леночка, деточка, — чеканит Тарасова, уставшая от объяснений, — ты поняла наконец или не поняла, ты почему головочкой своей не думаешь, радость моя?

Зайцев подъехал к ней.

— Ленк, смотри: локти сюда. Сюда, сюда, как будто ты арбуз держишь.

— Скажи: «Как будто маму обнимаешь», — советует Тарасова.

— Свою маму я лично раз в год вижу, — парирует Зайцев, — не знаю, как ей, а мне про арбуз понятнее. Ленк, давай еще, заходи, а я посмотрю.

Он умеет объяснять, он, кажется, прирожденный тренер — аспирант Института Александр Зайцев, и Тарасова его не трогает, хотя ей очень хотелось сказать, чтобы Леночка «дала дяде Саше заняться личными делами».

Впрочем, ее терпение хватает ненадолго. Тренировка идет дальше.

IV

Это первый период, а дальше идет второй — очень неприятный.

Вроде бы уже все сделано, вроде бы ты уже в форме, и все-таки что-то не то, а время уходит, и ты особенно остро чувствуешь, как бегут дни.

Так до начала декабря, до «Московских коньков», международного турнира, после которого обычно меньше волнений — точно знаешь, что сделано, что не сделано, и можно все распланировать.

«Московские коньки» — всегда праздник. Я очень люблю Лужники, Дворец спорта, хотя там и тяжело кататься. Московская публика довольно избалованная, да и лед здесь хитрый и коварный. 14—15 тысяч зрителей — они ведь

дышать должны, и спортсменам мало остается воздуха, да и жарковато — сверху лед тает, а снизу он твердый, его поддерживают для хоккея. То есть ты видишь влажную поверхность и как бы распускаешь конек, а под этим слоем-то жестко.

Но в Лужниках то хорошо, что зритель не давит на тебя: трибуны на расстоянии от льда, но ты видишь их, ощущаешь их реакцию. — все чувствуешь и понимаешь снизу до самого верха трибун, целиком, а сама словно летишь... словно паришь...

Чувство полета есть в Лужниках.

А потом они для меня особенно дороги, потому что это первый в моей жизни ледовый дворец, где меня увидели в паре и, по-моему, сразу приняли — и с первым партнером и со вторым.

В шестьдесят шестом я впервые каталась здесь с Лешей Улановым.

На льду я была как бабочка — свой день отлетала, и никаких тебе забот. Я чувствовала, что я есть, что мне хорошо, партнер был где-то сзади, я его не ощущала, не думала о нем, просто мне нравилось кататься, нравилось лететь, и улыбка была потому, что хотелось улыбаться, а не потому, что положено.

Остальное пришло потом — места, которые тебе обязательно нужно занимать, ответственность, которая тяготит, медали с их оборотной стороной, не всегда сияющей...

Но тогдашние мои ощущения объяснимы во многом тем, что перед публикой мы появились впервые в показательных выступлениях, с короткой программой (у нас тогда не было концертных номеров). Это метод Станислава Алексеевича, в этом его мудрость — представлять своих учеников публике так, чтобы дебют проходил не в тревожной обстановке соревнований, а в более легкой, праздничной: мы показываем работу и чувствуем реакцию на нее, зритель знакомится с нами и запоминает нас. Так было впервые в паре с Улановым и в паре с Зайцевым тоже.

Правда, между первым и вторым дебютами минуло много времени, и ощущение было другое.

Прежнее счастье — оно было от естественности и бесконтрольной, в общем, полноты чувств, когда ты не думаешь и не знаешь, кто и какой хочет видеть в тебе идеал, и все равно, какое на тебе платье.

В шестьдесят шестом у меня и платья-то никакого не было, кроме тренировочного, мама его постирала и пришла кружевца. Потом хореограф Татьяна Петровна Матросова сказала мне:

— Девочка, что ж ты в таких грязных ботиночках на лед вышла?

А я и понятия не имела, что ботинки можно красить.

Смешно сейчас вспоминать. Нас выпустили на тренировку, я стала падать, растерялась. А на трибунах уже судьи сидят, тренеры. И Станислав Алексеевич впервые показывает им свою новую «продукцию».

Он, помню, даже рта не открывал, чтобы никто не подумал, будто что-то не в порядке. Сквозь губы, сквозь зубы все нам говорил, а еще больше глазами.

Мы носились с какой-то утроенной силой, нам словно мешали борта, что-то такое делали, чего сами не понимали...

Надя Горшкова однажды мне сказала:

— Ты как с детства помчалась, как угорелая, так и до старости бежать будешь.

Тогда мы выступали в показательных самыми первыми, а это труднее всего — первыми и последними. Первыми трудно потому, что публика еще не расселась, а последними потому, что она начинает уже пробираться к выходу, к гардеробу за своими пальто. К тому

же последних она знает наизусть, она их сто раз по телевизору видела.

Но московская публика, как я уже сказала, особая. До окончания редко уходит. Вообще для меня в Москве самый строгий зритель — строже судей. Судья тебя видит на тренировке, ты уже там стараешься показать ему самое лучшее, что, может быть, только в наметках существует. Например, в последние годы, когда мы по плану выступаем в московском турнире только с короткой программой, то непременно участвуем в тренировке перед произвольной и демонстрируем лучшие фрагменты — впечатления арбитров будут в какой-то мере влиять на них весь сезон. А публике ты являешься каждый раз как бы впервые, она еще ничего не знает, но ждет нового, ждет, что ты окажешься лучше, чем в прошлом году, и старательно сравнивает.

Вообще все новое москвичи принимают сначала молча, они не легковжны, им надо всмотреться, оценить, взвесить. В других городах — Ростове, допустим, или Запорожье — публика рада тебе, просто тебе и тому, что ты ей показываешь, потому что это ты, и она тебя любит. А москвич глядит прищурившись.

Такая вот в моем родном городе публика, и то, что она приняла нас при нашем первом появлении, радует меня до сих пор. Впрочем, «приняла» — это относительно. О нас говорили, что, конечно, бегаем мы быстро, но корявые какие-то, неаккуратные, что все недоделано.

Конечно, в ту пору идеалом были Белоусова и Протопопов, мы против них казались совсем зелеными...

Это все декабрь шестьдесят шестого, а в декабре шестьдесят седьмого мы уже участвовали в соревнованиях на «Московских коньках» и выиграли их. Правда, из сильнейших никого не было, они готовились к Олимпиаде. Но так или иначе мы выиграли, о нас заговорили, стали писать, и мы были счастливы.

В шестьдесят восьмом мы оказались вторыми после Тамары Москвиной и Алексея Мишина и здорово удивили московскую публику комбинацией прыжков. Комбинации эти в парном катании вообще не исполнялись, Станислав Алексеевич первым их ввел. И хотя новое было показано не в самом лучшем варианте, но все-таки запомнилось...

Надо заметить, что мне представляется более справедливой и прогрессивной система судейства в гимнастике: там ведь шкалой специально предусмотрено поощрение за особую сложность и оригинальность элементов, то есть за новаторство. В фигурном катании этого нет. Видимо, не случайно в гимнастике изобретается значительно больше новых деталей программ и связок, чем в нашем виде спорта.

Но тогда каждый из нас троих — Жук, я, Леша Уланов — подходили ко льду со своими как бы отдельными мыслями и целями.

У Жука продолжался его жестокий спор с Протопоповым о том, каким должно быть фигурное катание, столкновение их взглядов переросло в столкновение характеров, отражалось на взаимоотношениях, и наш успех был для Жука веским доводом в этом споре.

Что до меня, то тогда не модно было быть Родниной. Модно было быть Белоусовой. Но Жук мне сказал, что надо доказать: «Такая я есть, и такой меня надо воспринимать». Он меня всегда учил, что все в жизни нужно доказывать только делом: «Если ты выйдешь на площадку и сделаешь все лучше всех, играючи, и всех поразишь, то какая ты ни есть на самом деле — маленькая, неэффектная, — ты будешь лучше всех».

В общем, до этого нас хотя и заметили, но как бы не приняли всерьез, не ощутили нашего стиля, и нам необходимо было отстоять его.

НЕГЛА

Леша вдобавок хотел победить в споре со своими родителями: прежде, до того, как Жук поставил его в пару со мной, он катался с собственной сестрой, и его родители были против замены. Его мама приходила к Станиславу Алексеичу, папа приходил...

Однако Станислав Алексеич имеет одну особенность: если его все дружно в чем-то убеждают, он непременно сделает нечто прямо противоположное. И он настоял на своем.

Мой первый партнер — человек творческого склада. В годы, когда мы начинали, именно он был в нашем дуэте движущей силой. Он часто бывал в театре, хорошо знал балет, при бегал буквально набитый замыслами. Он горел фигурным катанием, с ним интересно было работать. И трудно.

Помню конец шестидесят шестого — начало шестидесят седьмого года, у меня были каникулы, и мы тогда очень много работали. Мне приходилось далеко ездить на каток, а Леша служил в армии, и я говорила себе: «Вот как ему легко живется — без забот, а он такой вредный, затаскал на тренировки. Мало того, что тренер заставляет, так и он еще тут. Попробовал бы сам час в одну сторону на автобусе и на метро ехать, час в другую». Я

только и успевали от бортиков отталкиваться. Он грозно нам тогда сказал, что мы срываем план подготовки к чемпионату страны, и выгнал назад — на наши корты.

Сколько мы тогда элементов выучили! Сейчас, по-моему, никто столько не делает. Мы еще четыре года держались на том запасе.

Мне иногда кажется, что Станислав Алексеич, с кем бы он ни работал, ни к кому не будет относиться так, как ко мне. И если даже он бывал жесток, все-таки то хорошее, что было в нем, в наших отношениях, всегда перевешивало плохое. И мы доказали друг другу нашу преданность спорту. Я в этом убеждена.

Да, я боялась его. Он всегда был недовольный. Но я точно знала: если он требователен к нам, то к себе — втрое. И коль велел он мне явиться на тренировку за сорок пять минут до начала, я готова была за два часа выбегать из дома и скакать по всем эскалаторам метро, потому что знала, что он обязательно придет раньше меня. Знала, что если с меня будет пот лить, то с него — еще больше.

Тогда (я говорю о шестидесят шестом и шестидесят седьмом годах) в Жуке чувствовался колоссальный запас энергии, жажда тво-

совершенно не устраивает. Я жила в страхе, что вот-вот он от нас откажется.

Когда мы тренировались рядом с Таней Жук и Гореликом — а они были замечательные спортсмены, — я видела иногда, что мы работаем больше и лучше, но Станислав Алексеич постоянно твердил, что плохо, что так работать нельзя.

В конце первого нашего сезона он попросил нас откровенно признаться, что нам понравилось и не понравилось в работе. Мне понравилось все, Леша же сказал, что, с его точки зрения, работать надо в классическом стиле, как Белоусова и Протопопова, а мы чего-то все носимся и скачем, и линии у нас некрасивые.

Но Жук ему тогда так ответил:

— Дорогой, чем же ты собираешься выигрывать у Протопопова? Ведь в том, что он умеет, ты хуже его.

У

Жук нам постоянно твердил: у Протопопова за этот месяц столько-то часов льда, столько-то часов ОФП, а у вас всего только на двадцать часов больше... ОФП — это общефизическая подготовка.

Он очень редко говорил нам, к чему готовит, какова его главная цель. Пожалуй, совсем не говорил, что цель — лидерство в мировом парном катании.

Но это было главным для него, это сидело в нем, как гвоздь: его пара должна обогнать Белоусову и Протопопова, должна утвердить свой стиль, его стиль. А мне поначалу разговор о возможности победить Белоусову и Протопопова вообще казался странным. Пределом моих желаний было выполнить норму мастера спорта. И когда в 1968 году на первенстве страны мы с Лешей стали третьими, а Белоусова и Протопопов — первыми, и я стояла рядом с ними, ниже, но рядом, я была почти в шоковом состоянии.

Я была девчонка, впервые стартовала среди взрослых, среди пятнадцати пар мы оказались третьей, а когда я выходила на лед, то и не знала даже, не думала, на какое место рассчитывать. Сильнейшие представлялись мне окруженными ореолом.

Пожалуй, с этого момента мне начало открываться, для чего я живу и тренируюсь.

Но только начало, только щелочка какая-то приоткрылась в сознании, и к первому для меня чемпионату Европы — в Вестеросе — я была совсем не готова морально. Мне чудилось, что все, кто там выступает, какие-то избранные. Раньше, по телевизору, я видела, как они все здорово катаются, — я так не умела. А на первой тренировке у меня буквально раскрылись глаза, и я заметила уйму ошибок у тех, кого считала недостижимыми.

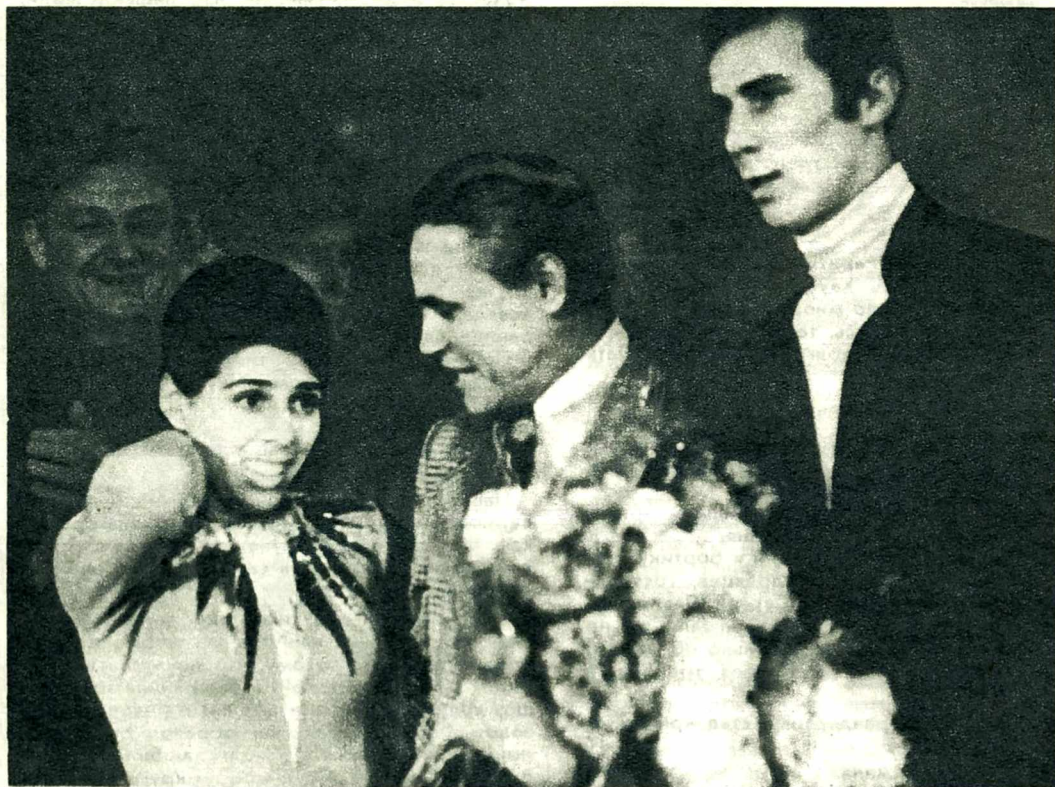
Как ни странно, это меня не успокоило, а, наоборот, выбило из колеи. Дело в том, что я не знала своей цели, своей реальной задачи здесь, — просто так, приехала себе на соревнования, и все.

После короткой программы мы оказались третьими, и меня еще больший страх охватил. Да вдобавок мне тут же начали объяснять, какая на нас лежит колоссальная ответственность, как смотрит на нас вся наша огромная страна... Я представила по карте страну — действительно огромную, самую большую в мире...

Одним словом, в моей жизни было мало минут... кроме той, наверное, совсем не было... когда бы я не знала, вообще не понимала, зачем я тут нахожусь. Ничего не соображала. Полная прострация. Глаза, и в них — ужас.

Произвольную мы откатали плохо и съехали на пятое место. Станислав Алексеич сказал: — Ну, спасибо, Иришенка, с днем рождения ты меня поздравила.

А я и не знала, что тот день был его днем

И. Роднина, С. Жук и А. Зайцев.

Фото А. БОЧИННА

ворчала, а сама и не думала о том, что в казарме жить — это не дома у папы с мамой...

На открытых кортах ЦСКА, которые зимой заливают, мы катались часов по восемь в день — под снегом, по неровному льду. Мы были большей частью вдвоем, потому что Жук на закрытом катке «Кристалл» занимался со своими сильнейшими.

Бывало, вечером поработаем часа три, — кажется, все, конец, я уж за чехлы берусь. И вдруг появляется Станислав Алексеич в шапочке пирожком, резконькой своей походочкой. Наденет тулуп и валенки, стоит и смотрит. И от его взгляда поневоле забегаешь, хоть и обезножела совсем.

Однажды он нас пустил на «Кристалл», а мы после открытого льда там не умещались —

рвать, переизбыток творческих возможностей. Это ощущалось сразу. Ему всегда не хватало трех часов тренировки, восьми часов не хватало, он с первой секунды начинал торопиться и торопить нас. Ему все казалось мало, все плохо — хуже, чем он хотел от нас и от себя.

Он бегал по льду сам, прыгал сам, играл в баскетбол, в хоккей...

Бывало, только он что-то придумает и мы это выучим, как ему уже кажется, что это все не то, что можно интереснее. Любая решенная задача для него тотчас падала в цене.

На каждую тренировку он шел заранее недовольный, шел с выговором. Он нам полтора года твердил, что намерен спрашивать с нас, как со взрослых, сознательных спортсменов, а работа по принципу «шалая-валяй» его

ДЖИЙЛЕД

Успех.

рождения, и это для меня оказалось самым тяжким и болезненным упреком.

В Вестеросе я получила хороший урок. Я поняла, что всегда надо знать, чего от тебя ждут, чего самой ждать от себя, на что настраиваться, к чему готовиться, как держать себя во время соревнований — с холодной головой, трезво.

Нет худа без добра: без поражения в Вестеросе в шестьдесят восьмом не было бы победы в Гармиш-Партенкирхене в шестьдесят девятом...

Первенство страны 1969 года проходило в Ленинграде. Я люблю этот город, но ко мне, по-моему, не слишком благосклонен ленинградский зритель, и выступать мне там труднее, чем в других городах. Публика там воспитана на традициях русского классического балета. Белоусова и Протопопов много лет были ее кумирами. Пожалуй, лишь с тех пор, как я катаюсь с Зайцевым и как мы поженились, ленинградцы ко мне потеплели.

Тогда, в Ленинграде, я знала, что мы должны занять третье место; выше подняться не могли, ниже опуститься не имели права. У меня тогда спрашивали: «Ты не больна? Почему ты не улыбаешься?» Я каталась серьезная, думала о каждом своем шаге, отвечала за него и получила то, на что рассчитывала.

VI

В Гармише все было хорошо, только не было тренера. Он звонил каждый день из Москвы, но разговаривал с Лешей и все указания давал ему. Леша был старше меня, мне велели во всем его слушаться, и к телефону меня не звали.

Мы ходили своей кучкой: Леша, я, Сережа Четверухин, Галя Гржибовская. Мы были «жуковцами». Нас с Лешей опекала Таня Тарасова.

После короткой мы были третьими, как в Вестеросе, и я изо всех сил не хотела, чтобы повторился прошлогодний вариант. Я думала не о победе — боялась, как бы ниже не скатиться. Какими бы глазами я потом смотрела на Станислава Алексеевича?

Я думала, что если случится так же, как год назад, больше кататься я не смогу. Не получится из меня спортсменка.

Когда мы готовились к произвольной, нас настраивала Таня, и еще помогали ребята из команды Чехословакии... Я помню, сперва катались Белоусова и Протопопов, а я сидела в раздевалке, и кто-то прибежал, стал мне

объяснять, что они «риттбергер» не прыгнут... Потом катались Хаусс—Хефнер, пара из Мюнхена, в зале было много публики из Мюнхена, и такое творилось, такой шум стоял, что Москвина и Мишин долго не могли начать свою программу...

Потом вышли мы.

И когда заканчивали первую часть — там идет прыжковая комбинация, — после второго прыжка на трибунах поднялся сплошной рев. Мы вообще музыки не слышали.

А может, даже раньше это началось — как-то с первых шагов нас там «взяли».

Мы закончили. Мы подкатили к бортику. Нас Таня обнимала, Рыжкин, Кудрявцев, государственный тренер Васильев Сергей Павлович... До меня не доходило, что мы выиграли, я и не думала ни о каких местах, а только об одном: что мы справились — одни, без тренера, а справились.

Кто-то влетел в раздевалку, стал кричать о каких-то медалях.

Я ничего не понимала.

Нас повели на пресс-конференцию. Я никогда в жизни не знала больше такой пресс-конференции, не чувствовала такого интереса к нам. Никогда не было такого потока вопросов. Разве что в Кельне после чемпионата Европы 1973 года.

Мы уходили с ворохами цветов, роняли цветы, не могли удержать их, нам некуда было их девать. Мы были все в значках, с уймой каких-то сувениров.

Мы открыли дверь в нашу раздевалку и из шумного теплого мира попали в тихий и холодный. В раздевалке сидели несколько человек, подписавших в газете статьи, направленные против нашего тренера, и Олег Алексеевич Протопопов. Они сидели и молчали.

Еще только один раз в жизни я испытала подобную мгновенную и неожиданную тишину — это когда в Братиславе на первенстве мира 1973 года оборвалась музыка.

Собрали мы свои конечки, даже не переоделись, а только накинули пальто и шмыгнули наружу.

Я пришла к себе в номер. Моя соседка Таня Войтюк спала, и надо было вести себя тихо-тихо.

На следующее утро нам сказали, что мы стали заслуженными мастерами спорта, и тогда уж нас поздравляли все. Много было поздравлений.

Мы прилетели из Гармиша, на аэродроме стояли мои добрые родители, Жук потребовал

у меня дневник и сказал, что в восемь утра тренировка, а прилетели мы в двенадцать ночи.

Тренировки, правда, не было: нас принимало руководство Спорткомитета СССР, а потом — в Моссовете.

В этот день нам прививки делали, потому что надо было сразу за океан лететь — на чемпионат мира в Колорадо-Спрингс.

Наверное, слава меняет каждого человека: не обязательно делает хуже, но обязательно меняет его жизнь, а значит, и его самого.

Когда это все впервые, это приятно: о тебе пишут, тебя узнают... А когда такое вокруг тебя постоянно, то очень хочется, чтобы тебя совсем никто не знал. Ужасная штука — быть все время на виду, когда следят за каждым твоим словом, каждым жестом, подходят к тебе, трогают за рукав, словно бы так: «Ой, настоящая!» Каждый человек имеет право что-то тебе сказать, замечание сделать: то, другое ему не понравилось в твоём выступлении или вообще в тебе самой — улыбалась ты, с его точки зрения, мало или голову слишком резко повернула...

Слава не дает привилегий, наоборот, ты себе не принадлежишь.

Я понимаю, конечно, что привилегий одиночества и независимости нас лишают люди, которые нас любят. Что непосредственное проявление повышенного интереса к нам доброжелательно, оно от души. Меня же все зовут Ирой, разве что дети — Ириной Константиновной.

Другое дело, что, как я уже говорила, публика видит нас не такими, какими мы бываем большую часть нашей жизни. Во время соревнований, на телеэкране, мы перед ней, так сказать, в наши звездные часы — в праздники, а не в будни. У меня иногда спрашивают, почему я не улыбаюсь, но я улыбаюсь столько же, сколько все люди, то есть далеко не всегда, а на экране меня привыкли видеть улыбающейся и хотя бы такой видеть постоянно.

Получается какой-то типичный положительный бодрячок. А потом глянут на живую: «Ах, да почему она такая хмурая, неразговорчивая да какая маленькая...»

Конечно, я еще меньше ростом, когда без коньков.

Наверное, все так, как и должно быть. Наверное, сегодня миру нужен спортивный герой как воплощение естественности чувств, естественности поведения в самом естественном из человеческих занятий.

Десять лет назад гимнастка Наташа Кучинская за несколько минут стала любимицей человечества, и не потому, что показала на соревнованиях сложные элементы, выполнила их хорошо, получила высокие оценки и завоевала три золотые медали. Главным образом по другой причине. Мне кажется, люди влюбились в нее в тот миг, когда она, шагая по кругу почта, в восторге и упоении на полкруга убежала вперед от остальных, и зал смеялся добрым расстроганным смехом, как бывает, когда что-то такое непосредственное и милое вытворяет ребенок.

Испытывая такие вот естественные эмоции, человек, по-моему, словно очищается. Рад он, или огорчен, или разочарован тем, что увидел, все равно очищается, потому что это — настоящее, потому что в его чувствах нет ни капельки какой-то фальши, корысти, личной выгоды.

Что прибавится болельщику от победы его любимой команды? Вроде бы ничего, а он ликует, жизнь его становится светлее, горести забываются.

Спорт, мне кажется, затрагивает лучшие струны миллионов людских душ.

...Я сказала, что слава меняет каждого человека. Менялись на моих глазах тренеры, менялись и партнеры, менялась, наверное, и я, хотя Станислав Алексеевич, чуть я начинала нос поднимать, тотчас принимал свои меры борьбы с этим явлением и родителей моих о том же просил.

Я вообще не привыкла слышать от Жука похвал. Это Татьяна меня хвалит, а у Жука было суровое воспитание: я всегда знала, что катаюсь плохо.

Наши отношения с Улановым после Гармиша изменились, ухудшились. Как и его отношения со Станиславом Алексеевичем. Причин тому

много, не все я знаю точно, о некоторых могу только догадываться.

Может быть, Леша от природы не был очень крепок физически. Когда нужно было искать новое, его на это хватало с избытком — помогал творческий накал... А когда приходилось закреплять достигнутое повторами и повторами, тем более что Станислав Алексеевич привержен методу перехода количества в качество (лучше переработать, чем недоработать), Леша стал уставать, а летучая «болезнь чемпионства» не давала ему побуждать себя трудиться, как говорят, через не могу...

Уланов вдобавок старше меня, его взгляды на фигурное катание сложились, и не во всем они совпадали со взглядами Жука. Кроме того, что Леша был поклонником классической музыки и ему импонировал стиль Протопопова, они вообще с разных точек зрения смотрели на постановку программы: Жук, как я

говорила, шел от техники, Леша — от музыкальной идеи.

Тут к тому же и я стала взрослеть, начала доказывать партнеру что-то свое. Его это уж совсем удивляло и даже выбивало из колеи. Между нами пошли беспрестанные споры. Он-то ведь мне всегда доказывал, что ведущий в паре он, партнер, а партнерша — что? Одно слово — женщина. Но я его слушала молча, когда умела меньше, чем он, а теперь мы сравнялись...

И пошли стычки, в которых ни он, ни я не хотели и не могли порой друг друга понять. Мне, например, казалось, что в этом месте программы должен быть прыжок, иначе тут пустота, а партнер утверждал, что никакого прыжка вставить нельзя, потому что именно в этом месте ему позарез необходимо отдохнуть, три-четыре раза вдохнуть и выдохнуть поглубже...

Есть люди, которые и в горячке могут все логически доказать и обосновать. Леша Уланов — человек нелогичный. Даже, так сказать, непредсказуемый — ни в словах, ни в поступках... У меня тоже вылетает все без разбора, я потом и не помню, что наговорила.

Мне кажется вообще, что парное катание — это прежде всего борьба характеров. Не сочетание, а именно борьба.

Если сочетание, то это уже танцы. Там работа тоньше, она более ювелирна — ближе, может быть, к ежедневному балетному уроку у станка или гаммам на роле.

Вероятно, я не очень разбираюсь в танцах и не то что их не люблю — просто для меня они другой вид спорта. Есть спортивная гимнастика и есть художественная гимнастика. Так, мне кажется, должны разделяться фигурное катание и спортивные танцы на льду. В моем понимании танцы — это когда идешь через реку по мосту, а парное катание — когда через ту же реку, но по перилам моста. И если пройдешь именно по перилам, то удовлетворения испытываешь больше, радости больше, хотя, пока шагаешь по жердочке, может, всю свою жизнь вспомнишь.

Танцы для меня — это в первую очередь Пахомова. Выдающаяся спортсменка, которая создала себя, создала своего партнера и в союзе с выдающимся тренером Чайковской сделала танцы такими, какие они сегодня, — олимпийским видом спорта.

Чайковская, Пахомова и Горшков — это, с моей точки зрения, было идеальное творческое содружество. Не случайно их программы были с каждым годом все совершеннее.

Елена Анатольевна Чайковская — натура неумная, в ней бьется заряд неукротимого, какого-то юношеского озорства, необходимый большому художнику, который не только не думает о том, как принято или не принято писать, рисовать или ставить то или иное, а, наоборот, стремится разрушить каноны, пойти наперекор им. Она мне кажется человеком очень эмоциональным, очень музыкальным. Я не знаю, как они работали над программами, мое мнение может оказаться ошибочным, но, по-моему, сперва Чайковская и Пахомова создавали танец, а потом Пахомова и Горшков доводили его до блеска и до абсолютной надежности.

Именно блеск и именно надежность были свойственны их программам, и если в каком-то месте следовало притопнуть коньком именно так, а не иначе, то ты всегда знаешь, что в ста случаях из ста они топнут так и только так. Отдельные детали их программ могли нравиться или не нравиться, но никто и никогда не мог обвинить их в том, что это недоделано, недошлифовано. Шлифовка сомнений не вызвала.

...Невозможно представить себе, что теперь в автобусе сборной не будут сидеть, как всегда, на переднем сиденье Мила Пахомова и Саша Горшков.

Но, повторяю, в танцах характеры друг к другу пригнаны и даже необходимо, чтобы один был всегда чуть сильнее, а другой чуть слабее. В парном катании характеры партнеров должны быть достойны друг друга, и они сталкиваются каждый раз, на каждой тренировке.

Парное катание — это когда надо каждый раз заставлять друг друга начинать работу и заставлять ее заканчивать. Парное катание — это оба вместе, каждый за себя и каждый за двоих. Я сказала, что характеры должны быть

достойны друг друга и, значит, принадлежать сильным людям. Но оба сразу, оба постоянно не могут быть сильными — это невозможно и даже противостоит природе подобно-го не создаст. Поэтому спортивная пара должна быть таким коллективом, такой командой, где каждый постоянно на чеку, чтобы оказаться сильнее в тот момент, когда другой слабее. Один оступился, другой поддержал, один ошибся — не в ту сторону поехал, другой — тоже, но сознательно, чтобы сохранить синхронность... Один внутренне дрогнул, другой — словом или взглядом — пришел ему на помощь.

Вот это — взаимная страховка во время соревнований и взаимная борьба на тренировках — и есть психологическая особенность парного катания.

В спортивной паре, как и в танцевальной, непременно кто-то ведущий, а кто-то ведомый, но в парном катании эти понятия несколько, что ли, гибче. Вероятно, это связано с тем, что в танцах проявление физических и волевых усилий не столь выражено, там ярче проявление эмоциональности, и порой партнерша с особо броской и артистической манерой именно этим завоевывает успех дуэту, у нас же если ты прыжок сорвала, артистизм тебя не спасет.

Мы и танцоры настраиваемся на соревнования тоже по-разному. Они должны в себе вызвать художественный образ, который предстоит передать, мы же в первую очередь сосредоточиваем внимание на четкой работе: там — прыжок, там — вращение, поддержка...

Потому и идет речь о принципиальной разнице между двумя видами спорта — фигурным катанием (в данном случае парным) и спортивными танцами на льду.

С. ТОКАРЕВ. Переделывать труднее, чем делать наново, шлифовать скучнее, чем, скажем, вытесывать. У меня лично необходимость вновь и вновь утаптывать и укатывать однажды проложенную тропу энтузиазма не вызывает.

Но я видел вчера во время вечерней тренировки, как Роднина раз за разом стремительно скользила по кругу, вращаясь, прыгая и совершая выпады, и Тарасова останавливала ее, они придумывали какие-то маленькие изменения — шажок, что ли, не вправо, а влево, — и снова летала и прыгала по льду Роднина.

То, что постороннему глазу представлялось однообразными повторениями, было для нее, очевидно, последним отрезком пути к цели, которая вот она, рядом: рынок, и дотянешься.

И потому ее лицо то окаменевало, словно в страхе пропустить некое мгновенное внутреннее осечение, то оживало и расцветало, то пылало веселой отвагой, как в детстве, может быть, на качелях.

Все бойчей и затейливей была четка ее коньков, все размашистей «шпагаты» и ту же «волчки».

Какая же страсть сильнее силы влекла ее, вырастая над усталостью? Ведь сила живого тела должна была иссякать, а она прибавлялась, нарушая известные нам законы. Видно, впрямь физическое выражение таинственного понятия «вдохновение» состоит в том, что в известные моменты человек не может устать, ибо дух в нем могущественнее материи.

Сколько ж в тот вечер носилась она и вертелась — не счесть!..

Обычно тренировка завершалась бегом по льду под навязчивый стук метронома. Но на сей раз Тарасова от него Иру освободила. Ира уж чехольчики взяла, облегченно покатила в раздевалку и вдруг затормозила, вернулась с полдороги:

— Тань, а что если туда еще «тулуп» вставить?

...На следующее утро она потирала ноги, ухмыляясь над собой:

— Эх, как я вчера напрыгалась от экстаза...

— Болят? — сочувственно спросила Валерия Васильевна Кохановская, хореограф, которая, двадцать лет протанцевав на сцене Большого театра, хорошо знала, что такое боль перетруженных мышц.

— Болят — не болят, а так... прыжок в «либелу» делать довольно неприятно.

«Либела» не ладилась. В тот момент, когда партнеры докручивали последние обороты и Роднина резко отсчитывала «шесть... семь... восемь!», кто-нибудь из них двоих непременно смеялся в сторону, и потом начиналось выяснение, кто дальше смеется, кто больше виноват.

Тарасова, дав им немножко поспорить, сама устремила на лед, и Зайцев тотчас поспешил: он знал, что ему одному двух женщин ничем не переговорить. «Против лома нет приема», — так это у него называлось.

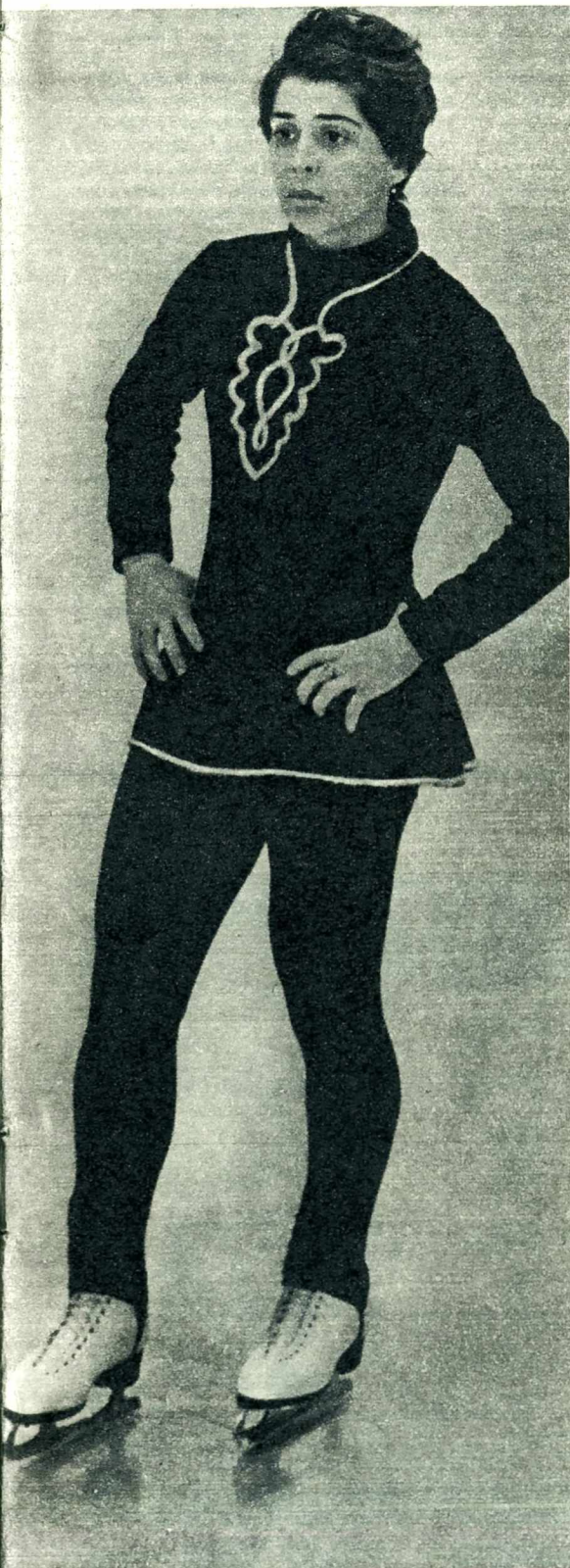
— Придется побегать, — Тарасова втыкает в розетку штепсель электрометронома, ставит стрелочку на «аллегро» и поворачивает мембраной к микрофону. Все тот же тошнотворно знакомый звук бьет по барабанным перепонкам.

Ох, надо видеть Сашину лицо!

Стук... Шорох коньков... Стук... Шорох...

— Толка-айся! — Это Роднина разозлилась. — Не спи!

Продолжение следует.

Предстартовое волнение.

СОЗИДАЮЩАЯ

Ч

еловек жив, пока жива память о нем. В этом простом основании народного сознания воплощена глубокая идея, один из законов бытия человечества в его духовном движении вперед. Память — одно из важнейших орудий создания настоящего и будущего.

Среди вечно живых, наших с вами современников, поистине выдающееся место принадлежит и «великому зодчему» (так называл он сам русских писателей) нашей культуры, нашего национального сознания — Николаю Васильевичу Гоголю, память о котором свято храним мы вот уже 125 лет...

Юрий СЕЛЕЗНЕВ

Имя Гоголя неразрывно, навечно связано для нас с понятием «классика», которое не столь уж давно, в свою очередь, сопрягалось в сознании многих с чем-то законченно холодным, тем, что давно прошло, что изучают в школе, чтоб потом забыть и уж не возвращаться. Мне вспоминается один курьезный случай. Лет 10—12 назад зашел ко мне сосед, молодой тогда человек, инженер по образованию.

— Дал бы чего почитать, — сказал он, оглядывая мои книги.

— Вот возьми, — протянул я ему одну из них.

— Гоголь?! — Он как-то странно взглянул на меня, потом понимающе улыбнулся — дескать, понял шутку, и уже деловито продол-

жал: — Ну, поищи, поищи чего-нибудь поинтереснее...

Не так давно судьба свела нас нечаянно, и он пригласил меня в гости. На его рабочем столе лежал томик Гоголя. Я напомнил ему наш старый диалог. Приятель мой изумился и, кажется, искренне не мог его припомнить.

— Брось, — сказал он, — послушай лучше, — и стал быстро перелистывать книгу. — Вот: «Хочется мне вам сказать, панове, что такое есть наше товарищество. Вы слышали от отцов и дедов, в какой чести у всех была земля наша... Все взяли бусурманы, все пропало. Только остались мы, сырые, да, как вдовица после крепкого мужа, сирая, так же как и мы, земля наша! Вот в какое время подали мы, товарищи, руку на братство! Вот на чем стоит наше товарищество! Нет уж святее товарищества! Отец любит свое дитя, мать любит свое дитя, дитя любит отца и мать. Но это не то, братцы: любит и зверь свое дитя. Но породниться родством по душе, а не по крови, может один только человек...»

Все это мы когда-то проходили в школе, учили наизусть. Учили, да и забыли. Отчего же теперь возвращается наша память к забытым словам, отчего волнуют они и сегодня сердце человека конца XX века, эпохи, столь непохожей на те далекие времена, когда писал Гоголь

своего Тараса? Такова уж неумирающая сила слова истинных писателей.

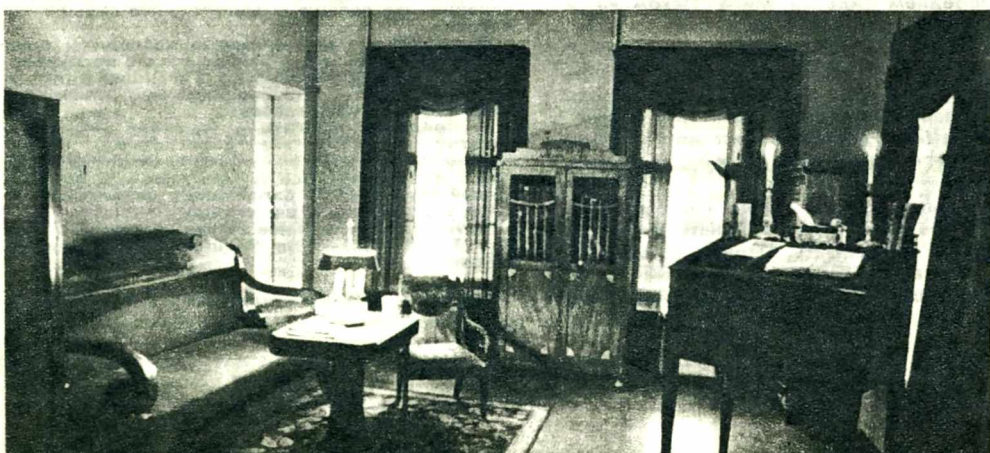
А голос читающего срывался, но он, видимо, не замечал этого и читал уже и не мне, кажется, а себе, читал, как читают послание от друга. И вспомнились слова Гоголя из его письма Жуковскому: «Такие открываются тайны, которых не слышала дотоль душа...» Гоголь знал цену возносящей силы лиризма своего слова и верил, что «пройдет эта речь уже насквозь всю душу и не упадет на бесплодную землю». Меня не удивила эта взволнованность современника словом Гоголя, словом, которому уже более полутора столетий. Скорее увиделось в этом нечто закономерное, связанное с глубинными процессами, происходящими в сознании нашем. Невыважное, поистине всенародное возрождение в наши дни интереса к классике и, конечно, к творчеству Гоголя, — явление замечательное, далеко еще не осмысленное и не оцененное нами вполне. А Гоголь тем временем продолжал говорить с нами «через века»:

«Нет, братцы, так любить, как русская душа, — любить не то чтобы умом или чем другим, а всем, чем дал бог, что ни есть в тебе, а... — сказал Тарас, и махнул рукой, и потряс седою головою, и усом моргнул, и сказал: — Нет, так любить никто не может!..»

Но у последнего подлюки, ка-

Фото М. САВИНА

ПАМЯТЬ

ков он ни есть... есть и у того, братцы, крупница русского чувства. И проснется оно когда-нибудь, и ударится он, горемычный, об полы руками, схватит себя за голову, проклявши громко подлую жизнь свою, готовый муками искупить позорное дело. Пусть же знают они все, что такое значит в Русской земле товарищество! Уж если на то пошло, чтобы умирать,— так никому ж из них не доведется так умирать!.. Не хватит у них на то мышинной натуры их!»

Гений Гоголя был пробужден к жизни эпохой Отечественной войны 1812 года. Великий патриот земли русской признавался: «Нет меры любви моей к ней»; а отсюда и главный вопрос его к себе: «Как вследствие тех способностей, какие у меня есть, я могу быть нужен и полезен России?»

Имя Гоголя со школьной скамьи связано в нашем сознании с понятием «сатирик» («смех сквозь слезы», «бичующий смех» и т. д. и т. п.), а весь реализм XIX века вошел в историю нашей культуры с эпитетом «критический». Эта сторона нашей литературы слишком хорошо известна. Думается, настало время всерьез осмыслить и другую, главную создающую силу слова русских классиков, в том числе и возрождающего «смеха» Гоголя.

«Смех значительней и глубже, чем думают,— писал он сам.— Не тот смех, который порождается

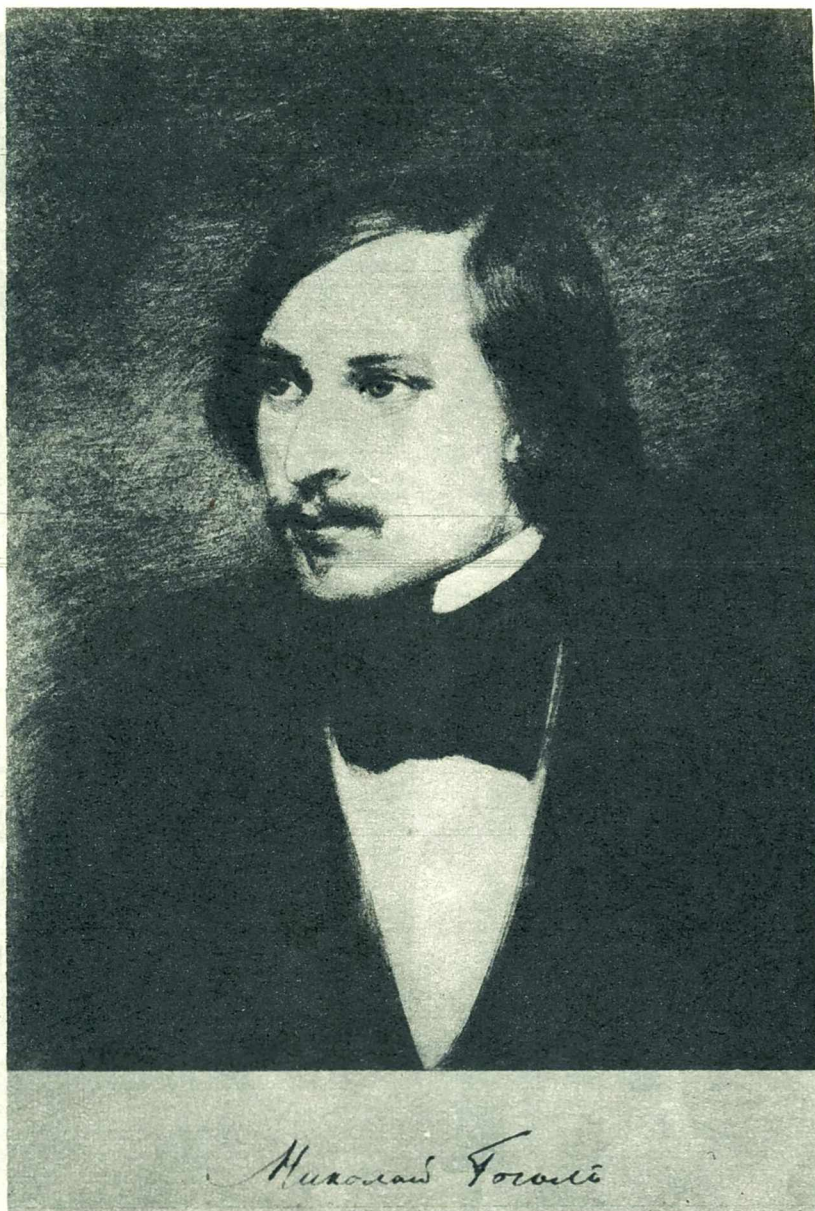
временной раздражительностью, желчным, болезненным расположением характера; не тот также легкий смех, служащий для праздного развлечения и забавы людей,— но тот смех, который весь излетает из светлой природы человека, излетает из нее потому, что на дне ее заключен вечно бьющий родник его...»

Какой бы критике, какому бы бичеванию ни подвергали русские писатели определенные стороны своей действительности — главной их целью всегда была правда, а в голом отрицательстве, как мы знаем, правды нет. Правда — в созидании, в творчестве, оттого-то и писателей у нас не случайно называют творцами.

«Реализм в искусстве, — писал Пришвин, — это есть, иначе говоря, путь к правде... Реализм — это, вернее всего, русская школа, тождественная с общим устремлением истории нашей морали в ее движении к правде... Недаром же о Гоголе некоторые говорят, будто всех людей своих он выдумал и заставил всех нас в них поверить. Но есть какая-то истина в этом движении русского искусства к осуществлению правды, что-то вроде решения богов: «Сотворим человека!» И человек был сотворен».

Гоголь прекрасно сознавал высокое и ответственное назначение художественного творчества.

«Другие дела наступают для поэзии, — писал он. — Как во время

НА СТАРОМ НИКИТСКОМ БУЛЬВАРЕ...

**«ТЕПЕРЬ Я ВАШ;
МОСКВА МНЕ РОДИНА...»**

Из письма Н. В. Гоголя С. Т. Аксакову

Гоголь — имя в русской литературе, стоящее сразу после Пушкина. Он прожил мучительную, странную, неустроенную жизнь и не был в ней понят до конца даже близкими друзьями своими. Быть может, и самим собой. Время продолжает судить до сих пор, и место Гоголя в культуре с каждым десятилетием будет определяться все ярче. Ведь искусство и литература в сегодняшнем мире связаны с его именем более, чем может казаться.

Жизнь Гоголя среди людей совпала с тридцатилетием николаевского царствования — это

определило его тему, художественный метод, наконец, новаторство. Это повлияло на то, как сложилась его личная, человеческая судьба. У Гоголя не было семьи, а стало быть, не было и дома. Он прожил, переезжая из Петербурга в Васильевку, из Васильевки в Одессу, из Одессы в Рим. Но было на земле место, куда его всегда тянуло и куда он всегда возвращался. Этим местом была Москва. В Москве Гоголь умер.

У бессмертных художников, у тех, чей дух живет и развивается в оставленных ими линиях, красках, звуках, объемах, словах, дол же н быть свой д о м. Должен быть для того, чтобы к нему, живущему сегодня и помогающему жить другим, можно было прийти, ощутить его плоть, цвет и оттенки, запахи и звуки, словом, все то, что ощущает человек от общения. Чтобы прийти и поклониться с благодарностью. Как мы приходим на Мойку к

Пушкину или приезжаем в Ясную Поляну к Толстому. Это естественно для человека. И сам Гоголь написал однажды в письме к другу: «Мы движемся благодарностью к поэту, подарившему нам наслаждения души своими произведениями; мы спешим принести ему дань уважения; спешим посетить его могилу, и никто не удивляется такому поступку, чувствуя, что стоит уважения и самый великий прах его».

...

Середина прошлого века. Москва, Никитский бульвар, почти полностью отстроенный после пожара 1812 года. Еще не осознанная прелесть московского ампира. Желтые фасады, белые колонны, старые сады, городские усадьбы. По бульвару можно пройти пешком. Вот дом сенатора Яковлева, вот церковь Большого Вознесения, а вот почти у Арбата, особняк Талызиной, который снимает граф А. П. Толстой. Кованая изгородь, фасад за ней, во дво-

младенчества служила она к тому, чтобы вызывать на битву народы... так придется ей теперь вызывать на другую, высшую битву человека — на битву уже не за временную нашу свободу, права и привилегии наши, но за нашу душу... Много предстоит теперь для поэзии — возвращать в общество того, что есть истинно прекрасного и что изгнано из него нынешнею бессмысленною жизнью».

Да, Гоголь бичевал эту «бессмысленную жизнь», но во имя жизни осмысленной он отрицал не Россию, но то, что мешает ее движению, полету «необгонимой птицы-тройки». Он не сводил понятие «Россия» к понятию «официальная Россия». Его патриотизм

никогда не был «казенным», «мундирным». Гоголь умел глядеть вперед. Он верил в Россию. И этой своей верой он продолжает оставаться нашим великим современником.

Процесс творческого осознания духовного наследия отечественной классики сегодня, как мы знаем, происходит в неразрывной связи с условиями современной, яростной, хотя порою и скрытой, завуалированной, а потому и более коварной борьбы идей. Классика, и прежде всего русская, все более и более вовлекается в сферу этой борьбы, она становится объектом ее и полем. Формы этой борьбы разнообразны, однако отличительной чертой идеологических установок антисоветской

деятельности (и прежде всего сионизма) становится открытая русофобия, которая проявляется, в частности, и в разного рода попытках ревизии, очернительства нашей национальной истории, нашего культурного наследия от «Слова о полку Игореве» и до «Тихого Дона», замалчивания или превратного толкования творчества современных советских писателей, дискредитации их поисков и устремлений.

«Пушкин... сказал, — напоминает нам и сегодня Гоголь, — «слова поэта суть уже его дела». Пушкин прав. Поэт на попрание слова должен быть так же безукоризнен, как и всякий другой на своем поприще... Обращаться с словом нужно честно...»

И потому слово русской классики становится ныне особенно весомо. Рожденное из глубин народного духа, оно и само теперь как бы незримо наполняет своей духовностью сознание современного человека, дает ему истинно высокие критерии и в осознании ценностей сегодняшнего дня.

Книги таких писателей, как Гоголь, были и остаются мощным, долговременным оружием в «борьбе за душу», за истинно человеческое сознание, соответствующее задачам и целям нашего общества.

Да, человек жив, пока жива память о нем.

ре, под прямым углом к улице. Там парадный подъезд с высокими сенями. По правую руку после входа — дверь. За ней первая комната. Под ногами зеленый ковер, по стенам два красного дерева дивана, большой стол, прямо — камин, заставленный шитым экраном, еще один стол, на нем горы книги в полукожаных тисненых переплетах, дверь в другую комнату. Это кабинет. Деревянные ширмы, за ними кровать, к стене — диван, почти глухие книжные шкафы. Высокая, крытая сукном конторка завалена листами мелко исписанной и перемаранной бумаги, медная свечная лампа с красным щитом-абакжуром и обломанные перья. И солнечные блики. А окна в листву Никитского бульвара. И тишина во всем флигеле необыкновенная. Только мерный ход старых английских часов. И бесконечные прогулки по длинной комнате — из угла в угол. И катание хлебных шариков. И работа.

Гоголь сказал однажды кому-то из знакомых: «Да! как странно устроен человек: дай ему все, чего он хочет, для полного удобства жизни и занятий, тут-то он и не станет ничего делать; тут-то и не пойдет работа!» И потом, помолчавши немного: «Со мною был такой случай: ехал я раз между городками Джессано и Альбано, в июле месяце. Среди дороги, на бугре, стоит жалкий трактир, с бильярдом в главной комнате, где вечно гремят шары и слышится разговор на разных языках. Все проезжающие мимо непременно тут останавливаются, особенно в жар. Остановился и я. В то время я писал первый том «Мертвых душ» и эта тетрадь со мною не расставалась. Не знаю почему, именно в ту минуту, когда я вошел в этот трактир, захотелось мне писать. Я велел дать столики, уселся в угол, достал портфель и под гром катаемых шаров, при невероятном шуме, беготне прислуги, в дыму, в душной атмосфере, забываясь удивительным сном и написал целую главу, не сходя с места. Я считаю эти строки одними из самых вдохновенных. Я редко писал с таким одушевлением. А вот теперь никто кругом меня не стучит, и не жарко, и не дымно...»

В апреле 1848 года Гоголь из-за границы вернулся в Россию, а осенью приехал в Мо-

скову. Неизвестно, где и как он будет жить. Надолго поселиться, как это бывало прежде, у историка и журналиста Михаила Петровича Погодина уже невозможно. Понимания между старыми приятелями больше не существует.

Первые упоминания о знакомстве Гоголя с графом А. П. Толстым относятся к началу сороковых годов. Губернатор Одессы принимал у себя писателя на литературных вечерах. Они сходятся близко. Теперь семья Толстых в Москве. Граф вышел в отставку, вернулся в Москву и нанял дом Талызиной на Никитском бульваре. Дом чудесный, простой и свободный, в нем два этажа: каменный низ, уцелевший от большого пожара, добротный, сработанный еще в XVIII веке и восстановленный деревянный верх. Гоголь был приглашен в этот дом в гости, на постоянное житье. Приглашение принимается незамедлительно. Переезд скорый. Последний переезд, на четыре последних года. Достаются Гоголю две комнаты внизу: приемная с отдельным входом из парадных сеней и угловой рабочий кабинет. Вот что об этом вспоминает знакомый Гоголю поэт, переводчик и журналист Николай Васильевич Берг: «Здесь за Гоголем ухаживали как за ребенком, предоставив ему полную свободу во всем. Он не заботился ровно ни о чем. Обед, завтрак, чай, ужин подавались там, где он прикажет. Белье его мылось и укладывалось в комоды невидимыми духами, если только не надевалось на него тоже невидимыми духами...»

Итак, можно закрыться у себя и сочинять, можно декламировать вслух, можно, одевшись, выйти на любимый Никитский бульвар, не замеченным никем, кроме швейцара. Можно принимать друзей: Тургенева, Щепкина, Садовского, Аксакова. Можно, но...

Работа над вторым томом «Мертвых душ» продвигалась трудно. Внутренняя драма Гоголя уже достигла, видимо, своей кульминации. В ночь с 11 на 12 февраля 1852 года брошена в камин рукопись «Мертвых душ», а через десять дней не стало и ее автора. Ни денег, ни ценностей после смерти писателя не обнаружили — лишь исписанные, исчерканные листы бумаги.

Его наследство бесценно.

Сегодня от Пушкинской площади до Арбата можно доехать на троллейбусе. Это три коротких остановки. Но я всегда, если даже дела, иду пешком. Вот дом сенатора Яковлева, здесь жил Герцен; а вот церковь Большого Вознесения, венчавшая Пушкина с Натальей Николаевной; дом Риччи, сестры Михаила Лунина; а здесь умер Гоголь. Это наша Москва.

Со временем печальный дом менял владельцев и свой облик. В семидесятые годы прошлого века второй этаж стал каменным, потом перестроили комнаты, переложили печи. Теперь многое восстановлено: фасад, сени с

колоннами, комнаты, где жил Гоголь. В этом доме библиотека. Фонд — 160 тысяч книг. Читателей — более 16 тысяч. Направо от входа дверь с табличкой: «Комнаты Гоголя». Они возродились три года назад, вернее, возрождаются и до сих пор. Они обживаются и заполняются вещами так, как обживаются и заполняются вещами дом. Они становятся такими же, какими были тогда, больше ста лет назад: красного дерева диван с гнутой спинкой, медная свечная лампа, высокая конторка, книги.

Многие люди приносят вещи, связанные с именем Гоголя, в дар мемориалу. В дар ли? Мне кажется, ими движет естественная потребность и право вернуть вещи в их дом. В дом, куда они будут ходить. Фаянсовую чернильницу передал художник Э. Белютин. Она из Кибице, где часто бывал Гоголь и его мать. Инженер Н. Величко принес старые гравюры, книги XIX века с иллюстрациями к гоголевским произведениям, ковер, очень похожий на тот, что лежал в кабинете писателя. Много предметов подарили коллекционер О. Сваричовская и искусствовед В. Ермаков. Уже приобретены у букинистов прижизненные издания «Ревизора» и «Сто рисунков из сочинений Гоголя «Мертвые души» художника А. Агина и гравера Б. Бернадского, некоторые журналы и книги, которые были с Гоголем всегда.

Возродились и гоголевские чтения.

Г. П. Данилевский записал в своих воспоминаниях: «...Вышедший на мой звонок слуга объявил, что О. С. Аксакова очень извиняется, так как по нездоровью не может меня принять, а просит, от имени Сергея Тимофеевича и Ивана Сергеевича, пожаловать к Гоголю, куда они оба только что уехали и куда, по желанию Гоголя, они приглашают и меня. «Что же там?» — спросил я слугу. «Чтение какое-то». Я вспомнил слова Шевырева о предположенном чтении «Ревизора» и, от души обрадовавшись случаю не только снова увидеть Гоголя, но и услышать его чтение, поспешил на Никитский бульвар».

Передо мной программа: «Гоголевские среды». Сезон 1976—1977 гг. Цикл сценических рассказов. Ведущая кандидат искусствоведения Н. М. Молева. Исполнители: артисты Малого театра СССР Е. Гоголева, М. Овчинникова, В. Ткаченко, В. Светлова, Б. Клюев, П. Садовский. Рассказ первый. Москва, год 1832. Рассказ второй. Москва, год 1835...

В доме Гоголя, как и прежде, читают «Ревизора».

У директора городской библиотеки № 2 Е. А. Хрущевой, ее заместительницы М. П. Ставевич и старшего библиотекаря Г. М. Буровой много дел. Большая библиотека, читатели, организация «Гоголевских сред», формирование фонда прижизненных изданий Гоголя и литераторов его времени, постоянные поиски предметов обстановки комнат. Мог бы помочь Государственный Исторический музей. «Но здесь свои проблемы», — говорит Е. А. Хрущева. — Я их понимаю, они берегут свои фонды, быть может, и правильно делают, ведь это музей, а мы только мемориал...»

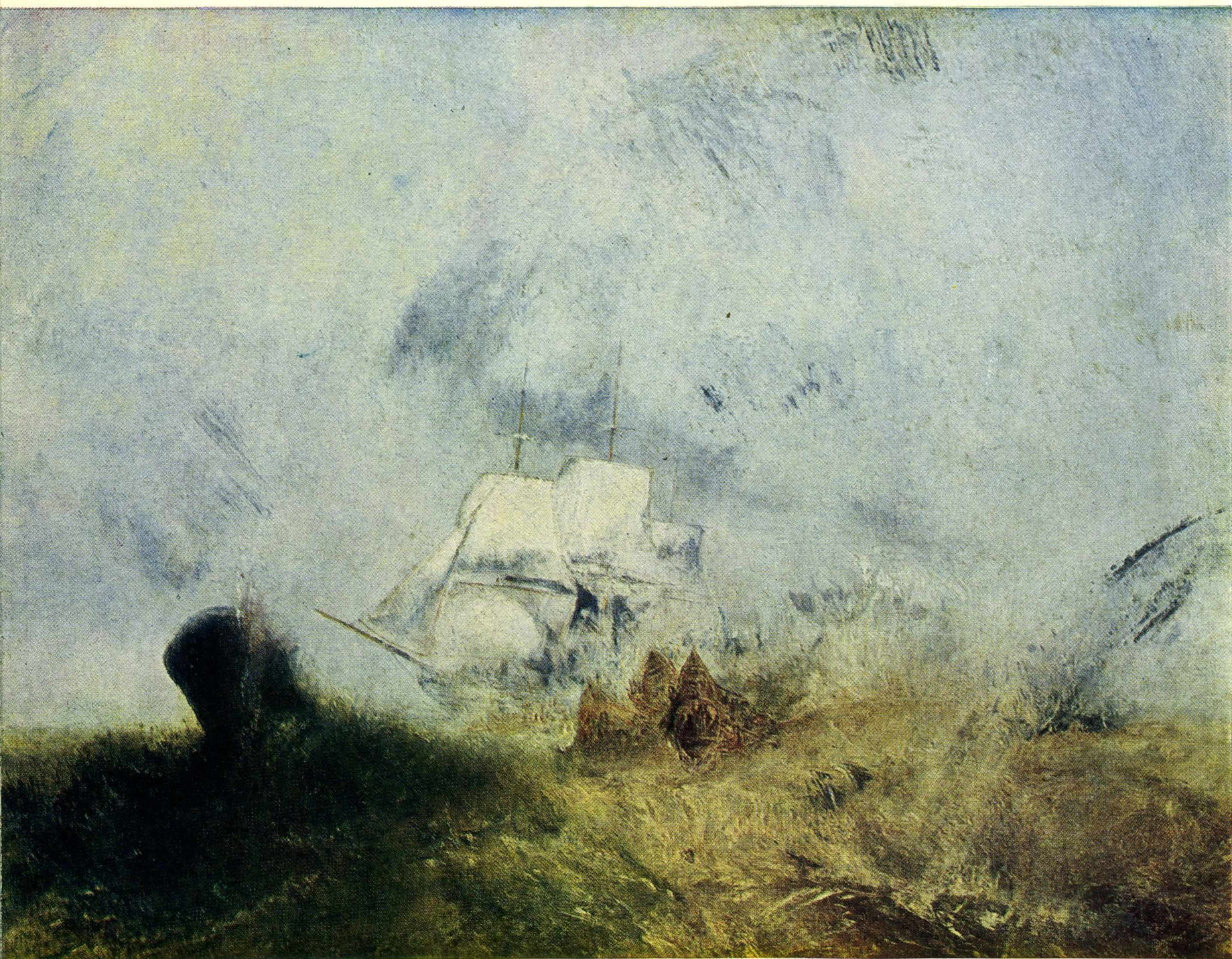
Хочется думать, что все-таки Исторический музей поможет. Потому что это проблемы не только музейные. Это проблемы общенародные, государственные.

Александр БАСМАНОВ

Камиль Писсарро. 1830—1903. ПЛОЩАДЬ ФРАНЦУЗСКОГО ТЕАТРА В ПАРИЖЕ. 1898.

Музей изобразительных искусств, Лос-Анджелес.

Джозеф Мэллорд Уильям Тернер. 1775—1851. КИТОБОЙНОЕ СУДНО. Незадолго до 1845.

Музей Метрополитен, Нью-Йорк.

ПОВЕСТЬ

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

С

Мишей Фастов встретился в день прибытия, не заходя к себе домой. Тем, что он принес только две тысячи пятьсот, а не три девятьсот, как ожидалось, Миша не огорчился.

Придя домой, Фастов узнал новость: Валентина поступила на работу. Когда они только познакомились, она работала хирургической сестрой в больнице, а до этого окончила медицинское училище. Между прочим, отпустили ее тогда с большой неохотой. Теперь она вернулась на старое место. Фастов взорвался: «А что будет с сыном?» Она спокойно сказала: «Ничего, как-нибудь. В школу я его отвожу, из школы привожу. Одному сидеть приходится лишь два часа. Он мальчик умный». Шуметь дальше было бесполезно, и Фастов махнул рукой.

Друг позвонил ему только через неделю — вероятно, куда-то уезжал. Сколько процентов прибыли в этой операции получил Миша, неизвестно, но Фастову он вручил шесть с половиной тысяч.

— Идем, положишь на книжку, потом обмоем, — сказал Миша.

— Ну ее к черту, книжку. Откуда у меня сразу такая сумма, если кому захочется проверить?

— Ты что, правда псих или прикидываешься? Кто это имеет право проверять книжки?

Миша говорил верно, но Фастов за последний рейс так изнервничался, что чувствовал себя не совсем нормальным. Ему противно было ощущать в карманах эти засаленные пятерки, десятки, четвертные. Да, правильно говорит Миша, надо положить на книжку: где такую сумму дома спрячешь?

Они отправились в сберкасса, Фастов открыл новую книжку — на предъявителя, как посоветовал Миша, — и положил шесть тысяч, а пятьсот рублей оставил на расходы. Миша позвонил Тане Черной, велел взять Наташу, и они закатились в аэропорт. Пили много, а потом Миша предложил немедленно махнуть самолетом в Сочи. «Погреемся, — сказал он. — Там сейчас тепло» (было двадцатое апреля). Наташа заколебалась: «Мне завтра на работу». «И мне», — сказала Таня. «Ай ерунда, я вам бюллетени достану». И Миша пошел узнать начисление самолета. Вернулся расстроенный: «Только утром. Ну, в следующий раз». И опять Фастов дома не ночевал — Наташа увезла его к какой-то своей подружке.

После этого Валентина разговаривала с ним исключительно по поводу еды и ни о чем ином. Она поставила только одно условие: чтобы он не показывался пьяным на глаза Косте. «Может, мне совсем уйти?» — зло спросил он. «Как знаешь», — и больше ни слова.

Это и бесило Фастова. Хоть бы накричала, пощечину дала. Раз ей все так безразлично, значит, кто он ей? Никто. Значит, и вся прежняя любовь — притворство?

Оставаясь по утрам один в квартире — до

того, как идти за Костей в школу, — Фастов день за днем перебирал все восемь лет их жизни, придирчиво выискивая признаки неискренности или расчета со стороны Валентины. И не находил ничего. И знал, что не найдет. Ему хотелось подравнять ее под себя, чтобы не так мучила совесть, но ничего не получалось. Он знал, что любил ее. Ни одна тень никогда на нее не пала. Была бы тень, так бы не любил, уж в себе-то он разбирался. Он не то что их судовой врач. У того жена два раза подряд неизвестно откуда являлась домой в час ночи, а он, размазня, все ей прощал. Нет, Фастов бы не простил... И все же были моменты, когда у него возникала дикая мысль: пришла бы Валя часа в два ночи со сладким запахом вина от губ — все бы у них образовалось, все бы разбитые чашки склеились...

Но он тут же в ужасе гнал эти поганые мысли и решал завтра же порвать с Мишей. Вскрывал, доставал из тайника, сделанного им в тахте, сберегательную книжку на предъявителя, чтобы изорвать ее в мелкие клочки, и... прятал обратно. А потом шел в школу за Костей — единственной своей отрадой.

Самое прискорбное состояло в том, что Валентина, мучаясь гораздо больше мужа, не хотела перед ним этого обнаружить. Может быть, ее так воспитала мать: никогда, мол, не показывай мужчине, что страдаешь. Наверное, у нее именно это называлось женской гордостью.

Порою Валентина едва сдерживала себя, чтобы не упасть Юре в ноги, обнять за колени и умолять: зачем губишь себя, очнись, ты же хороший, я тебя люблю, смотри, какой у

Миша сузил глаза.

— Не тебе судить, по какому я хожу.

Что-то вскипело в Фастове. Неожиданно для себя он встал, отшвырнул ногой тяжелый стул с зеленой кожаной обивкой, опять же стеганой. По всем правилам он должен был закричать, но он заговорил шепотом, и это было намного страшнее.

— Ты мне надоел, ты грязный павиан...

Миша нервно хохотнул:

— Скажите, какой невинный птенчик.

— Молчи! — уже в полный голос, словно через мегафон, загремел Фастов. — Ты и меня хочешь обезьяной сделать? Я не птенчик, я гад последний, что с тобой связался. — Он пошел к выходу. — Счастливого оставаться.

— Ты в истерике не наделяй глупостей. Когда грешник раскаивается, это опасно для окружающих.

— Дрожишь? — усмехнулся Фастов.

— С психопатами начинаешь чувствовать себя как-то неуютно.

— Не дрожи, в милицию не пойду. А книжечку я тебе по почте пришлю. — И хлопнул дверью.

Впервые за последние полгода Фастов видел высокое небо над головой, видел солнце и веселые лица людей. Слово все эти полгода ходил, низко согнувшись, а сейчас выпрямился.

Для того, чтобы раз и навсегда объясниться с женой и наладить прежнюю жизнь, у него было мало времени, и он отложил решающий разговор до возвращения из рейса.

И, может быть, его судьба повернулась бы совсем иначе, не поддайся он старой привычке

Знакомый почерк

нас сын, давай вернем прежнюю жизнь. И он бы, скорее всего, и Мишу бросил и сберегательную книжку порвал. Но эта проклятая так называемая женская гордость мешала Валентине сказать самые простые бабьи слова. И все катилось само собой неизвестно куда, неуправляемо, если не считать, что Фастовым управлял Миша.

За несколько дней до очередного рейса Фастов встретился с Мишей у него на квартире — жена Мишина опять была в отъезде. Пить Фастов отказался, Миша не упрямился, так как им предстоял деловой разговор.

— Как думаешь, возьмут они десять тысяч? — спросил Миша.

— Соображай, что мелешь. Я-то как буду туда-сюда с такими охалками ходить? Или инкассаторскую сумку дашь? Ты, брат, наглеешь. Потому что по сухому ходишь.

ке заходить к Фреду, чтобы выпить рюмку джина. Никаких денег у него с собой не было, только несколько гульденов, и он думал так: загляну в последний раз, предупрежу Фреда, что больше не будет обменов. Все-таки Фред относится к нему, как к другу...

Фред, полагая, видимо, что Фастов снова прибыл с крупной суммой, пригласил его в контору.

— Не надо, Фред, нет необходимости.

— Вы ничего не привезли?

— И не привезу. Хватит.

— Что случилось?

— Ни к чему все это. Переставь спокойно спать.

Фред поглядел на него отчужденно, как бы издали.

— Простите, кажется, звонят. — И с бутылкой в руке он выбежал в дверь за стойкой.

Но телефон не звонил. Фреду самому нужно было позвонить. Он набрал номер и сказал в трубку:

— Альбатрос пришел, но пустой. С ним что-то произошло. Дать?

— Дать,— был ответ.— И дальше все по плану.

Положив трубку, Фред выбрал из связки ключей, висевших у него на поясе, маленький медный ключ, отпер верхний ящик в правой тумбе стола, взял круглую металлическую коробку, а из коробки пакетик с белым порошком. Высыпав порошок в бутылку, он взболтал ее содержимое, посмотрел на свет — порошок растворился бесследно. Убрав коробку и заперев стол, Фред вернулся за стойку. Фастов ждал его, чтобы проститься.

— Налить еще?— предложил Фред.

— Ну что ж, как у нас говорят, разгонную.

Изумрудно-зеленая жидкость наполнила стаканчик с толстым дном. Фастов одним глотком выпил ее. Посмотрел на часы — было четырнадцать московского. «Альбатрос» уходил в шестнадцать. Фастов протянул Фреду руку через стойку и вдруг качнулся. Слово пол, как палуба при качке, ушел у него из-под ног. Нелепо взмахнув руками, он грохнулся со всего маху лицом вниз. Фуражка покатила под столик, за которым сидели два молодых человека — единственные посетители.

— Что с ним?— довольно безучастно спросил один из них у Фреда.

— Напился.

— Это русский?

— Да.

— Рано же он набрался.

В руках у Фреда был фотоаппарат.

— Оттащите его в угол, пожалуйста,— попросил он клиентов. И пока они волокли Фастова, приподняв за руки, в дальний угол зала, Фред сделал несколько снимков. Лицо у Фастова было в крови.

Через пять минут напротив бара остановилась санитарная машина, из нее вышли два рослых парня, похожих друг на друга, как родные братья. Открыв широкую заднюю дверь, они извлекли носилки, вошли в бар, Фред кивком показал им в угол, они положили Фастова на носилки, и через минуту машина уехала...

Очнулся Фастов в комнате, похожей на больничную палату. Голова не болела, но была мутная. Он лежал в постели, раздетый до нижнего белья, под розовым одеялом.

В комнате было два окна. Посмотрев на них, он увидел, что оба забраны черными фигурными решетками. Судя по тому, что на уровне окон покачивались верхушки деревьев, комната находилась не ниже чем на третьем этаже. Уже вечерело. Тишина стояла такая, что у Фастова зазвенело в ушах. Странное оцепенение владело им, трудно было даже пошевелить пальцем. Но вдруг эту дремоту пронзило острое сознание, что произошло неоправимое, и он рывком вскочил с постели. И, не удержавшись на ногах, ткнулся в стоявшее напротив кресло. Потом, едва выдерживая равновесие, пошатнулся и сел на кровать. Ему стало страшно, он закричал:

— Есть здесь кто-нибудь?

В стене у него над головой что-то щелкнуло, и басовитый голос сказал по-русски:

— Одну минуту.— И снова щелкнуло.

Минута еще не прошла, когда дверь отперли с той стороны, и на пороге появился высокий пожилой человек благообразной внешности, с проседью в густых темных волосах. Стекла очков без оправы. Его можно было принять за врача.

— Как мы себя чувствуем?— басовитый голос был полон доброжелательности.

— Где я? Что все это значит? Сколько сейчас времени?— нервно заговорил Фастов.

Пожилой человек опустился в кресло.

— Отвечу по порядку. Вы у меня в гостях. Вы были очень пьяны и нуждались в медицинской помощи. Вам ее оказали. Что касается

времени, то по местному сейчас пять часов пополудни, а по московскому девятнадцать.

Фастов застонал, и пожилой человек поспешил его успокоить:

— Но ваш корабль еще не ушел. Вас ждут и ищут.

— Где моя одежда?

— Все здесь, не волнуйтесь, товарищ Фастов, или товарищ Альбатрос, как вы предпочитаете. Моя фамилия Скеенс. Мне о вас много рассказывал бармен Фред.

— Это издевательство какое-то. Дайте мне одежду.

— Одну минуту.— Скеенс встал, открыл дверь. За дверью кто-то ждал его распоряжений.

Шепнув что-то, Скеенс вернулся, снова сел в кресло.

— Сейчас принесут. Мы должны были отдать ваши вещи в чистку, все оказалось грязное. Вы ведь упали, разбили нос. Но теперь все в порядке. Вам не о чем беспокоиться.

— Это провокация!

— Успокойтесь, вот несут ваш костюм.

Вошли те двое, что увозили Фастова из бара. Один принес костюм и ботинки Фастова, второй передал Скеенсу голубую хлорвиниловую папку. И оба тут же покинули комнату.

Пока Фастов одевался и обувался, а потом трясущимися руками застегивал ремешок часов, обнаруженных им в кармане кителя, Скеенс рассматривал фотографии, которые одну за другой доставал из папки.

— Ну, вот, а теперь садитесь к столу, и поговорим спокойно,— сказал Скеенс.

Фастов сел. Скеенс положил перед ним папку.

— Посмотрите это.

Фотокарточек было штук пятнадцать. Фастов перебрал их одну за другой, и руки у него дрожали все сильнее. Вот его, бесчувственно, несут какие-то молодые люди между столиками бара. Вот другие двое кладут его на носилки. Вот он сидит в конторе Фреда рядом с Гутманом. Вот Фред протягивает ему пачку пятидесятидолларовых бумажек, причем снимки настолько отчетливые, и бумажки так повернуты к фотообъективу, что достоинство банкнот видно очень хорошо. Где-то, значит, была скрыта фотокамера...

— Это отпечатано с киноплёнки,— словно читая его мысли, объяснил, Скеенс и улыбнулся.— Сейчас у меня нет проектора, но если захотите, мы можем устроить просмотр.

«Или энтэзсы, или разведка,— мелькнуло в голове у Фастова.— Будут вербовать». Так гадко ему никогда еще не было. Если бы кто-нибудь мог вложить ему в руки пистолет, он бы убил себя, не задумываясь.

— Ни вам, ни нам не следует терять времени,— сказал Скеенс, складывая карточки в папку.— Я предложу вам один вариант, и, если он вас устроит, приступим к исполнению.

Фастов молчал, он не мог выдать из себя ни слова. Да и что было говорить?

— Так вот,— после паузы продолжал Скеенс,— дела ваши очень неважны. Я не буду вербовать вас в шпионы, но попрошу услугу за услугу.

Этот проклятый Скеенс, кажется, читал в его душе, как в открытой книге.

— О каких услугах речь?— хрипло спросил Фастов.

— Вас ведь не похвалит ваше начальство за такое опоздание на корабль, правда?

— Не похвалит.

— Уже этого достаточно, чтобы иметь очень крупные неприятности и вам и вашему капитану. А если у вас на родине станет известно обо всем остальном, что тогда? Тюрьма?

— Может быть, и тюрьма.

— Так, но у меня есть одно предложение, и, если вы согласитесь, все будет как нельзя лучше.

— Говорите.

— Повторю: я не вербую вас в агенты. Вернее, вы станете агентом, но моим личным.

— Кто же вы такой?

— Просто бизнесмен, делец. Моя специальность — валютные спекуляции. Почти как у вас.

Он еще и шутит! Фастов при последних словах почувствовал облегчение. Может, его и действительно не вербуют в шпионы? Может, все не так уж и страшно? Любой вариант взамен того, который делает человека предателем, казался ему если и не желанным, то неизбежным в его теперешнем положении и спасительным. Он спросил:

— Что я должен сделать?

— Я дам вам, ну, скажем, для начала килограмм золота. Вы привезете, скажем, пять тысяч рублей. Сколько вы получите за его реализацию, меня не интересует. Разницу возьмете себе. Золото будет самой высшей пробы. И провезти килограмм не так уж трудно. Что такое килограмм чистого золота? Маленькая коробка спичек. Кстати, оно и будет замаскировано под спички. Не вижу причин отказываться от такого обоим выгодного соглашения.

Фастов тяжело опустил голову.

— Я прижат к стенке.

— Что вас смущает? Таможенный досмотр?

— Нет.

Для Фастова досмотр давно стал чистой формальностью. Его не проверяли, потому что никому не могла прийти мысль, что Фастов занимается контрабандой.

— А что же?

— Сбыт.

— Ну-у,— воскликнул Скеенс,— надо совсем немножко инициативы, и спрос найдется. В крайнем случае сообщу вам один московский адрес, и вас сведут с нужными людьми.

— Москва от меня далеко. Попробую что-нибудь сообразить.

— Ну и отлично.

— Что мне делать сегодня, сейчас? Что я скажу на корабле?

Тоска была на душе у Фастова.

Скеенс похлопал его по колену.

— Как вас зовут?

— Юрий Георгиевич.

— Так вот, дорогой Юрий Георгиевич, я обо всем позаботился. Поскучайте полчаса, я скоро вернусь.— И он ушел, очень довольный и веселый, оставив Фастова нервничать в одиночестве. Дверь за ним заперли на два оборота. Фастов был под стражей.

Скеенс вернулся с кипой вечерних газет. — Тут имеется одно любопытное сообщение. Оно касается вас.

Фастов ничего не понимал. Скеенс развернул одну газету, ногтем отчеркнул на первой полосе небольшую заметку, набранную мелким шрифтом, и спросил:

— По-голландски не понимаете?

— Нет.

— Тут напечатано, что русский моряк Фастов, возвращаясь в час дня на свой пароход, оказался невольным свидетелем ограбления ювелирного магазина... Между прочим, того самого, где вы покупали кольцо.— Скеенс помолчал, чтобы дать Фастову как следует почувствовать всю глубину его, Скеенса, осведомленности и всеисильности.— Русский моряк смело вступил в борьбу с грабителями и помог задержать одного из них. Городская полиция выражает русскому моряку горячую благодарность и сожалеет, что ему пришлось немного самому пострадать, а главное, задержать свой пароход. Кажется, недурно? К тому же правдоподобно.

— Противный быть не может.

— Другого выхода нет.

— Газету могу взять с собой?

— Как раз этого делать нельзя. Мы позаботились, чтобы ваши товарищи ознакомились с ней прежде вас.

— Что дальше?

— Полицейская машина отвезет вас в порт, а потом вам придется немного проявить ваши артистические способности...

Затем Скеенс дал ему спичечный коробок, неизмеримо тяжелый.

— Положите в карман.

Фастов не сказал ничего, вышел молча следом за провожатым — рослым молодым человеком. Насколько он сумел заметить, его держали не в больнице. Это была большая квартира с длинным коридором и множеством выходящих в него дверей. Спустились на лифте.

Внизу его ждала полицейская машина. Оказывается, дом был недалеко от порта. Ему предложили сесть рядом с водителем. Сзади поместился толстый полицейский. Через пятнадцать минут они были в порту.

«Альбатрос» стоял у стенки со спущенным трапом. Внизу возле трапа толпились люди. В сумерках Фастов разглядел, что тут был почти весь офицерский состав судна во главе с капитаном.

Машина подъехала вплотную. Полицейский офицер подошел к капитану.

— Сэр, надо ли объяснять о причине опоздания вашего офицера?

— Нам кое-что известно из газеты...

— В таком случае разрешите пожелать вам счастливого плавания. До свидания, сэр.— Полицейский отдал честь капитану, а затем повернулся к Фастову, молодцевато козырнул ему. Полицейская машина, развернувшись и прогудев на прощание сиреной, укатила. Товарищи обступили Фастова, и ему оставалось утешать себя только тем, что сумерки сгустились. До тошноты мерзко было играть роль, которую ему навязали, но отступать он не мог.

Фастов сказал капитану, что хотел бы поговорить наедине. Они пришли в капитанскую каюту, и там Фастов, сославшись на сильную усталость, попросил освободить его на сутки от вахты.

Капитан охотно согласился. «Герой дня» заперся у себя в каюте и уснул. Ему снились кошмары...

Все последующее было столь же закономерно, сколь и отвратительно.

Иного пути, как к Мише, Фастов не видел. Ни о какой амбиции, ни о каком самолюбии помышлять ему не приходилось. Миша не упустил случая больно уколоть это самолюбие, но слишком его не топтал. Золото он пристроил в два счета, дав Фастову семь тысяч рублей.

Фастов получил машину и неделю ежедневно ездил на ней, катал Костю днем и Валентину вечером. Так что эта неделя прошла в чистой жизни. И с Валентиной все начало налаживаться. Но затем произошел срыв.

Пять тысяч Фастов спрятал в тахте, а остальные две держал в машине. И вот однажды днем позвонил неунывающий Миша, предложил встряхнуться. Кончилось тем, что отряхивались они уже в Сухуми. Осуществилось давнее намерение Миши — махнуть из аэропорта куда-нибудь на южный курорт. С женщинами, разумеется.

Машины свои они оставили в аэропорту и по возвращении были подвергнуты штрафу. Отсутствовал Фастов четыре дня.

Обстановка в семье накалилась до предела. Он и не пытался оправдываться, ибо оправданий ему не было.

Наконец Валентина не выдержала гнетущего мрачного молчания и завела решительный разговор. Она умоляла Юрия опомниться, обещала никогда не вспоминать прошлого и не упрекать, говорила, что будет любить его больше прежнего, если он сумеет себя переломить. Она спрашивала, какая сила так изменила его, почему вдруг он так безжалостно разрушает жизнь троих людей. Ничего вразумительного он ответить не мог. Ему оставалось ждать очередного рейса в надежде, что время хоть немного поправит дело.

Выяснение отношений кончилось ничем, но в день его отплытия случилось несчастье: Валентина обнаружила деньги. А было так. Он достал две упакованные в тонкую резину пачки из тахты еще утром, как только жена и сын

ушли из дому. Кинул их сверху в свой простенький фибровый чемодан, в который Валентина сложила ему белье и носовые платки. И пошел в ванную принять душ.

Он не слышал, как открылась и закрылась входная дверь, как вернулась жена. Ее хирурга срочно вызвали в Москву, и образовался свободный от операций день. Она отпросилась с работы.

Увидев в чемодане какие-то странные резиновые кирпичики, она не сдержала любопытства и распотрошила один из них. И обомлела при виде такого количества денег. У нее не возникло мысли, что муж везет их с собой в рейс. Откуда они — вот что взволновало ее. Когда Фастов вышел из ванной и увидел жену сидящей с деньгами в руках и с паническим выражением лица, у него упало сердце.

— Откуда это? — едва выговорила она.

— Не мои, не мои. — Он заставил себя говорить спокойно.

— Юра, куда ты катишься?

— Не устраивай драму. Но если хоть кому-нибудь скажешь про это... — Он взял у нее пачку, бросил в чемодан, закрыл его. — Скажешь — погубишь и меня, и себя, и Костю.

...В этот раз она его не провожала. Много дней и ночей терзала она себя упреками, что проглядела, упустила, что была чересчур горда, когда следовало умолять и плакать. Она не находила себе места, не знала, чем отвлечься. Наконец затеяла генеральную уборку квартиры. И обнаружила в тахте сберкнижку на предъявителя. Это было последней каплей. Наутро она, бледная, с опухшими от слез глазами, пришла в управление пароходства. Начальника не было, ее принял первый заместитель, который хорошо знал Фастова.

Валентина рассказала о своей семейной жизни все без утайки. Она не скрывала, что ей страшно за мужа, и просила повлиять на него, принять какие-то меры воздействия, чтобы остановить его. Она уверяла, что Фастов катится в пропасть, и только решительное вмешательство может его спасти...

Когда «Альбатрос» пришел в родной порт, Фастова у трапа ожидал заместитель начальника пароходства. Он сделал вид, что оказался на пирсе совсем по другим делам, а на Фастова наткнулся невзначай.

— Зайдем ко мне. Надо поговорить.

Машина быстро доставила их к управлению. В приемной заместителя ожидали двое незнакомых Фастову мужчин. Заместитель поздоровался с ними, попросил подождать еще немного.

— Садись, — сказал он Фастову в кабинете. Фастов сел за длинный стол.

— Ну, как жизнь? — с наигранным, как показалось Фастову, добродушием спросил заместитель и, не ожидая ответа на свой чисто риторический вопрос, задал вопрос уже конкретный: — Как у тебя семейные дела?

Сердце у Фастова екнуло, он понял: без него тут что-то произошло.

— Да ничего, Николай Иванович, не жалуюсь.

— Все, значит, спокойно? Ничем поделиться не хочешь? На душе все в порядке?

Николай Иванович давал Фастову шанс покаяться. Но Фастов ничего не собирался объяснять и рассказывать. Он изобразил недоумение.

— Не понимаю, Николай Иванович, в чем дело... Прямо с борта на ковер...

— Значит, нечего сказать?

— Честное слово, ничего не понимаю.

— Ну, в таком случае извиняй. — Он широким шагом подошел к двери, распахнул ее и пригласил в кабинет тех двух ожидавших товарищей. Один из них с пугающей вежливостью обратился к Фастову:

— Прошу вас показать нам содержимое чемодана.

В чемодане лежало под бельем шесть килограммовых золотых слитков...

Мишу Суликошвили арестовали через месяц, предварительно выявив кое-какие из его деловых связей.

...Обо всем этом и вспоминал Фастов, ворочаясь без сна в тюремной камере на своей не слишком-то мягкой постели.

Продолжение следует.

СИОНИЗМ

БЕЗ

МАСКИ

2 мая 1918 года в Москве состоялась секретная конференция одной из орудовавших тогда в России сионистских организаций — «Цейре-Цион». Программа, принятая участниками этого контрреволюционного собрания, представляла собой конкретный план борьбы с коммунизмом. «Социализм, — говорилось, в частности, в ней, — стоит сионизму поперек дороги. Сионизм и социализм не только два полюса взаимоотталкивающиеся, но два элемента, друг друга совершенно исключающие».

С делегатами упомянутой конференции автору книги «Дикая полын» пришлось столкнуться рано. Сионистские агитаторы орудовали в его родном городе Виннице вовсю, пытались втянуть в свои антисоветские организации максимум еврейского населения города. И уже тогда, в юные годы, будущий писатель, драматург и публицист Цезарь Солодарь понял главное: радеющие на словах о судьбах евреев сионисты прекрасно уживаются с любимыми, самыми махровыми националистами, и в том числе антисемитами, лишь бы те были врагами социализма и Советской власти. Не приходится удивляться тому, что тогдашний сионистский лидер Жаботинский заключил договор о помощи Антанте с представителем такого «друга евреев», как Симон Петлюра.

Через два десятилетия, в самом начале Великой Отечественной войны, автору «Дикой полыни» пришлось присутствовать при допросе одного из тех, кто с огнем и мечом пришел на нашу

землю, — бывшего активиста гитлерюгенда, захваченного в плен под Вязьмой. И писатель-фронтвик был потрясен, явственно услышав в наглых ответах пленного фашистского выкорымыша определенный перелом того, что твердили винницкие сионисты весной 1919 года. Те же человеконенавистнические бредни об «избранной нации», ее «исторической миссии», «жизненном пространстве» заставили писателя задуматься о разительном совпадении теории и практики сионизма и нацизма.

Сейчас эта аналогия не требует доказательств. Сходство сионизма и нацизма окончательно доказано бесчеловечной практикой главредов государства Израиль, подручных которых открыто проводят политику агрессии и геноцида против населения захваченных территорий и поддерживают в своей стране порядки, давно заклейменные Нюрнбергским трибуналом. Но тем не менее факты, приведенные Ц. Солодарем в его строго документальной книге, заставляют вновь и вновь задуматься о глубоком духовном родстве последователей Адольфа Гитлера и Теодора Герцля. В этом смысле весьма характерен цитируемый писателем документ ЦК Коммунистической партии Израиля, устанавливающий, что в годы второй мировой войны сионистское руководство искало пути к нацистским главарям для реализации целей сионизма за счет еврейских народных масс:

«Кастнер (руководитель так называемого Комитета по спасению евреев в хортистской Венгрии, впоследствии видный функционер правящей израильской партии МАПАИ. — А. Г.) и его коллеги прекрасно знали, что нацисты собираются отправить венгерских евреев в лагерь смерти, в газовые камеры, но предпочли скрыть это в обмен на обещание нацистского палача Эйхмана дать возможность нескольким сотням евреев, главным образом сионистам и просионистским богачам, эмигрировать в Палестину». Так (и это лишь частный случай!) сионистским деятелем были преданы тысячи людей, доставленных с его помощью в газовые камеры «без излишнего шума и волнений».

Сионисты и поныне причисляют Кастнера к сонму национальных героев (отправив его предвзвешенно на тот свет руками агента политической полиции Израиля), утверждая, что он спас от смерти тысячи венгерских евреев. Не может же сионизм, подчеркивает писатель, всенародно признать, что спасение многим смертникам принесла Советская Армия! Факты же не оставляют в этом ни малейшего сомнения.

Эти факты старательно утаиваются сионистской пропагандой, которая лезет

из кожи вон для того, чтобы доказать равнодушие народов всего мира к судьбе депортированных нацистами евреев. Так подкрепляется легенда о «глобальном антисемитизме», используемая сионистами для реализации своих неблагоприятных целей.

А эта реализация требует прежде всего живой силы, переселения евреев в Израиль любой ценой. Организованное в сороковых годах сионистами вторжение в Палестину в самой своей основе было широко задуманной империалистической операцией против нарастающего на Арабском Востоке национально-освободительного движения. Империалисты поддерживали идею создания «еврейской родины», чтобы разом нанести удар по арабскому освободительному движению и иметь в этом районе послушную агрессивную силу. Так сионизм сомкнулся с империализмом в единых рядах врагов мира и прогресса.

Сейчас, когда в результате своей агрессивной политики государство Израиль оказывается во все большей международной изоляции, сионисты форсируют кампанию привлечения иммигрантов. Как подчеркивал американский обозреватель И. Ф. Стоун, «Израиль не хватает евреев для своей экспансии». Иными словами, Израиль нужно пушечное мясо.

К сожалению, эта простая истина не дошла до тех людей, которые, отказавшись от Родины, променяли ее на хваленый сионистский «рай». «Сейчас, — гневно говорит писатель, — эти люди плачут. Сейчас они умоляют вернуть их на Родину. Сейчас они заверяют, что готовы любой ценой искупить свой отказ от советского гражданства, что согласны жить в любом уголке Советской страны...» и т. д. и т. п. О чем же думали раньше эти люди, которых автор книги справедливо называет «бывшими»? Одни ссылаются на психоз, даже на своего рода заразную лихорадку, другие объясняли свои действия «стадным чувством», третьи вообще не знают, о чем они думали. «Все беды и горести этих людей, — подчеркивает Ц. Солодарь, — закономерный результат того, что они предали свою Родину!»

Однако только ли израильские сионисты калечат жизнь тысячам людей, заманивая их в свои тенета? Нет, указывает писатель, израильские сионисты, все явственно ощущающие сопротивление прогрессивных кругов своего государства, вынуждены все больше и больше опираться на поддержку широко разветвленной системы международного сионизма во многих капиталистических странах.

Глобальная деятельность сионистов и их империалистических покровителей — еще одна важная тема «Дикой полыни». Факты, собранные советским публицистом в разных государствах Западной Европы, убедительно доказывают преступный характер деятельности многочисленных сионистских организаций, которая, как в дни юности автора, по-прежнему смыкается с деятельностью врагов мира и прогресса.

На протяжении более пяти десятков лет Ц. Солодарь был свидетелем неисчислимых несчастий, которые приносят евреям сионисты. Созданная им книга — мощный обвинительный акт против международного сионизма, этого врага, который для осуществления своих целей не гнушается ничем.

А. ГРЕЧУХИН

Ц. Солодарь. Дикая полын. М., «Советская Россия», 1977, 288 стр.

ВРЕМЕНА ГОДА

ПОЭЗИЯ РУССКОЙ ПРИРОДЫ

Издательство «Молодая гвардия» выпустило книгу «Времена года», своеобразную поэтическую антологию о родной природе.

Времена года. Родная природа в поэзии. Составитель Вад. Кузнецов. М., «Молодая гвардия», 1976, 256 стр.

В сборник вошли произведения более ста поэтов, среди которых Ломоносов, Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Блок, Есенин, Маяковский, Ахматова, Твардовский и другие.

Во «Временах года» природа раскрывается сквозь призму двухвековой истории русской поэзии. Прочитав книгу, замечаешь, как изменилось твоё восприятие окружающего. То, что прежде казалось незаметным и обыденным, вдруг обращает на себя внимание. Серое оконное стекло неожиданно превратилось в многокрасочный витраж, за которым ошеломляет обилием цветов русская осень. Листопад на бульварах напомнит есенинское — «тихо льётся с кленов листьев медь». Первые осенние заморозки, когда от брошенного камня поют пруды, легкая грусть и постоянно ощущаемое в городе желание одиночества толкают за город, где можно бродить по лесу, шурша палой листвой, и повторять про себя одни и те же строки:

Сколько нежности и грусти
В том, что чуть бездомен сам,
В стелющихся лужах, в ломком
Хрусте,
В заморозках по ночам.

Вспомним вершины мудрости и красоты в пушкинской поэзии! Прочитайте еще раз «Вновь я посетил...», и вы поймете, что это и есть настоящая, бессмертная поэзия.

А лермонтовские «Тучи»?

Вечно холодные, вечно
Свободные,
Нет у вас родины, нет вам
Изгнания.

Как велико здесь чувство печали и верности...

Пастернак удивляет и поражает чистотой строк и точностью образов.

Нежность слышится в стихотворениях Ахматовой.

Есенинские, такие дорогие для каждого из нас строфы:

Как бы я и хотел не любить,
Все равно не могу научиться,
И под этим дешевеньким
Ситцем

Ты мила мне, родимая выть.

Владимир Луговской и его стихотворение «Звезды осени». Слияние любви к женщине и природе. Что нужно поэту? «Счастья миг? Забытый голос? Дружбы поднятый стакан?» А дальше появляется утверждение:

Может быть, ее и надо...
Только с нею мне нужны
Лист бродячий, жесткость
Сада,
Одинокий стон сосны...

Твардовский обращается к родной смоленской земле. Здесь его истоки, здесь все то, чем он живет:

Ветром, что ли, поддуло
С тех печальных полей.—
Что там с ней, как подумаю,
Стороною моей!

С тою русской сторонкою,
Захолустной, лесной,
Незавидной, негромкой,
А навеки родной.

Разные, во многом непохожие поэты, стихи которых собраны в этой книге, имеют одно общее — неразрывность с народом, с родной природой. Здесь они черпали свою творческую силу, вдохновение. Родная природа для них всегда отождествляется с Родиной. Каждый находит в ней «свое»: Лермонтов — «ее степей холодное молчанье, ее лесов безбрежных колыханье», Некрасов — единство с Волгой:

О Волга!.. колыбель моя!
Любил ли кто тебя, как я?

Блок — безграничную преданность:

Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые —
Как слезы первые любви!

В заключение нельзя не оценить большой труд, который проделал Вадим Кузнецов, редактор-составитель книги. Она дает возможность еще раз почувствовать русскую поэзию, ощутить «дубравы мирные, священный сердцу кров», осознать Родину.

Алексей МАКСИМОВ

СЛОВО О ДРУГЕ

На 77-м году жизни скончался известный советский писатель Дмитрий Ильич Петров (Бирюк).

Сын степей донских, хуторской мальчишка из Хоперского округа бывшей области Войска Донского, он сполна испытал из чашки испытаний, на которую обрекались в дореволюционной России бесправные дети нужды. Рано пошел он внаймы к кулакам, но эта горькая судьба привела юношу на праведный путь. В рядах Красной гвардии сражался против белогвардейцев, в 1920 году вступил в Коммунистическую партию.

С годами мужал, учился, сердцем тянулся к партийной печати. Работал в редакции газеты «Красный Хопер», потом в московской газете «Беднота». Годы войны и мира, в которых Д. Петров познавал революционную действительность, обострили его слух и глаза. Он пишет очерки о становлении нового строя, выходит к читателям со своим первым романом «На Хопре». За долгие годы плодотворного творчества Д. И. Петров (Бирюк) вносит в советскую литературу заметный вклад — ныне широко известны у нас и за рубежом его исторические романы: «Сказание о казаках», «Дикое поле» («Кондрат Булавин»), «Сыны степей донских», «Юг в огне», «Степные рыцари» и другие произведения.

Д. Петрова (Бирюка) справедливо считают одним из создателей донской советской прозы. Сразу после Великой Отечественной войны по рекомендации Александра Фадеева Дмитрий Ильич возглавил Ростовское областное отделение Союза писателей и в течение нескольких лет успешно руководил им.

Он по-сыновьи любил родную Донщину. Великолепно знал бурную историю тихого Дона, его самобытных и отважных сынов. Не зря еще сорок лет назад выдающийся земляк писателя Маршал Советского Союза Семен Михайлович Буденный тепло высказался в ростовской газете «Молот» о книгах Д. И. Петрова (Бирюка), отметил их большое воспитательное значение.

Писатель умер, но талантливые книги его живут. Читатели справедливо называют Д. И. Петрова (Бирюка) одним из крупных летописцев донского края.

Михаил АНДРИАСОВ

Ростов-на-Дону.

РАЗДУМЬЯ О КИНЕМАТОГРАФЕ

софии Е. Громова рассматривает важнейшие явления современного кинематографического процесса. Опираясь на разнообразные, порою даже разноречивые проблемы, автор тем не менее сохраняет единство взглядов на самую природу, специфику кинематографа.

Именно целостный подход к кинопроцессу, к его духовному назначению и позволяет критику вести анализ, объединяя внутреннюю жизнь человека и его общественно-производственную практику как главные объекты экранного искусства. Автор полемизирует с буржуазными теориями кино, утверждающими антигуманистическую сущность не только социального бытия человека, но и личности вообще.

Проблема личности, без преувеличения, всегда была ключевой для советского кинематографа. Именно в показе героя как активного участника исторического процесса состоит коренное отличие миропонимания советских кинохудожников от миропонимания деятелей

буржуазного кинематографа. Каков же сегодняшний киногерой? Этим вопросом задается автор книги, обращаясь к фильмам 70-х годов.

В поле зрения Е. Громова находятся многие картины. Эрудиция автора в вопросах философии, социальной психологии сочетается с глубоким знанием панорамы мирового кино. Это позволяет Е. Громову свободно сопоставлять практику советского киноискусства с идейными позициями многих известных режиссеров Запада.

«Кино в параметрах культуры» — заключительный раздел интересного исследования. Пафосом этих страниц является критика философско-социологических основ буржуазного кино. Автор с марксистских позиций дает оценку «элитарных» теорий и фильмов «масскультуры». Тотальное отчуждение человека на экранах буржуазного кинематографа противопоставляется в книге подлинная народность нашего киноискусства, его высокий гуманизм.

Ю. САМАРИН

ДУХОВНОСТЬ ЭКРАНА

Вышедшая в конце прошлого года книга известного кинокритика доктора фило-

Е. Громова. Духовность экрана. М., «Искусство», 1976, 255 стр.

Владимир
КРАВЧЕНКО

СТИХИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

ЛУНОХОД

Луноход, сказали мне,
Опустился на Луне.
Не поверив чудесам,
Я решил: проверю сам.
Взял бинокль, не побоялся
И на крышу вмиг забрался,
На Луну бинокль навел,
Наблюдение првел.
Я смотрел и так и сяк,
Не нашел его никак.
Вспомнил я: ведь у Луны
Две различных стороны.
Значит, этот луноход
На другой, на той живет.
Повернуть бы мне Луну
На другую сторону.
Только... нет, беда придет,
Луноход ведь упадет.
Я решил на крыше так.
Ну, а вы, ребята, как?

ШАПКА

Мама мне купила шапку,
Я взяла ее в охапку,
Понесла домой скорей,
Чтобы было ей теплей.

В МАГАЗИНЕ ИГРУШЕК

Мне понравился «Москвич»,
«Волга» — моей маме,
А сосед Иван Кузьмич

Не согласен с нами.
У прилавка он стоит,
Моей маме говорит:
— Загляните чуть вперед
И купите вертолет.

УЧТЕМ

Папа сделал мне качели,
Я качался две недели,
А потом мои качели
Самому мне надоели.
Мне купили самокат,
Я был очень, очень рад.
Я носился, как стрела,
Позабыв свои дела.
Папа говорил потом:
— Ты совсем забыл о том,
Что нельзя так увлекаться
И до чертиков кататься.
Папе я сказал: — Учтем,
Только чертики при чем?

БЕЛОЧКА

Мне слепила тетя Нина
Белочку из пластилина.
Белка вышла в полный рост,
У нее из ваты хвост,
Правда, хвост ненастоящий,
Но пушистый и изящный.
Из мочалы — усики,
Вместо глазок — бусинки.
Коготки кривые,
Словно запятые.

Есть ли зубки, я не знаю:
Белка рта не открывает.
И не учится ходить,
Я должна ее носить.
Мне три годика сейчас,
Белка — только родилась.

СОЛНЫШКО

В речку солнышко
упало,
Под волной
затрепетало.
Испугалось, бедное,
Стало желто-бледное.
Под водою —
странно,
Непривычна ванна.
Под водою —
страшно,
Холодно, опасно.
Можно простудиться,
Быстро охладиться.
Солнышко холодное?
Ни к чему!
Мы поможем солнышку
Своему!
Не дадим мы солнышку
остывать,
Будем меры срочные
принимать.
Мы веревку длинную
принесем,
Бросим ее солнышку
и... спасем!

КТО САМЫЙ СИЛЬНЫЙ

Самый сильный кто на свете?
Говорят, что муравей.
Ну, а вы согласны, дети?
Кто, по-вашему, сильнее:
Слон, пантера, волк, горилла
(Не забудьте крокодила,
Тигра, льва — царя зверей)
Или все же... муравей?

ГУСИ-ЛЕБЕДИ

Гуси-лебеди летели,
Самолет крылом задел.
Закачался самолет
И пошел гусям в облет.
Закричали хором гуси:
Га-га-га, большой, а струсил!
Видно, гуси те не знали,
Что пилоты их спасали.

КРАНЫ

Эти краны-великаны
Очень быстро подросли:
Сорок метров от земли.
Помогите, краны, нам:
Поднимите к облакам.

ШАР

Вова Тане говорит:
— Посмотри, там шар висит,
Он висит там пять ночей,
Значит, шарик тот ничей.
Таня Вове отвечает:
— Кто ж Луны у нас не знает,
На нее давно с Земли
Посылают корабли.

УГАДАЙ

Сложная работа
У этого пилота.
Командир он не простой,
А корабль ведет какой.
Дом его — аэродром?
Нет, далекий космодром!
Угадали, дети,
Кто летит в ракете?

Корреспондент
ДВ
Минска

А ГДЕ ЖЕ ПТИЧКА?

— Скажите, а верхом на коне
нельзя? В черные с газыря-
ми... В папаше...
— На каком коне? Какая чер-
кесна с газырями? Это когда
физиономия в картинку просу-
нута, что ли?
— Вот-вот! Нельзя?
— Спыхватились! Это ж двад-
цатые — начало тридцатых го-
дов... Теперь так никто не ра-
ботает! Все уже по-другому.
— А-а! Значит, наверное, и в
лодке нельзя... На фоне роскош-
ных пальм знойного юга... И
чтоб море плескалось... Тринад-
цать на восемнадцать размер...
Не моря, конечно, а фотогра-
фии... Или хотя бы девять на
двенадцать...
— Сказано же, давным-давно
никаких коней и никаких

пальм. С прошлым покончено
безвозвратно! Прогресс! Ясно?
Ясно, конечно, если подумать:
ну зачем современному челове-
ку наивные фотографии, этан-
кий глянцевый примитив для
украшения мешанского быта?
Очень хорошо, что все по-ново-
му.
Все? Погодите, погодите... А
очереди? Порой целые хвосты у
дверей под вывеской «Срочное
фото». «Внимание, выдержка
три секунды... Смотрите сюда...
Снимаю!» Это когда ты уже до-
стиг стула в зоне действия фо-
тоаппарата. А до этого? Оче-
редь — выдержка примерно
двадцать минут, чтоб выписать
квитанцию, и около часа, пре-
жде чем замереть на две-три се-
кунды перед аппаратом. Сове-
ременно? Ничего подобного. Дав-
но пройденный этап.
Не исчезают очереди. Да и
как им исчезнуть, если в Минс-
ке на миллион с лишним жите-
лей всего семь срочных фото-
ателье. Правда, поставили еще
несколько автоматов. Но те, кто
ставил, сами предупредили: на
документы продукция автома-
тов не годится — не то качество
(зачем же тогда, позволять спро-
сить, автоматы? Ведь новорож-
денного не понесешь к автома-
ту — запечатлеть на память. И
с друзьями после вручения дип-
лома или аттестата зрелости то-
же к фотоавтомату не пойдешь).
Срочные фотоателье к тому

же размещены неудачно, не на
виду, плохо рекламируются. И
случается нередко, что в одних
люди толпятся, в других — сну-
чают мастера.
И еще есть причины. Их дав-
ным-давно «проявили» и «за-
репили». Минская фабрика фо-
тоаппаратов размещена в мало при-
способленном для нее помеще-
нии. Городское управление бы-
тового обслуживания в отличие
от областных не имеет снабжен-
ческого аппарата (решили в
свое время, что функции снаб-
жения города возьмут на себя
снабженцы из аппарата респуб-
ликанского министерства, но у
них свои заботы республикан-
ского масштаба, и Минску вни-
мания почти не уделяется). А
посему сплошь и рядом бывает:
кончается на фабрике какой-ни-
будь поташ, и если не хочешь
проставать, шли гонца в Дон-
басс или еще куда-нибудь. А ко-
го гонцом нарядить, если в
штатном расписании против
соответствующей строчки про-
черк?
Помещения, материалы, штат-
ные расписания... Много приня-
то в Белоруссии решений по
улучшению бытового обслужи-
вания населения. А реализуют-
ся они явно не нынешними тем-
пами. На примере срочной фо-
тографии видно. Стоишь там в
очереди, и невольно всякие
сравнения, аналогии в голову
приходят. «Смотри, детка, сю-

да, — призывает фотограф ма-
лыша, — сейчас отсюда птичка
вылетит». Малыш ждет. А где
же птичка? Нету птички. Нечто
подобное происходит и с улуч-
шением бытового обслужива-
ния. В обувных мастерских,
химчистках, трикотажных и
швейных ателье тоже еще
очереди «в моде». Обещают.
Устанавливают сроки. Люди
ждут.
Недавно Центральный Коми-
тет КПСС принял постановление
«О работе Министерства бытового
обслуживания населения
РСФСР по улучшению качества
выполнения заказов и повыше-
нию культуры обслуживания
трудящихся». Постановление
содержит строчки в адрес всех,
кто направляет и ведает рабо-
той этой отрасли в союзных
республиках. Им предложено
«обеспечить безусловное выпол-
нение заданий по объемам ре-
ализации бытовых услуг, рас-
ширению и укреплению мате-
риальной базы, более эффек-
тивное использование дейст-
вующих мощностей, повышение
качества исполнения заказов».
Надеемся, что работники
службы быта и в нашем городе
положат в основу своей дея-
тельности это чрезвычайно важ-
ное и своевременное постанов-
ление.

Минск.

А. ДАНИЛОВ

по просьбе
читателей

СВОЯ ПЕСНЯ

Н. АЛЕКСЕЕВА,
фото Э. ЭТИНГЕРА

Она стояла посреди небольшого зала и жонглировала тремя золотыми шариками. Вернее, пыталась жонглировать. Ее наставник, клоун Андрей Николаев, терпеливо поучал: «Не торопитесь, руки должны двигаться плавно...» Непослушные мячи все равно летели в стороны и падали, но ученица, упрямо сжав губы, снова и снова подбирала их...

Вот так состоялось наше знакомство с лауреатом всесоюзного и международного конкурсов артистов эстрады певицей Аллой Пугачевой.

— Для чего это вам! — спросила я, когда Алла, отложив мячи, с тем же, можно сказать, неистовством принялась осваивать цирковой трюк со шляпой и тростью.

— Для чего! — удивленно переспросила она. — А чтобы уметь. Когда-нибудь пригодится и на сцене. Песню нужно не только спеть, но и показать, сделав из нее целое представление. Только тогда, мне кажется, встреча зрителей с певцом может стать праздником...

А ведь зрителям пришлось долго ждать этой — праздничной — встречи с Аллой Пугачевой. Правда, я думаю, многим запомнилось ее первое появление, лет так десять назад, когда совсем еще юная певица трогательно, может быть, наивно спела песенку про робота, так и не ставшего человеком. Было еще несколько выступлений по телевидению и на радио, а потом Пугачева на несколько лет исчезла из поля зрения многомиллионных телезрителей и радиослушателей.

— Я поняла, что такая широкая

аудитория не должна видеть и слышать начинающего певца, — она должна встречаться с мастером. С профессионалом...

И Пугачева, окончив дирижерско-хоровое отделение училища имени Ипполитова-Иванова, ездит с бригадой радиостанции «Юность» по комсомольским стройкам, работает в Липецкой, а затем Московской областной филармониях. И лишь в 1974 году она решается принять участие во всесоюзном конкурсе артистов эстрады, почувствовав, что имеет уже достаточно опыта и сил, чтобы заговорить со слушателями на своем, и притом достойном внимании, песенном языке. И не секрет, что далеко не всем исполнителям удается достичь того взаимопонимания, того контакта, который сразу же возникает у Аллы Пугачевой со зрительным залом. Особенно после ее, скажем прямо, триумфальной победы на конкурсе «Золотой Орфей».

«Пугачевский взрыв» — так характеризовала зарубежная пресса

исполнение певицей песни Э. Димитрова «Арлекино». Написанная много лет назад, песня зажила новой жизнью, наполнилась новым, более глубоким смыслом. Пугачева умеет вдохнуть новую, свою жизнь — яркую, радостную или печальную, романтическую или трагическую — в любую песню. И исполнить ее так, что даже у самого строгого слушателя не останется сомнения: да, это именно ее песня, Аллы Пугачевой. И иначе спеть никак нельзя... Искренность и непосредственность, с какими выходит певица к слушателям, рождает ответное понимание и сочувствие, сопереживание героям ее песен. Тут уже можно говорить об образах, созданных Пугачевой-актрисой, так как ее песня — талантливый микроспектакль, который певица ставит сама, будь то драма, комедия или трагедия. Алла Пугачева долго и трудно шла к успеху, к популярности и потому очень требовательно и взыскательно относится к себе самой. Она по-прежнему ищет себя. Ищет, очень тщательно отбирая песни, свой репертуар. Ищет точное сценическое воплощение каждого музыкального произведения. Наверное, для того, чтобы делать это более профессионально, она сейчас учится в ГИТИСе.

— После трудового дня, — говорит Алла, — люди приходят на концерт. Здесь они должны хорошо отдохнуть, эмоционально зарядиться. Моя задача — создать им прекрасное настроение. Вместе с ними повеселиться и погрузиться. Именно вместе с ними, среди них!.. Хорошо, если моя грусть или веселье передаются зрителю — от него как бы возвращаются ко мне. И тогда я сама становлюсь еще более грустной или веселой...

Благодаря этому, судя по письмам, которые получает певица, слушатели видят в ней уже не просто певицу, актрису, но человека, друга. Просят помочь, делятся своими заботами, приглашают в гости...

Недавно у Аллы состоялась своеобразная премьера: она впервые выступила перед москвичами (во Дворце спорта) с большой программой. Уже за два часа до выхода она сидела, готовая к выступлению, перед зеркалом, нервно теребила самый короткий из локонов, с живописной небрежностью рассыпавшихся по плечам, и шептала: «Очень хочется на сцену. Очень...» И надо было видеть, как она буквально взлетела на ступеньки, ведущие к эстраде, как осветилось ее лицо широкой радостной улыбкой — не актерской, не деланной, а искренней. Она пела, и представлялось, что поет каждая клетка ее тела, ее душа, даже воздушное крылатое платье, подчеркивающее легкость движений певицы. И в то же время она как будто, в свою очередь, сама слушала зал, чутко улавливая малейшую реакцию. Создавалось впечатление, что певица совсем не думает о себе, о том, как она выглядит, красива ли, как движется... Ее волновал только самый образ песни. Ее волновал только человек, с чими глазами, глядящими из темноты огромного зала, она как бы пыталась встретиться своим взглядом.

И за всем этим угадывалось бесконечное стремление исполнительницы передать свое настроение, подарить свою песню каждому сидящему в зале. Не просто всем, а каждому...

ГИТИС. Идут экзамены...

Скоро репетиция. Алла Пугачева и Лев Лещенко.

Профессиональный разговор.

Андрей Николаев: «Вот теперь хорошо!»

Цена номера 35 коп.
Индекс 70663